

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В. В. Лукьянова»

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Сборник статей

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2017

УДК 34
ББК 67
П78

Редакционная коллегия:

С. В. Клевцов (председатель), К. Е. Сигалов, Е. Н. Щендригин,
В. А. Конюхова (ответственный секретарь)

П78 Проблемы государственно-правового строительства : сборник статей / редкол.: С. В. Клевцов [и др.]. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2017. – 177 с.
ISBN 978-5-88872-189-6

В сборнике представлены материалы всероссийских научно-практических конференций: «Органы ГАИ (ГИБДД): история и современность» (23 июня 2016 года) и «Становление и развитие системы органов полиции: от истоков к современности (300 лет российской полиции)» (27 октября 2016 года), состоявшихся в Орловском юридическом институте МВД России имени В. В. Лукьянова на кафедре государственно-правовых дисциплин.

Участники обсуждали актуальные проблемы правосознания и правовой культуры современных сотрудников правоохранительных органов, задачи повышения качества юридического образования в Российской Федерации, вопросы противодействия коррупции и экстремизму в современной России, проблемы взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества на современном этапе развития российского государства и другие проблемные вопросы в различных областях юридической науки. Представленные материалы отражают взгляд ведущих ученых-юристов, а также адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов на проблемы, стоящие перед Россией на пути государственно-правового развития.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 34
ББК 67

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Органы ГИБДД (ГАИ): история и современность

Алексеева Л. А. Детерминанты деформации правосознания сотрудников ГИБДД и способы их преодоления	5
Бондаренко М. В. Отдельные аспекты формирования правосознания и правовой культуры сотрудников ГИБДД современной России	10
Дорошенко Д. В., Новгородов Д. А. Генезис системы обеспечения безопасности дорожного движения в России на современном этапе	15
Кольжанов И. В., Сидорова Е. И. Подготовка сотрудников Государственной инспекции безопасности дорожного движения к взаимодействию с общественностью	20
Корнев В. И. Культурно-массовая работа среди личного состава Орловского участка дорожной милиции в середине XX века	22
Любимов Л. В. О преждевременности введения в Уголовный кодекс Российской Федерации статьи 264 ¹ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутому административному наказанию»	24
Мальцева О. А. Роль визуальной психодиагностики в деятельности инспектора ДПС	29
Михайлов О. Б. История возникновения дорожно-патрульной службы в России	33
Немцев Р. В., Тарасов А. Ю. Деятельность Госавтоинспекции СССР в период 1939–1945 годов	40
Павлова Е. В. Особенности государственной политики в области безопасности дорожного движения в России и в отдельных иностранных государствах	45
Петровых В. Л. О необходимости соблюдения административной процедуры освидетельствования водителей транспортных средств на состояние опьянения	49

Раздел 2. Становление и развитие системы органов полиции: от истоков к современности (300 лет российской полиции)

Абдуразаков А. А. Борьба с популяризацией религиозного экстремизма в Российской Федерации	55
Беляева О. В. Ценностный подход к праву	61
Богданов С. В. «Эпидемия убийств» (реальность, с которой столкнулась полиция Российской империи в пореформенные десятилетия)	65

Гребенкин А. Н. Право на получение офицерского звания в русской армии в 1701–1874 гг.: юридические и социокультурные аспекты	76
Гущина Е. М. Теоретико-правовые аспекты исследования динамики общественного правосознания российского государства ...	86
Долгих А. Н. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф о реформе П. Д. Киселева рубежа 1830–1840-х гг.	90
Дудченко Л. В. Правовые традиции, ценности и обычаи как неотъемлемая часть правовой ментальности	101
Жукова Н. А. Профилактическая деятельность подразделений дознания органов внутренних дел	106
Зверев В. О. Опыт работы политической полиции на службе военной контрразведки периода самодержавия	111
Кузовкина Т. С. Международно-правовые стандарты и зарубежный опыт законодательного закрепления свободы передвижения и свободы выбора места пребывания и жительства	115
Ляхова А. И. Совершенствование профессиональной адаптации сотрудников полиции	122
Миронов В. Л. Использование интернет-ресурсов МВД России в целях информационного взаимодействия с гражданами	126
Митина Т. В. Право на доступ к правосудию в России в исторической ретроспективе: период развития до 1864 года	132
Пенионжек Е. В. Проблемы осуществления правос воспитательной работы с населением сотрудниками подразделений дознания	137
Перов А. Н. К вопросу об имидже российской полиции сквозь призму правовой культуры сотрудника ОВД	142
Сидорова Е. И. Государственный и общественный контроль за деятельностью органов внутренних дел	147
Ситдикова Г. З. Совершенствование следственной деятельности и системы подготовки кадров в свете требований современных профессиональных стандартов	150
Тарасова И. А. Организационно-правовые основы деятельности Министерства внутренних дел Российской империи по обеспечению здоровья населения в первой половине XIX в.	154
Токарчук Р. Е. Проблемы административно-правового регулирования правомерного применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции при пресечении преступлений террористического характера	159
Юнусов С. А. Честь, достоинство и справедливость как правовые категории	168

РАЗДЕЛ 1. ОРГАНЫ ГИБДД (ГАИ): ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Алексеева Л. А.

ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОТРУДНИКОВ ГИБДД И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассматриваются некоторые причины и условия, влияющие на деформацию правового сознания сотрудников органов внутренних дел в целом и сотрудников ГИБДД в частности, а также некоторые способы ее преодоления.

Ключевые слова: деформация правосознания, правовое воспитание, формирование нравственно-психологического климата, профессиональная этика сотрудника ГИБДД.

Развитие деформации правового сознания сотрудников органов внутренних дел в целом и сотрудников ГИБДД в частности, имеет многофакторную детерминированность, в которой условия и причины, способствующие росту нарушений ими дисциплины и законности, тесно переплетены в неразрывный комплекс на протяжении всего формирования противоправного поведения.

В качестве основных детерминант, обуславливающих деформацию правосознания сотрудников органов внутренних дел, прежде всего представляется возможным указать: объективные социальные причины (экономическая ситуация в стране, устойчивая тенденция снижения жизненного уровня сотрудников органов внутренних дел, несмотря на повышение зарплат в 2012 году, экстремальные условия несения службы); постоянные институциональные трансформации в ведомстве в целом и негативные субкультуральные изменения, происходящие в его отдельных подразделениях, субъективные причины (правовой негативизм, недостаточный уровень общей и правовой культуры, снижение профессиональной мотивации, пренебрежение служебными обязанностями).

Наряду с этим деформация может проявляться как рост агрессивности, неадекватности в восприятии людей и ситуаций, приводя к падению (или утрате) способности к эффективному общению, самосовершенствованию, развитию, вплоть до потери вкуса к жизни [1].

А. В. Буданов называет три группы факторов, которые могут повлечь развитие профессиональной деформации: факторы, обусловленные особенностями деятельности органов правопорядка; факторы личностного свойства; факторы социально-психологического характера [2].

К первой группе факторов, связанных со спецификой деятельности органов внутренних дел, относятся: детальная правовая регламентация деятельности сотрудников; наличие властных полномочий по отношению к гражданам; гипертрофированная корпоративность деятельности; повышенная ответственность за результаты своей деятельности; нестабильный график работы, психические и физические перегрузки; экстремальность службы; необходимость контакта с правонарушителями, что может привести к усвоению элементов криминальной субкультуры; неудовлетворительный уровень оперативно-технического оснащения служб и подразделений органов внутренних дел; низкий уровень социальной и правовой защищенности сотрудников.

Вторая группа факторов, включающих личностные особенности сотрудников органов внутренних дел, объединяет такие факторы как: завышенный уровень притязаний сотрудника, который не соответствует его возможностям; низкая профессиональная пригодность сотрудника к работе в органах внутренних дел по психологическим качествам (особенности темперамента, уровень мотивации к службе, профессиональные установки); разочарование в профессиональной деятельности; неуверенность в нужности своей профессии.

К факторам социально-психологического характера относятся: грубый стиль руководства; конфликты между сотрудниками; различные виды психологического насилия в коллективе; неблагоприятное влияние ближайшего социального окружения вне службы (семья, друзья и пр.); негативное освещение деятельности правоохранительных органов в средствах массовой информации; низкий социальный престиж правоохранительных органов.

Помимо вышеперечисленного на формирование профессиональной деформации личности влияют такие факторы как низкая заработная плата, отношения с коллегами и руководителем, престижность и разнообразие выполняемой работы.

Представляет интерес изучение личности сотрудника ГИБДД, совершающего коррупционные нарушения, проведенное Д. С. Суховым. Так, в соответствии с проведенными исследованиями, все сотрудники подразделений ГИБДД, совершившие коррупционные преступления, являются лицами мужского пола, в возрасте от 26 до 40 лет, имеющими высшее образование, состоящие в браке, с преобладанием лиц, начальствующего состава. Также была выявлена связь между стажем практической работы в ГИБДД и уровнем коррупции. По мере увеличения стажа работы возрастает и интенсивность коррупционной деятельности. Основным мотивом коррупционного поведения сотрудников ГИБДД было желание улучшить свое материальное положение [3].

Сегодня в качестве основных направлений преодоления правовой деформации сотрудников органов внутренних дел могут быть использова-

ны: нравственно-правовое воспитание; профессиональная подготовка, переподготовка, повышение квалификации; проведение различного рода научных конференций; оздоровление межличностных отношений в рабочем коллективе; совершенствование взаимодействия сотрудников органов внутренних дел со средствами массовой информации, дальнейшее развитие принципа открытости деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Несмотря на достаточно внушительное количество теоретических работ по проблемам правового воспитания, практическая составляющая реализации данной проблемы остается весьма актуальной.

Ряд резонансных дел, фигурантами которых стали сотрудники правоохранительных органов заставил власти обратить внимание на существующие проблемы функционирования системы МВД, и предпринять ряд шагов по ее совершенствованию. Начало процесса реформирования МВД России было положено Указом Президента РФ от 24 декабря 2009 г. «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» [4]. Активная фаза преобразований началась с 1 марта 2011 г., когда Федеральный закон «О полиции» вступил в силу, далее были подписаны семь указов, непосредственно определяющих направления реформирования Министерства [5]. Нормативной основой нового полицейского законодательства стали, помимо Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральные законы от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] и Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7].

В настоящее время достаточно широкий круг нормативных актов закрепляет нормативную базу деятельности органов внутренних дел. В их числе 17 указов Президента России, 19 постановлений Правительства и более 800 ведомственных нормативных правовых актов. И эта работа еще не завершена. О масштабах и качестве нормативно-правовой деятельности говорит та оценка, которую дал Президент России на коллегии по итогам года, отметив, что МВД получило добротную нормативную базу, которой не было никогда, за исключением царского периода [8].

Несмотря на ряд проведенных мероприятий, связанных с реформированием системы органов внутренних дел, начавшихся в 2011 году, которые включали в себя приведение нормативной базы в соответствие с новыми реалиями, оптимизацию всей структуры МВД, переаттестацию кадров, качественного изменения в деятельности органов внутренних дел так и не произошло.

Уже в 2010 году было зафиксировано внушительное количество фактов существования преступности в среде сотрудников полиции [9], а ситуация с дорожно-транспортными происшествиями, совершенными сотрудниками полиции вообще не изменилась. Таким образом, проведенная реформа фактически свелась к переименованию и некоторому изменению организационного построения системы органов внутренних дел, при этом основное звено системы – ее сотрудник – перестраиваться не хочет или, если точнее выразаться, не может.

В этой связи, как представляется, первоочередной задачей реформирования должна выступать не смена наименования государственного органа, а изменение отношения сотрудников органов внутренних дел к выполняемым обязанностям, их воспитание и перевоспитание в духе уважения и соблюдения действующего законодательства, в духе уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, формирование такой системы, которая будет служить обществу, а не противостоять ему. Разрешение этой ситуации во многом видится в правовом воспитании сотрудников органов внутренних дел.

Безусловно, основную нагрузку по формированию правосознания и правовому воспитанию должны нести образовательные учреждения системы МВД России. Преподавателям вузов необходимо не только формировать основы знаний, но и вырабатывать у курсантов объективные взгляды на многие вопросы современной действительности, а также решать проблемы воспитания в духе справедливости, нравственности, в развитии качеств, необходимых для преодоления экстремальных физических и психологических нагрузок.

Главная задача всей воспитательной работы – это формирование у каждого сотрудника активной позиции, деловитости, компетентности, сознательного отношения к труду, общественному долгу.

Профессиональная деформация – это, прежде всего, нравственная деформация. И, если сотрудник полиции нравственно обеднел, то это может привести к злоупотреблению служебным положением, нарушению законности. Получая различного рода информацию, такой сотрудник может использовать ее в личных целях, поэтому нравственная надежность играет важную роль, т. к. в этой профессиональной системе имеется сравнительно доступная возможность удовлетворить свои материальные и иные потребности за счет лиц, попавших в сферу деятельности.

Именно наличие моральных качеств, нравственное воспитание сотрудников создает барьер к профессиональной деформации.

Одним из направлений профилактики профессиональной деформации является осуществление воспитательной (педагогической) работы. К ней, например, относятся обеспечение в процессе служебной деятельности преемственности между сотрудниками милиции и повышение управленческой культуры руководителей.

В сфере формирования нравственно-психологического климата в коллективах органов внутренних дел:

- создание условий ускоряющих адаптацию молодых и вновь прибывших сотрудников;
- систематический сбор и оценка социально-психологической информации о подчиненных (неформальное лидерство, психологическая атмосфера, в т.ч. слухи, сплетни и т. д.);
- эффективное использование общественного мнения коллектива;
- открытое решение вопросов материального и морального поощрения отличившихся сотрудников;
- изучение, закрепление и развитие положительных традиций профессиональной деятельности.

Учитывая причины возникновения профессионально-нравственной деформации, ее структуру и формы проявления, следует осуществлять целенаправленное и непрерывное профилактическое воздействие.

К частным задачам, решаемым в процессе профилактики, следует отнести:

- выработку у сотрудников профессионального иммунитета и высокой культуры в работе;
- развитие нравственно-психологической устойчивости и деловой направленности у всех сотрудников органов правопорядка;
- формирование у сотрудников установки на следование в работе профессиональной этике;
- совершенствование стиля и методов управления персоналом;
- формирование оптимального морально-психологического климата в службах и подразделениях органов правопорядка

Теорией и практикой выработаны некоторые рекомендации для профилактики профессиональной деформации сотрудников органов внутренних дел. Эти рекомендации осуществляются, как правило, по трем направлениям: в сфере организации профессиональной деятельности; в сфере воспитательной работы с ними; в сфере формирования нравственно-психологического климата в коллективах органов внутренних дел.

1. Безносков С. П. Профессиональная деформация личности. СПб.: Речь, 2004. С. 272.

2. Буданов А. В. Педагогика личной профессиональной безопасности сотрудников ОВД. М.: Юрист, 1992.

3. Сухов Д. С. Личность сотрудника ГИБДД, совершившего коррупционное преступление // Рос. следователь. 2009. № 10.

4. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468: в ред. от 1 марта 2011 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 52 (ч. 1), ст. 6536.

5. О полиции: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ: в ред. от 19 декабря 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.
6. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ: в ред. от 19 декабря 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30 (ч. 1), ст. 4595.
7. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ: в ред. от 3 июля 2016 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. 1), ст. 7020.
8. URL: президент.рф/news/14474.
9. См., напр.: Иркутские полицейские избили посетителей кафе [Электронный ресурс]. URL: <http://s-pravdoy.ru/regions/14835-2012-03-11-161809.html>; Двое полицейских ГУВД по Алтайскому краю обвиняются в «превышении должностных полномочий с применением насилия и специальных средств» [Электронный ресурс]. URL: <http://ya-beda.com/altays>; Сломанный нос в ответ на вопрос [Электронный ресурс]. URL: <http://ya-beda.com/altays> и др.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Лилия Алексеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова

Бондаренко М. В.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ГИБДД СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются общетеоретические вопросы профессионального правосознания и правовой культуры сотрудников ГИБДД. Профессиональное правосознание инспекторов ГИБДД играет наиболее существенную роль в реализации юридических норм и содержит в себе бо-

лее высокую степень знания и понимания правовых явлений в соответствующих областях профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональное правосознание, правовая культура, ГИБДД, безопасность дорожного движения, верховенство права.

Обеспечение безопасности дорожного движения является одной из форм реализации единой государственной политики в области охраны жизни, здоровья и имущества граждан путем предупреждения дорожно-транспортных происшествий, снижения тяжести их последствий. Данное направление деятельности имеет огромное социальное и экономическое значение [1]. Обеспечение безопасности дорожного движения является комплексной проблемой – правовой, социально-экономической, административной, технической, научной, психологической. И в этой связи немаловажное значение приобретает проблема эффективности деятельности сотрудников ГИБДД, которые призваны способствовать безопасности граждан и транспорта на дорогах. Эту позицию следует признать ключевой для формирования профессиональной культуры и правосознания сотрудников ГИБДД. Это объясняется тем, что профессиональная деятельность является одной из детерминант, оказывающих значительное влияние на положительную динамику в сфере снижения аварийности на дорогах, а соответственно и повышения уровня безопасности дорожного движения в стране [2, с. 3].

Стоит отметить, что закономерности формирования профессионального правосознания и особенности проявления специальных правовых способностей являются общими для всех видов и сфер правоприменительной деятельности, однако имеются определенные особенности профессионального правосознания, обусловленные спецификой правоприменения в различных сферах правового регулирования. Правоохранительная функция, возложенная в соответствии с действующим законодательством на ГИБДД, требует хорошо отлаженного механизма реализации норм права, достаточно высокого уровня правосознания и правовой культуры сотрудников. Так, одной из особенностей правосознания сотрудников полиции является принципиальная неоднородность, обусловленная разноплановостью профессиональной деятельности в отдельных подразделениях [3, с. 5], которая строится на основании административно-правовых отношений, в отличие от сотрудников уголовного розыска и следователей, где преобладают уголовно-правовые отношения. Неслучайно В. П. Малахов определяет, что «наиболее полно и естественно логика правосознания включается в процесс теоретического осмысления права, когда исследователем является человек со сложившимся юридическим мышлением» [4]. При этом профессиональная активность концентрируется, как правило, в сфере, охватываемой конкретной отраслью права.

Профессиональное правосознание сотрудников ГИБДД можно охарактеризовать как одну из форм группового правосознания, проявляющуюся в отношении к праву, которое определяется системой ценностных ориентаций и установок и формируется в профессиональной правоприменительной административной деятельности, а также играет роль регулятора поведения сотрудников ГИБДД как субъектов правоохранительной функции государства. Особую роль в данном аспекте приобретает отношение сотрудников ГИБДД к вопросам обеспечения безопасности, уровень их профессионализма, а также используемые средства и методы [5]. Для того чтобы нормы права и, прежде всего административного, стали регулятором поведения сотрудников подразделений ГИБДД, только знаний соответствующих норм права недостаточно. Обязательным условием является их включение в систему ценностных ориентаций личности, где ценность права, в том числе и в виде административных правовых норм, приобретает «личностный смысл». Специализированность профессионального правосознания проявляется, неслучайно, в системности права, где нормы и отрасли права взаимодействуют.

В отличие от обыденного, профессиональное правосознание менее чувствительно к различного рода факторам, играющим определяющую роль в выборе обычным человеком варианта поведения, соответствующего правовому предписанию или правонарушающему. Профессиональное правосознание априори является более стабильным, поскольку изначально ценностное отношение к праву и умение его применять одинаково значимы в профессиональной деятельности. Как справедливо отмечает Г. А. Ожегова, главное в профессиональном правосознании – высокое место права и его верховенство.

Профессия сотрудника полиции, и в том числе сотрудника ГИБДД, должна являться не просто способом заработка, а должна быть способом реализации себя, сотрудники должны осознавать, что их профессиональная деятельность является способом служить правовым и гуманистическим ценностям. Профессиональное правосознание и позитивное отношение к праву в форме правового реализма должны быть присущи профессиональной идентичности личности сотрудника ГИБДД.

Сформированность профессионального правосознания зависит от степени взаимообусловленности личностных ценностей сотрудника ГИБДД и ценностей его профессиональной деятельности. Процесс формирования ценностных ориентаций и выполняемая сотрудником ГИБДД деятельность взаимодетерминированы. Так, в контексте профессиональной деятельности, с одной стороны, отношение к праву формируется на основе системы ценностно-смысловых ориентаций сотрудника ГИБДД, обусловленных его прошлым опытом, а с другой стороны, сама деятельность оказывает воздействие на систему ценностных ориентаций личности сотрудника [5]. Ко всему прочему, в современном мире все больше возрастает

роль и ценность права как основного регулятора, формирующего «цивилизованное общежитие человечества». Соответственно совершенствуется и юридическое мировоззрение, которое становится условием благополучного существования индивида и общества. Как итог, возрастает правовая культура всех участников дорожного движения, сокращается число дорожно-транспортных происшествий и совершенствуется система безопасности дорожного движения.

Профессиональное сознание сотрудников ГИБДД обладает спецификой, которая определяется их особой компетенцией в сфере юридической практики [6, с. 59]. Это правосознание особой группы людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая требует специальной образовательной подготовки и характеризуется единством социальных задач, методов и форм профессиональной деятельности, направленной на обеспечение личной безопасности граждан, защиту их прав и свобод, законных интересов, предупреждение правонарушений и их пресечение, охрану и обеспечение безопасности дорожного движения, участие в оказании социальной и правовой помощи гражданам, содействие в пределах компетенции государственным органам, предприятиям, учреждениям и организациям в исполнении возложенных на них обязанностей.

Важным критерием достаточного уровня правосознания сотрудника ГИБДД с точки зрения знания им законодательства следует считать умение избирать правомерные варианты собственных поступков, способность совершать активные действия в соответствии с полученными сведениями о государственно-правовых явлениях. Правильное применение норм права в конкретных жизненных ситуациях, с которыми сотрудники ГИБДД встречаются практически ежедневно, свидетельствует об умении и навыках на базе знания права профессионально совершать определенные правоприменительные операции в процессе осуществления своих служебных обязанностей. Это возможно лишь при условии достаточного объема, глубины и формализованного характера правовых знаний [5, с. 87].

Правосознание личности формируется под влиянием правового воспитания, которое способствует утверждению высоких моральных качеств сотрудников, повышению уровня организованности и дисциплины, укреплению чувства служебного долга и повышения профессиональной культуры [2, с. 33]. Правосознание активно влияет на правотворческую и правоприменительную практику. Формы и методы формирования правосознания и воспитания как факторов, необходимых для установления правопорядка и законности, – актуальные проблемы современности.

Правовое воспитание сотрудников ГИБДД – это планомерный, управляемый, организованный, систематический и целенаправленный процесс воздействия на сознание, психологию граждан, а также сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации всей совокупности многообразных правовоспитательных форм, средств и методов, имеющихся в

арсенале современной правовой деятельности, с целью формирования в их правосознании глубоких и устойчивых правовых знаний, убеждений, потребностей, ценностей, привычек правомерного поведения [2].

Исследуя правовое сознание сотрудников органов внутренних дел, целесообразно не только теоретически объяснить закономерности его становления и развития, но и определить факторы, его обуславливающие. В условиях интенсивного процесса демократизации и расширения гласности всех сфер социальной жизнедеятельности резко возрастает значение высокого, качественного уровня подготовки сотрудников органов внутренних дел. В лице сотрудника органов внутренних дел простой гражданин видит, прежде всего, представителя государственной власти [7].

Необходимо отметить, что на формирование правосознания и правовой культуры сотрудников ГИБДД влияет ряд факторов, таких как:

1) «уличный» характер службы, характеризующийся значительными нервно-психическими перегрузками и неблагоприятным воздействием на здоровье сотрудника загрязненной окружающей атмосферы;

2) ежедневное общение с участниками дорожного движения, в том числе через разрешение конфликтных ситуаций;

3) экстремальный характер профессиональной деятельности, требующий оперативного принятия решений, в том числе и правового характера, в условиях дефицита времени, непредвиденных ситуаций;

4) направленность правоприменительной и правоохранной деятельности в основном на нормы административного права [5].

Перечисленные особенности оказывают заметное влияние на качественные характеристики правосознания и правовых установок сотрудников ГИБДД. Проблема повышения безопасности дорожного движения в целом связана с обстановкой в стране, общественной дисциплиной, традициями поведения на улицах и дорогах. Благодаря своей массовости движение становится частью работы по укреплению общественной дисциплины, усвоению всем населением и сотрудниками ГИБДД цивилизованных форм поведения, отвечающих современному уровню развития правовой культуры. Закономерно, что и формированию профессионализма, и воспитанию морально-нравственных качеств личного состава необходимо уделять постоянное внимание, как в процессе правовой, воспитательной, так и служебно-боевой подготовки. Таким образом, профессиональное правосознание сотрудников ГИБДД – сложное, многокомпонентное, многофункциональное явление, имеющее разветвленную структуру и играющее доминирующую роль в системе обеспечения безопасности дорожного движения.

1. Аюпова И. Х. Культура дорожного движения // Вестник НЦ БЖД. 2009. № 2. С. 34.

2. Бондарев А. А., Быков А. Н., Костин Ю. В. Актуальные проблемы формирования правовой культуры сотрудников ГИБДД современной России:

учебное пособие. Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2010. С. 3.

3. Магденко А. Д. Правосознание сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в контексте международных стандартов правоохранительной деятельности (Теоретический и практический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2004. С. 5.

4. Малахов В. П. Философия права. М.: ЮНИТИ, 2007. С. 47.

5. Силантьева С. О. Профессиональное правосознание сотрудников подразделений ГИБДД // Ученые записки. 2010. № 8 (66). С. 87–88.

6. Гущериев Х. С. Политико-правовая теория и функционирование. СПб., 1996. С. 59.

7. Бурканова О. А. Правосознание в правоприменительной деятельности сотрудников ОВД: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 15.

8. Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права // Сорокинские чтения: сборник статей по материалам ежегодной всероссийской научно-практической конференции. В 3 томах. Т. III / под ред. д. ю. н. Ю. Е. Аврутина, д. ю. н. А. И. Каплунова. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2016. С. 36.

9. Татарских А. Б., Балахонский В. В. Формирование профессиональной культуры сотрудников Госавтоинспекции в процессе обучения в организациях высшего профессионального образования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (61). С. 161.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондаренко Максим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры,
Академия ФСО России

Дорошенко Д. В., Новгородов Д. А.

ГЕНЕЗИС СИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается генезис и развитие системы обеспечения безопасности дорожного в Российской Федерации, начиная с 1998 года по настоящее время.

Ключевые слова: дорожное движение, пропаганда, целевая программа, ДТП, ГИБДД.

Безопасность дорожного движения одна из важнейших социально-экономических и демографических целей России. Аварийность на автотранспорте наносит колоссальный материальный и моральный урон как обществу в целом, так и отдельным людям. Дорожно-транспортный травматизм приводит к выбыванию из сферы экономики людей трудоспособного возраста. Гибнут или становятся инвалидами дети [1].

В ситуации, характеризующейся повышенной интенсивностью дорожного движения, в которой вовлечены большие массы людей и огромное количество транспорта, меры по обеспечению безопасности дорожного движения, предотвращению ДТП и уменьшению тяжести их последствий является очень многоплановой и многообразной. Важную актуальность приобретает вопрос о государственном регулировании в области дорожного движения.

В России доминирующая роль в этом отведена Государственной инспекции безопасности дорожного движения МВД России (далее ГИБДД), которая наделена широкими полномочиями по контролю за соблюдением нормативов и стандартов, действующих при проектировании, строительстве, реконструкции, содержании, ремонте дорог и дорожных сооружений; правил установки и эксплуатации технических средств регулирования дорожного движения; правил перевозки крупногабаритных, тяжеловесных, опасных грузов; организации и координации деятельности министерств, ведомств, предприятий и общественных формирований по профилактике, учету и анализу ДТП; предупреждению и пресечению преступных посягательств на участников дорожного движения, практической реализации планов и специальных программ, утвержденных органами исполнительной власти и соответствующими региональными комиссиями по обеспечению безопасности дорожного движения. При этом суммарный спектр функций ГИБДД по широте и сложности не имеет аналогов среди отечественных и зарубежных служб органов внутренних дел [5, с. 3].

В 2016 году исполнилось 80 лет со дня образования службы ОРУД-ГАИ-ГИБДД.

Но, несмотря на это, деятельность Госавтоинспекции постоянно претерпевает реформы.

Так 1 июня 1998 года вышел Приказ МВД России № 329 «О реформировании деятельности Госавтоинспекции МВД России». А 15 июня Указом Президента РФ № 711 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения» ГАИ переименована в Государственную инспекцию безопасности дорожного движения – ГИБДД МВД Российской Федерации [4, с. 242].

1997–2003 годы – период деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения в условиях отсутствия программно-целевого подхода, характеризующийся существенным ухудшением ситуации с ава-

рийностью, в частности, рост числа погибших в дорожно-транспортных происшествиях за 6 лет составил 28,7 %;

2004–2005 годы – период начала действия программно-целевого подхода, характеризующийся сокращением числа лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, на 4,6 % в сравнении с уровнем 2003 года;

2006–2007 годы – период начала действия федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006–2012 годах», в котором отмечается первичный рост и последующее незначительное сокращение числа лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, на 1,9 % в сравнении с уровнем 2005 года;

2008–2012 годы – период снижения числа лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, по сравнению с 2007 годом. Снижение составило 16 % [3, с. 257].

В 2003 г. руководство Госавтоинспекции решает о принятии мер по преодолению сложной ситуации на автомобильных дорогах Российской Федерации. В Правительство Российской Федерации был подан первый доклад «О состоянии безопасности дорожного движения в Российской Федерации». С этого момента ГИБДД совместно с общественными организациями начинают многолетнюю широкомасштабную кампанию по пропаганде и просвещению участников дорожного движения.

Кроме этого 15 июня 2004 года в Госдуме Российской Федерации были проведены слушания по вопросам развития системы обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств, что положило начало работе по созданию, внедрению и развитию автоматизированной информационной системы ОСАГО.

Серьезным шагом также стало внесение изменений в статью 12.24 Кодекса об административных правонарушениях в 2005 году. К уголовной ответственности стали привлекать водителей транспортных средств, нарушивших правила дорожного движения, в результате чего был причинен вред другим лицам. Так же в КоАП РФ была увеличена ответственность водителя за управление транспортным средством в состоянии алкогольного и наркотического опьянения.

Таким образом, удалось изменить сложившуюся к 2006 году ситуацию с аварийностью. В 2006–2012 годах в сфере безопасности дорожного движения на федеральном уровне принято более 160 нормативных правовых актов. А 1 июля 2008 г. появилась возможность привлекать к ответственности владельцев транспортных средств на основании результатов применения средств фотовидеофиксации правонарушений в области дорожного движения, работающих в автоматическом режиме. Парк транспортных средств Госавтоинспекции стал пополняться новыми автомобилями в специализированной цветографической раскраске, а также появились противные анализаторы алкоголя, приборы видеофиксации наруше-

ний, видеорегистраторы и сигнальные громкоговорящие устройства. Это позволило заменить стационарные посты ДПС на мобильные.

С учетом завершения 1-го этапа 2013–2015 года федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [2], проведен анализ и обобщение результатов. Для подготовки предложений по корректировке показателей, индикаторов и перечня мероприятий, цель которых направлена на продолжение поступательного достижения целевого состояния аварийности на российских дорогах и преодоление дисбаланса в ситуации, связанной с аварийностью в регионах, и основаны на дифференцированном подходе к задачам по снижению дорожно-транспортного травматизма для каждого субъекта Российской Федерации и экономически выгодных механизмах финансирования мероприятий по обеспечению безопасности дорожного движения за счет средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации на 2-м этапе реализации Программы в 2016–2020 г. [4].

В большинстве субъектов Российской Федерации действуют программы повышения безопасности дорожного движения, с государственным заказчиком-координатором МВД России в части выполнения Программы налажено взаимодействие, субъекты готовят по установленной форме бюджетные заявки на финансирование мероприятий за счет федерального бюджета, представляют отчетность о выполнении своих программ БДД.

Программой первоначально на 2013–2015 годы были установлены показатель «Число лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях» и индикаторы «Число детей погибших в дорожно-транспортных происшествиях», «Социальный риск (число лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, на 100 тыс. населения)» и «Транспортный риск» (число лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, на 10 тыс. транспортных средств).

В дальнейшем установленные на 2013 и 2014 годы показатели индикаторы были установлены на уровне фактически достигнутых значений в эти годы [1].

По сравнению с первоначально установленными показателями за период 2013–2015 годов число лиц, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, было на 4 534, а число детей, погибших в дорожно-транспортных происшествиях, на 221 меньше, чем первоначально установлено программой, и на 6 871, а число детей, погибших в дорожно-транспортных происшествиях на 333 меньше, чем в пересчете на базовый уровень 2012 года.

Тем не менее, перед государственной инспекцией безопасности дорожного движения на современном этапе стоит немало задач.

Цели повышения уровня безопасности транспортной системы, снижения тяжести последствий дорожно-транспортных происшествий, числа

пострадавших и погибших в них обозначены в Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2008 г. № 1734-р. Задачи указанной Стратегии предлагают стратегические ориентиры в решении проблем безопасности всей транспортной системы России, в то время как Программа направлена на решение на тактическом уровне одной из задач указанной Стратегии – повышение безопасности дорожного движения. Целью Программы является сокращение случаев смерти в результате дорожно-транспортных происшествий, в том числе детей, к 2020 году на 8 тыс. человек (28,82 %) по сравнению с 2012 годом.

Таким образом, задачи сохранения жизни и здоровья участников дорожного движения (за счет повышения дисциплины на дорогах, качества дорожной инфраструктуры, организации дорожного движения, повышения качества и оперативности медицинской помощи пострадавшим и др.) и, как следствие, сокращения демографического и социально-экономического ущерба от дорожно-транспортных происшествий и их последствий согласуются с приоритетными задачами социально-экономического развития Российской Федерации в долгосрочной и среднесрочной перспективе и направлены на обеспечение снижения темпов убыли населения Российской Федерации, создания условий для роста его численности.

-
1. О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения: Указ Президента Рос. Федерации от 15 июля 1998 г. № 711 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25, ст. 2897.
 2. О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах»: Постановление Правительства Рос. Федерации от 3 октября 2013 г. № 864 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 41, ст. 5183.
 3. Дмитриев С. Н. Проблемы организации дорожно-патрульной службы: монография. М.: СПАРК, 2004. 304 с.
 4. Сафонов К. О реализации федеральных программ безопасности дорожного движения // Автомобильный транспорт. 2012. № 11.
 5. Тарасов А. Ю., Миронов В. Л., Новгородов Д. А. Организация деятельности ГИБДД: альбом схем. Руза: МОФ МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя, 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дорошенко Даниил Валерьевич,
курсант 21 учебного взвода,
Московский областной филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

Новгородов Дмитрий Александрович,
преподаватель кафедры деятельности
ГИБДД и информационных технологий,
Московский областной филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

Кольжанов И. В., Сидорова Е. И.

ПОДГОТОВКА СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНСПЕКЦИИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

В современных исследованиях неоднократно поднимался проблемный вопрос о том, какой должна быть реформированная российская полиция и как должен работать полицейский, в том числе и сотрудник государственной автомобильной инспекции безопасности дорожного движения, чтобы отвечать требованиям, предъявляемым современным обществом.

Полиция – это система государственных служб и органов по охране общественного порядка, основной характерной функцией которой является превенция, пресечение, выявление и раскрытие преступлений и других правонарушений. На полицию также возлагаются задачи непосредственного поддержания порядка в общественных местах, регулирования дорожного движения, предупреждения аварийности и широкий спектр иных функций. Система полицейских служб, являясь частью социума, должна быть профессионально подготовлена и организована для взаимодействия с обществом. Основной закон России как многонационального государства, закрепляет общепринятый принцип свободы передвижения в стране. На территории таких государств присутствует большое количество представителей различных этнических меньшинств, в том числе и недавно приехавших в страну, где может иметь место незнание сотрудниками ГИБДД национальных особенностей, религиозной специфики и их культуры, что является основой для невежественного отношения к представителям этих меньшинств, а следовательно, способствует появлению проблем с взаимопониманием и взаимодействием. Кроме того, может прослеживаться профессиональная деформация среди многих сотрудников полиции. Сотрудники ГИБДД сталкиваются с нарушениями правил дорожного движения правонарушителями, в том числе представителями национальных и этнических меньшинств. Кроме этого, сотрудники, не знающие особенностей обычаев, нравов и культуры других народов, не вникающих глубоко в понимание причин, приводящих этих людей к совершению правонарушений, легко могут прийти к выводу, что вся данная этническая группа или нация

склонна к правонарушениям. Положительно повлиять на ситуацию и решить указанные выше проблемные вопросы способна эффективно организованная служебная подготовка, переподготовка и повышение квалификации сотрудников различных полицейских подразделений. Однако, организовать работу в указанном направлении деятельности крайне не просто. Это хорошо понимают как на национальном, территориальном уровне, так и на ведомственном.

В процессе подготовки сотрудников ГИБДД необходимо обратить внимание на получение ими следующих навыков взаимодействия с общественностью:

- оценивать опасность в ходе конфликта и уметь правильно реагировать;
- вызывать доверие у представителей национальных меньшинств и эффективно расследовать соответствующие правонарушения;
- отвечать необходимым для работы в мультиэтнических ситуациях профессиональным навыкам;
- управлять малыми национальными и этническими группами в условиях нарушения общественного порядка и различных социальных конфликтов;
- эффективно и слаженно работать в многонациональном сообществе.

Все это в комплексе должно не только вырабатывать у сотрудников ГИБДД новые знания, умения и навыки, но самое главное, изменить у инспекторов отношение к различным группам общности, представителям национальных меньшинств, мигрантам и иностранным гражданам.

Желательно, чтобы подготовка инспекторов ГИБДД в работе с национальными меньшинствами была упреждающей, а не вынужденной под давлением обстоятельств (межнациональных столкновений, акций протеста, сопротивлений национальных групп законным требованиям).

Учебный процесс в образовательных учреждениях системы МВД в большей степени подчинен и основан на подготовке курсантов к взаимодействию с гражданами, соблюдению и обеспечению сотрудниками органов внутренних дел прав человека и законности в ходе профессиональной деятельности. Помимо этого, курсантов обучают не только к работе с общественностью, но и учат строить отношения с коллегами по работе, избегать конфликтных ситуаций, вырабатывать устойчивые навыки действий поведения в стрессовых ситуациях.

В процессе работы полицейские сталкиваются с множеством криминальных и социальных проблем (противоправные деяния, преступления и проступки, драки и ссоры, конфликты в семье и с соседями, и прочие). Зачастую им приходится искать компромисс между конфликтующими лицами. Выступая в роли посредников, им необходимо использовать полученные навыки при решении различных проблем общества и поддержания

правопорядка. При устранении возникающих проблем, сотрудники полиции должны действовать в рамках правового поля, соблюдения прав и свобод гражданина и человека, быть максимально нейтральными и ориентированными на оказание услуг.

Уважение человеческого достоинства, национальной гордости и культурного наследия должны характеризовать процесс общения сотрудников ГИБДД с людьми.

Следует отметить, что необходимо уделять внимание не только подготовке полицейских к работе с общественностью, но и обучению граждан взаимодействию с полицией.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кольжанов Игорь Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры государственно-правовых дисциплин,
Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова

Сидорова Екатерина Игоревна,
адъюнкт кафедры конституционного
и муниципального права,
Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя

Коренев В. И.

КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА СРЕДИ ЛИЧНОГО СОСТАВА ОРЛОВСКОГО УЧАСТКА ДОРОЖНОЙ МИЛИЦИИ В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

В год 80-летия образования Госавтоинспекции России актуальным является изучение опыта деятельности ее низовых структур, в частности, Орловского участка дорожной милиции. Объектом изучения в данной работе стал культурный досуг работников вышеназванного подразделения. Эта тема в краеведческой литературе не освещена. В настоящей статье использован материал Государственного архива Орловской области.

Ключевые слова: дорожная милиция, Орловский участок, первичная партийная организация.

Инспекторы дорожного надзора и регулировщики Орловского участка дорожной милиции обслуживали в 50-х годах XX века трассу (Сталинскую автомагистраль) «Москва–Харьков–Симферополь».

13 апреля 1961 года по решению Заводского районного комитета ВКП(б) города Орла в Орловском дорожном отделении милиции была создана первичная партийная организация. Её секретарем был избран коммунист Воробьев. За его кандидатуру проголосовало 7 членов партии, а против – 5 [1, л. 1].

Первичная партийная организация стремилась мобилизовать коммунистов и беспартийных не только на добросовестное выполнение своих служебных обязанностей, но и повышение их культурного уровня. Уровень культурно-массовой работы в Орловском участке дорожной милиции был недостаточно высоким.

В результате усилий партбюро партийной организации личный состав Орловского участка с конца июня 1951 года до середины февраля 1952 года коллективно просмотрели кинофильмы «Кавалер Золотой звезды», «Тарас Шевченко», спектакль в облдрамтеатре «Незабываемый 1919 год» [2, Л. 52]. За пять месяцев 1952 года для личного состава и членов семей было организовано два коллективных просмотра кинокартин «Пржевальский» и «Оборона Царицына» [2, л. 53].

Анализ тематики просмотренных кинокартин свидетельствует о знакомстве личного состава участка дорожной милиции с героическим прошлым страны. Партийное бюро для повышения культурного кругозора коммунистов и личного состава использовало стенгазету «Сталинская автомагистраль». На ее страницах регулярно освещалось состояние культурно-массовой работы в подразделении [2, л. 53]. Недостаточный уровень культурно-массовой работы среди личного состава объясняется тем, что рабочий день рядового состава милиции составлял одиннадцать часов, офицерского состава – без ограничений [1, л. 3].

Вскоре была изменена структура выполнения служебной деятельности. Было введено круглосуточное трехсменное дежурство с восьмичасовым рабочим днем, позволившее больше времени уделять культурному досугу. Однако формы культурно-массовой работы с личным составом в неслужебное время не изменились. В период с мая 1952 года по май 1953 года были коллективно просмотрены кинокартины «Ленин в Октябре», «Незабываемый 1919 год», «Разлом», «Любовь Яровая», «Мастера украинского искусства» [3, л. 34]. В драматическом театре были просмотрены спектакли «Под золотым Орлом», «Месяц в деревне», Хитроумная влюбленная», «Подруги» [3, л. 35]. На страницах стенгазеты «За бдительность» освещалось состояние культурно-массовой работы. Редкие заседания редколлегии стенгазеты, отсутствие стенкоровского актива и активности комсомольцев не способствовали эффективной подаче материала в данном направлении.

В следующих 1953 и 1954 годах изменений в формах культурно-массовой работы не произошло. Только в конце 1954 года этот вид деятельности был передан в комнату культурно-просветительской работы участка [5, л. 23]. В 1954–1955 годах эта комната еще была плохо оборудована. В ее работе были выявлены серьезные недостатки. Например, не был составлен ежемесячный план работы. Партбюро должно было обратить на этот участок работы серьезное внимание.

Таким образом, в начале 50-х годов XX века уровень культурно-массовой работы среди личного состава Орловского участка дорожной милиции был недостаточно высоким. Образование первичной партийной организации в подразделении позволило несколько улучшить сложившуюся ситуацию. Но формы культурно-массовой работы не менялись до тех пор, пока этот вид деятельности не перешел под централизованное управление со стороны руководства. Личный состав Орловского участка дорожной милиции в данном виде деятельности инициативы не проявлял.

-
1. ГАОО. ФП-186. Оп. 1. Д. 226.
 2. ГАОО. ФП-186. Оп. 1. Д. 228.
 3. ГАОО. ФП-186. Оп. 1. Д. 230.
 4. ГАОО. ФП-186. Оп. 1. Д. 232.
 5. ГАОО. ФП-186. Оп. 1. Д. 234.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коренев В. И.,
кандидат исторических наук, доцент

Любимов Л. В.

О ПРЕЖДЕВРЕМЕННОСТИ ВВЕДЕНИЯ В УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ СТАТЬИ 264¹ «НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ»

В статье рассматриваются проблемы, связанные с преждевременным введением в уголовный кодекс Российской Федерации статьи 264¹ УК РФ.

Ключевые слова: административная преюдиция, управление транспортным средством в состоянии алкогольного опьянения, медицинское освидетельствование на состояние алкогольного опьянения, ужесточение уголовной ответственности, дорожно-транспортное происшествие.

С 1 июля 2015 года в главу 27 Уголовного кодекса была включена ст. 264¹ УК РФ «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию», установившая уголовную ответственность за повторное управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством в состоянии опьянения.

Полагаем, что появление такой нормы в российском уголовном законодательстве является временной мерой, и в качестве обоснования такого утверждения приведем следующие доводы.

Во-первых, статья 264¹ УК РФ является уголовно-правовой нормой с административной преюдицией, т. е. по своей сути являющейся административным проступком, совершенным повторно. При этом сам факт возвращения в уголовное законодательство административной преюдиции является весьма спорным и вызывает заслуженные замечания ряда ученых-правоведов.

Во-вторых, появление в Уголовном кодексе Российской Федерации статьи 264¹ отражает нерешенность вопросов теоретического обоснования понятия «дорожно-транспортное преступление», а также правил и границ дифференциации ответственности участников дорожного движения. Именно ввиду не сложившегося понятийного представления о сущности данного вида преступлений на законодательном уровне принимаются неоднозначные решения то по поводу криминализации деяний, которые ранее признавались административными правонарушениями (как в случае повторного управления механическим транспортным средством в состоянии опьянения), то наоборот – декриминализации деяний и последующего их перевода в сферу административного законодательства (например, в случае декриминализации причинения средней тяжести вреда здоровью человека в ходе совершения ДТП).

В-третьих, введение в УК РФ статьи 264¹ не являлось столь необходимой мерой, поскольку решение проблемы пьянства за рулем следует скорее искать не в уголовно-правовой сфере, т. е. в ужесточении наказания, а в повышении эффективности механизма реализации связанных с этим правовых запретов.

Так, несмотря на предпринимаемые меры по ужесточению наказания за управление автотранспортными средствами в нетрезвом состоянии, до настоящего времени аварийность по вине нетрезвых водителей на территории России остается высокой. Особенно остро на территории нашей страны проблема пьянства за рулем обозначается в периоды затяжных праздничных дней.

Только в 2015 году было совершено 16517 ДТП по вине нетрезвых водителей, что на 21,6 % больше аналогичного периода прошлого года. В ДТП погибло 3420 человек, что почти в полтора раза больше чем в 2014 году и 23245 человека получили ранения различной степени тяжести, рост составил 19,9 %.

Только в 2015 году за период новогодних праздничных дней (с 1 по 11 января) в Российской Федерации произошло 242 ДТП с участием водителей, находившихся в состоянии опьянения либо отказавшихся от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. В этих ДТП погибли 22 человека, среди которых 1 ребенок, и 341 человек, среди которых 25 детей, получили ранения различной степени тяжести [1].

Приведенные цифры свидетельствуют, что предпринятые за последнее время законодателем меры по ужесточению как административной, так и уголовной ответственности должного результата не дали, хотя меры эти были весьма внушительными. Так, Федеральным законом Российской Федерации от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ «О внесении изменений в КоАП РФ и статью 28 ФЗ «О безопасности дорожного движения» [2] значительно ужесточены были санкции за совершение административных правонарушений, предусмотренных статьями 12.8 и 12.26 КоАП РФ, а именно наряду с применением такого вида наказания, как лишение права управления транспортными средствами, указанный Федеральный закон предусмотрел и применение серьезных штрафных санкций.

В 2009 году Федеральный закон РФ от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ «О внесении изменений в статью 264 УК РФ» [3] дополнил статью 264 УК РФ частями 2, 4 и 6, устанавливающими уголовную ответственность за нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в состоянии опьянения.

Следует также отметить, что значительное ужесточение ответственности за управление автотранспортными средствами в состоянии опьянения не только не позволило в должной мере повлиять на состояние аварийности, но и спровоцировало увеличение количества фактов оставления водителями мест совершения ДТП, от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения. Подобное поведение нетрезвых водителей позволяло им избегать ответственности по квалифицированным составам, предусмотренным ст. 264 УК РФ, так как в процессе предварительного следствия просто не доказывалось, что виновное лицо находилось в состоянии опьянения. А первопричиной этого являлась, существовавшая до 1 июля 2015 года, редакция статьи 264 УК РФ, которая не предусматривала ответственность для лиц, причинивших по неосторожности установленные уголовным законом вредные последствия в результате нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, но в процессе оформления материалов о совершённом происшествии отказавшихся от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

Вступление в действие Федерального закона от 31 декабря 2014 года № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» [4] с боль-

шой долей вероятности позволит повлиять на негативную тенденцию, проявляемую со стороны водителей, находящихся в состоянии опьянения и совершивших ДТП, но отказывающихся от прохождения медицинского освидетельствования. Так как с 1 июля 2015 года с точки зрения уголовной наказуемости это уже бессмысленно, ввиду того, что к водителям, находящимся в состоянии опьянения, теперь приравниваются и водители, отказывающиеся от процедуры медицинского освидетельствования.

Однако проблема оставления водителями мест дорожно-транспортных происшествий посредством вносимых в УК РФ изменений и дополнений, к сожалению, решена не будет. Поэтому целесообразно было бы вернуть в УК РФ норму, устанавливающую ответственность за оставление места ДТП.

Следует констатировать, что ужесточение ответственности за управление автомобилем транспортными средствами в состоянии опьянения само по себе положительных результатов не дает. Наряду с усилением уголовной репрессии, следует обратить внимание и на повышение эффективности механизма реализации этих правовых предписаний. Так, например, придание в определенных случаях прохождению водителями процедуры медицинского освидетельствования на состояние опьянения статуса обязательного позволило бы повысить такую эффективность.

Внесение по этому поводу соответствующих дополнений и изменений в Правила дорожного движения позволили бы, во-первых, юридически приравнять водителей, неправоммерно покинувших места ДТП к водителям, отказавшимся от прохождения медицинского освидетельствования, так как в случаях оставления места ДТП будет следовать, что виновное лицо не выполнило и возложенную на него обязанность по прохождению указанной медицинской процедуры. Во-вторых, ужесточение ответственности за управление в нетрезвом состоянии, по всей видимости, будет приводить к тенденции увеличения фактов оформления ДТП самостоятельно его участниками или с привлечением аварийных комиссаров. Прохождение после такого оформления обязательной процедуры медицинского освидетельствования позволило бы без привлечения сотрудников ГИБДД обеспечить надлежащий контроль за соблюдением норм трезвости участниками ДТП.

Кроме того, прохождение процедуры медицинского освидетельствования в подобных случаях позволит предупредить совершение различных мошеннических действий в сфере обязательного страхования автогражданской ответственности и надлежащим образом обеспечит возможность предъявления регрессного иска со стороны страховых компаний к лицам, совершившим ДТП в состоянии опьянения.

Конечно же, реализовать вышеуказанные предложения невозможно без создания условий доступности гражданам прохождения процедуры обязательного медицинского освидетельствования на состояние опьянения и информированности их о местах, где они могут проходить данную про-

цедуру. Что касается вопроса оплаты прохождения процедуры обязательного медицинского освидетельствования на состояние опьянения, то, учитывая, что сами случаи, обуславливающие обязанность прохождения данной процедуры, предполагают изначально их порождение самими водителями, то целесообразно обязанность по оплате возложить на водителей с учетом их виновности в происшедшем.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что решение проблем, связанных с аварийностью на автодорогах страны не следует искать исключительно в использовании уголовно-правовых мер. В ходе обеспечения безопасности дорожного движения должен реализовываться целый комплекс мер, включающий в себя выполнение как правовых, так и обучающих, организационных, технических, финансовых и других мероприятий.

-
1. Повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения с 1 июля 2015 года будет являться уголовным преступлением [Электронный ресурс] / Официальный сайт ГУОБДД МВД России. URL: <http://www.gibdd.ru> (дата обращения: 10 марта 2016 г.).
 2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и статью 28 Федерального закона «О безопасности дорожного движения»: Федер. закон Рос. Федерации от 23 июля 2013 г. № 196-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 30 (Ч. I), ст. 4029.
 3. О внесении изменения в статью 264 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 13 февраля 2009 г. № 20-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 788.
 4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения: Федер. закон Рос. Федерации от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 1 (Ч. I), ст. 81.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Любимов Леонид Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент,
преподаватель кафедры уголовного права
и криминологии,
Воронежский институт МВД России

Мальцева О. А.

РОЛЬ ВИЗУАЛЬНОЙ ПСИХОДИАГНОСТИКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСПЕКТОРА ДПС

В настоящее время психология располагает большим арсеналом средств, позволяющих определять устойчивые индивидуально-психологические особенности человека. Однако всегда встает вопрос об использовании новых подходов, которые способны давать объективную информацию о человеке, оперативны по времени и анонимны для человека.

Ключевые слова: психодиагностика, инспектор ДПС, профессиональная деятельность, жесты, невербальные признаки, функции, дорожное движение, общение.

В настоящее время психология располагает большим арсеналом средств, позволяющих определять устойчивые индивидуально-психологические особенности человека. Однако всегда встает вопрос об использовании новых подходов, которые способны давать объективную информацию о человеке, оперативны по времени и анонимны для человека. Такие возможности предоставляет визуальная психодиагностика, основанная на непосредственном наблюдении и интерпретации внешнего облика человека и его невербального поведения. «Невербальное общение – это такой вид общения, для которого является характерным использование невербального поведения и невербальной коммуникации в качестве главного средства передачи информации, организации взаимодействия, формирования образа и понятия о партнере, осуществления влияния на другого человека» [1].

Изучение невербального поведения партнера по общению позволяет понять его особенности, составить его психологический портрет, правильно выстроить свое взаимодействие с ним. Профессиональное общение является основой деятельности сотрудника Госавтоинспекции. Результативность выполнения им служебных действий, предписываемых законами и должностными инструкциями, возрастает, если «сотрудник учитывает психологические особенности человека или группы, с которыми он работает, психологически оценивает обстановку, создает благоприятные для себя условия, понимает и контролирует психологическое влияние на ситуацию своей личности и поведения и др.» [2].

Деятельность инспектора ДПС нередко происходит в конфликтных и экстремальных ситуациях. Общение сотрудников с определенной категорией граждан (правонарушителями; лицами, негативно относящимися к полиции и пр.) происходят в затруднительных условиях (отказ от показаний, нежелание сообщать информацию сотруднику Госавтоинспекции, неприязненные отношения, конфликтная ситуация или конфликт и др.). Именно в этих ситуациях сотрудник должен обладать особыми навыками и

способностями визуальной психодиагностики, а потом установления психологического контакта и доверительного общения с гражданами (участниками дорожного движения, правонарушителями, свидетелями, очевидцами ДТП и пр.).

Когда речь идет о восприятии человека человеком, то имеется в виду процесс психологического восприятия людьми друг друга в условиях непосредственного общения. Этот процесс включает в себя все уровни психического отражения (начиная от ощущений и заканчивая мышлением) и этот процесс подчиняется его общим закономерностям, но в тоже время имеет и существенное своеобразие. Можно сказать, что восприятие одного человека другим означает оценку внешних признаков и объяснение на этой основе его поступков. Визуальная психодиагностика – это отрасль психологии, имеющая своей задачей изучение внешних характеристик поведения и облика человека (таких, как: пол, возраст, особенности телосложения, мимики, жестикულიции и др. признаков) в целях проникновения во внутреннее психологическое содержание личности и оптимизации использования индивидуальных возможностей каждого человека. Другими словами, визуальная психодиагностика – это способность определять особенности психологии человека по внешним признакам [3].

С практической точки зрения, основной принцип данного вида диагностики спроецирован на внешность человека. Однако, в отличие от психики, которую не видно, внешность мы видим сразу. Посмотрев, проанализировав те или иные параметры, мы можем сделать выводы относительно психического состояния человека, как глобального, так и текущего. Это может быть полезно для определения психологических и личностных особенностей человека, его психического состояния до того, как началось общения инспектора ДПС и участника дорожного движения, в частности с целью выявления причастности данного гражданина к правонарушению (преступлению). Так, например, сотрудники обращают свое внимание на поведение водителя (транспортного средства) на проезжей части: едет не ровно, часто перемещается из одной полосы движения в другую, «прижимается к обочине».

Особенности восприятия физического облика подробно рассмотрены в исследованиях А. А. Бодалева, Г. Г. Гусева, А. М. Колесовой, В. Н. Панферова, Е. Э. Смирновой, А. М. Зинина, И. Ф. Виниченко, В. Ф. Шендрик и других. Вопросами невербального поведения занимались такие ученые, как В. Райх, Д. Эфрон, Р. Бердвистелл, Г. Олпорт, Е. Холл, П. Экман и др. Из отечественных исследователей невербального поведения известны имена Г. М. Андреевой, Л. И. Анцыферовой, А. Г. Асмолова, Е. А. Ермолаевой, В. Н. Куницыной, В. А. Лабунской, А. А. Леонтьева, Б. Д. Парыгина, В. Н. Панферова, Е. В. Руденского, В. П. Трусова и многих других ученых. Вместе с тем, тема визуальной психодиагностики личности правона-

рушителя в деятельности сотрудника Госавтоинспекции разработана недостаточно.

Знать своего партнера по общению, в нашем случае участника дорожного движения – значит, уметь предвидеть его действия в той или иной конкретной ситуации. Содержание процесса общения выглядит неполным, если не учитывать неречевые средства общения.

К средствам неречевого общения принадлежат мимика, пантомимика, жесты, система вокализации (тембр голоса, тональность), паузы, включенные в речь (покашливания, плач, смех), внешний облик, которые образуют знаковую систему, дополняющую и усиливающую, а иногда и заменяющую средства речевого общения – слова. Средства невербальной коммуникации значительно расширяют возможности общения [4].

Правильное восприятие и интерпретация внешних и внутренних признаков поведения человека в процессе общения необходимо в повседневной деятельности сотрудников Госавтоинспекции. Овладев методом визуальной диагностики, достаточно точным и эффективным, и в то же время, наиболее доступным, сотрудники ДПС имеют большой шанс спрогнозировать поведение граждан, вступивших в конфликт с законом, а также малых групп и коллективов, что даст возможность более эффективно оказывать воздействие на их ориентацию, на исправление.

Диагностическая ценность жестов заключается в их спонтанности и непосредственности, поскольку человек едва ли осознает, что жестикулирует. Например, свободная жестикуляция гражданина свидетельствует об ощущении им психологического комфорта, о чувстве безопасности, положительном отношении к сотруднику. Жестикуляция изменяется в случае эмоционального подъема или волнения, когда происходят значимые для него события. «Скупая» жестикуляция или полное ее отсутствие могут говорить о замкнутости правонарушителя, нежелании общаться, отрицательном отношении к сотруднику.

Так, например, гражданин, нарушивший Правила дорожного движения, нередко намеренно бравирует независимостью, самостоятельностью, ведет себя нагло, стремится «щегольнуть своими связями». Непроизвольные реакции правонарушителя должны использоваться сотрудником как определенные ориентиры. Одна из важных стратегических рекомендаций заключается в том, что в случае расхождения между вербальными и невербальными средствами выражения предпочтение следует отдавать последним, поскольку скрыть истинное отношение, переживаемые эмоции с их помощью труднее всего.

Общаясь с гражданами, инспектор ДПС должен быстро определить наиболее характерное в этом человеке, используя гендерные, этнические, возрастные и психологические особенности собеседника (по его одежде, телосложению, речи, выражению лица и пр.) и по результатам визуальной диагностики адекватно среагировать на ситуацию, предугадывая манеру

поведения, конкретные реплики и фразы. Это необходимо потому, что «можно повлиять на других лучше, если будешь использовать знания о людях, их семейное положение, хобби и другие индивидуальные особенности и характеристики личности» [5].

В рамках научного исследования по данной проблематике проводился опрос 20 слушателей факультета заочного образования (категории обучаемых: инспекторы, старшие инспекторы ДПС ГИБДД МВД, УМВД по субъектам Российской Федерации. Слушатели выполнили психологический тест «Что говорят Вам мимика и жесты», в результате согласно интерпретации: 16 % от количества тестируемых имеют отличную интуицию, обладают способностью понимать других людей, однако делают поспешные выводы при оценке человека; 84 % слушателей неплохо интерпретируют мимику и жесты, но не всегда могут использовать эту информацию в реальной жизни.

Кроме того, сотрудникам была предложена анкета с перечнем невербальных признаков причастности участника дорожного движения к правонарушению, где им необходимо было проранжировать данные признаки по 10-балльной шкале в зависимости их актуальности в процессе профессиональной деятельности инспектора ДПС. В результате были отмечены следующие невербальные признаки (от часто до менее используемого):

- изменение цвета лица, бледность или покраснение, кожа может покрываться пятнами,
- проявление агрессии, конфликтность,
- сбивчивость, алогичность речи,
- «проговорки» (оговорки) в ходе общения,
- «бегающий взгляд»,
- чрезмерная, нарочитая точность описания событий,
- дрожь в голосе, теле.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что инспектора ДПС в процессе служебной деятельности используют методы визуальной психодиагностики, однако не всегда могут использовать эту информацию.

При психодиагностике причастности участника дорожного движения к правонарушению необходимо обращать внимание на следующее [6]:

1. Информацию, содержащуюся в словах-ответах на вопросы инспектора Госавтоинспектора (произвольную вербальную);
2. Дифференцировать указанную информацию и информацию, также выраженную в словах, но возникающую как реакция на соответствующее психологическое воздействие правонарушителя (непроизвольную вербальную);
3. Отслеживать наличие и изменение невербальных проявлений: физиологических (тремор рук, потение, изменение цвета кожных покровов и

т. п.) и поведенческих (разновидность «бихевиористских ключей») – поза, жесты, мимика, пантомимика.

Совокупность данных, полученных в результате анализа поведения, свидетельствует о возможной причастности участника дорожного движения к правонарушению.

Выполнение основных функций инспектором ДПС представляется невозможным без учета психологических особенностей участников дорожного движения, основную часть которых можно получить путем визуальной психодиагностики.

-
1. Лабунская В. А. Невербальное поведение: структура и функции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/25714/25773>.
 2. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. проф. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. С. 285.
 3. Краткий психологический словарь / под общей ред. А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского, редактор-составитель А. А. Карпенко. 2-е издание. Р-н-Д: Феникс, 1999.
 4. Морозов А. В., Чернилевский Д. В. Креативная педагогика и психология: учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 560 с.
 5. Военная психология и педагогика: учебное пособие / под ред. П. А. Корчемного, Л. Г. Лаптева, В. Г. Михайловского. М.: Изд-во «Совершенство», 1998. С. 107.
 6. Прикладная юридическая психология: учебное пособие для вузов / под ред. А. М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мальцева Ольга Алексеевна,
кандидат педагогических наук,
заместитель начальника кафедры
специальной подготовки,
Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова

Михайлов О. Б.

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ В РОССИИ

Одним из первых нормативных актов, который устанавливал правила движения всадников, конных экипажей и был направлен на обеспечение

безопасности горожан в населенных пунктах, был именным Указ царей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича от 3 января 1683 г. Указ запрещал быструю езду по Москве, езду без возниц и на невзнузданных лошадях, а также запрещал кучерам бить прохожих хлыстами, ввел правила разъезда с правой стороны. Надзор за движением по городским улицам и площадям в числе прочих функций осуществлял Стрелецкий приказ – предшественник полиции.

После основания Санкт-Петербурга в мае 1703 г. была учреждена полицмейстерская канцелярия. В 1718 г. Санкт-Петербург стал столицей и взамен полицмейстерской канцелярии было образовано генерал-полицмейстерство по образцу и подобию немецких городов. Петр I определил функции столичной полиции по обеспечению охраны порядка в городе, одна из которых состояла в том, чтобы улицы и переулки содержались в чистоте, были сухи, и чтобы проезд по ним был незатруднен [1].

В 1730 г. императрица Анна Иоановна ввела наказание за несоблюдение скоростного режима – любителей быстрой езды полагалось штрафовать, сечь розгами и ссылать на каторгу [2]. Согласно специальным указам того времени по правилам движения в 1732 г. для «лихачей» была предусмотрена смертная казнь [8].

Император Александр I после своего вступления на престол в 1801 г. проводит реформаторские изменения в системе государственного управления. В соответствии с принятым им Манифестом «Об учреждении министерств» от 8 сентября 1802 г. впервые в российской истории были образованы министерства. Вновь созданное Министерство внутренних дел, в ведении которого была и полиция, было призвано обеспечивать общественный порядок и в сфере дорожного движения.

Дальнейшее развитие государственной системы управления связано с проведенной в 1810–1811 гг. так называемой «реформой М. М. Сперанского». В ходе ее были разработаны положения о министерствах и образовано министерство полиции, взявшее на себя функции управления полицией. Одной из задач министерства было обеспечение исправности и безопасности путей сообщения. Новая структура просуществовала до 1819 г., а ее подразделения без изменения функций вошли в МВД.

Развитие в России промышленности и торговли требовало содержания дорог в исправном состоянии. В конце XVIII века была составлена карта дорог страны и принято решение о постройке на магистральных дорогах каменных дорожных покрытий. Первое шоссе между Санкт-Петербургом и Москвой было открыто в 1834 г. Положение «О Санкт-Петербургской городской полиции» (1838 г.) устанавливало, что за порядком движения по улицам следил унтер-офицер городской стражи.

В 1861 г. была образована специальная комиссия по преобразованию городской полиции в Санкт-Петербурге. Деятельность полиции упорядочивалась разделением города на 4 отделения и 40 участков, штат ее увели-

чился, был создан резерв для обучения будущих нижних чинов. Расширились полномочия и обязанности полицейских в вопросах обеспечения безопасности дорожного движения [1].

В 1883 г. была издана Инструкция городовой Московской полиции, которая вручалась каждому городовому. Этот документ они обязаны были всегда иметь при себе и руководствоваться им в своих действиях. Инструкция предписывала следить за соблюдением правил дорожного движения, в том числе скоростным режимом, обгоном, выполнением требований к транспортным средствам.

Появление первых автомобилей в XIX веке значительно увеличило необходимость в качественной организации дорожного движения. Уже в 1896 г. в России был принят документ, регулирующий движение «самодвижущихся экипажей», а в 1900 г. в Санкт-Петербурге утвердили порядок движения пассажирских и грузовых автомобилей по городу.

В 1908 г. в Санкт-Петербурге полицейским, работавшим на дорогах с наиболее интенсивным движением, начали выдавать белые трости для подачи сигналов водителям. При поднятии трости вверх все – автомобилисты, велосипедисты и вагоновожатые в трамваях должны были немедленно остановиться и продолжить движение только после того, как она будет опущена вниз.

В 1917 г. на российских дорогах начался настоящий беспредел. Городовые исчезли, автомобили стали ездить с открытыми глушителями, номерные знаки перестали присутствовать. Скорость автотранспорта перешла все разумные границы, а в печатных изданиях появилась рубрика под названием «Автомобильные зверства». Количество жертв и разбитых автомобилей на дорогах достигло неимоверного уровня [3]. На историческом горизонте показались первые предпосылки к созданию ведомства, занимающегося вопросами безопасности дорожного движения.

Временное правительство постановлением от 7 апреля 1917 г. «Об учреждении милиции» упразднило полицию и образовало милицию. Разработанное Временное положение о милиции содержало обязанности по регулированию движения автомобилей и прочих транспортных средств на улицах городов и по шоссейным дорогам. Процесс создания советской милиции развернулся по всей стране. В декабре 1917 г. Петроградский комитет охраны города разработал Положение «Об охране Петрограда», которое было одобрено Главным штабом Красной гвардии и НКВД РСФСР. Наряду с широким кругом вопросов охраны общественного порядка, в этом Положении впервые в Советской России была поставлена задача обеспечения безопасности дорожного движения [1].

В Петрограде эти функции были возложены на общественные формирования, потому что постановлением НКВД РСФСР предпринял попытку возложить несение милицейских обязанностей по охране правопорядка на само население. Так, в январе–феврале 1918 г. в 1-м городском районе

Петрограда, где находился тогда СНК РСФСР, милицейские функции возложили на специальную общественную организацию «Друг общественного порядка». Ее дружинники обязаны охранять безопасность и порядок передвижения по улицам: запрещать непомерно быструю езду; ограждать днем рогатками, а ночью фонарями ямы, обвалы и другие препятствия для движения; принимать меры к уборке упавших столбов, фонарей, поврежденных экипажей, павших животных; наблюдать за чистотой улиц и ставить в известность управления домами, где замечаются нечистоты; задерживать автомобили и экипажи при несоблюдении ими правил движения и записывать их номера, а также номера трамваев и вагоновожатых при несчастных случаях [4].

С июля 1918 г. исполнять эти милицейские функции должен был дружинник революционной охраны, о чем подробно было расписано в Инструкции «О несении патрульно-постовой службы», утвержденной комиссаром внутренних дел Союза коммун Северной области М. С. Урицким. В середине 1918 г. вплотную приступили к созданию милиции, вопросы обеспечения безопасности движения – по аналогии с полицией царской России – были отнесены к ее ведению. Милиция должна была выполнять их в рамках деятельности по «охране революционного порядка и гражданской безопасности». В Инструкции «Об организации Рабоче-Крестьянской милиции», утвержденной постановлением наркомов по внутренним делам и юстиции 12 октября 1918 г., обязанности эти расшифровываются так: «наблюдение за исправным состоянием дорог, мостов, гатей, улиц, площадей, а также надзор за порядком движения на них». В вышедшей вслед за этим в декабре 1918 г. Инструкции милиционерам Рабоче-Крестьянской милиции указывалось еще, что «милиционер поддерживает на улицах своего поста свободное и безопасное движение».

Переезд советского правительства в 1918 г. в Москву стал одной из причин существенного увеличения количества автотранспорта в городе и повлек повышение интенсивности движения, что значительно осложнило ситуацию в сфере безопасности дорожного движения в городе. Одновременно с созданием милиции в автомобильных предприятиях формировались специальные подразделения. Фактически в первые годы советской власти безопасность дорожного движения обеспечивалась милицией при тесном взаимодействии с Центральной автосекцией ВСНХ.

Обязанности и полномочия его сотрудников были довольно широки и зачастую перекликались с обязанностями постовых милиционеров. Милиция и прочие представители власти обязаны были оказывать автоинспекторам всяческое содействие. Так, функции по обеспечению безопасности движения были разделены между разными ведомствами. Техническое инспектирование на много лет оказалось в ведении только еще формирующегося автомобильного ведомства. Регулирование же дорожного движения, было закреплено за милицией, точнее, возложено на постового мили-

ционерера как весомый добавок к его основным обязанностям – поддерживать в зоне поста образцовый порядок [5].

В 1919 г. в Москве при авточасти Транспортного отдела Моссовета была создана автомобильная инспекция, которая осуществляла свою деятельность на основании соответствующего Положения. Совместные усилия автомобильной инспекции и милиции, активная правотворческая и правоприменительная работа позволили в период с 1918 по 1920 гг. сократить число дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) в 2 раза и существенно снизить количество происшествий со смертельным исходом в г. Москве [9, с. 5].

В начале 20-х гг. XX в. вопросы развития автомобильного транспорта и обеспечения безопасности его эксплуатации были определены органами государственной власти одним из приоритетных направлений развития государства. При этом на Главное управление рабоче-крестьянской милиции (далее – ГУРКМ) НКВД РСФСР возлагались задачи по поддержанию порядка и спокойствия в стране (в т. ч. борьбе с преступностью на дорогах, обеспечению безопасности дорожного движения) [5].

16 августа 1921 г. издается приказ по рабоче-крестьянской милиции № 225, по которому сотрудникам милиции предписывалось учиться не только политграмоте, арифметике и русскому языку, но и в обязательном порядке регулированию уличного движения.

Транспортный отдел Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 22 ноября 1922 г. утвердил Инструкцию постовому милиционеру «По порядку пользования жезлом». В ней говорилось, что «в целях правильного урегулирования уличного движения всем постовым милиционерам вручались жезлы, длиной около 11 вершков, красного цвета с желтой рукояткой» [10, с. 4].

В 1923 и 1924 гг. были приняты инструкции для участковых и волостных милиционеров, на которых возлагались и обязанности по контролю дорог и дорожного движения. В Москве появились первые светофоры, например, на Страстной площади были установлены два семафора с поворачивающимися крыльями, которыми регулировщик управлял вручную, поворачивая крылья вокруг оси на 90° [6].

В конце 1926 г. принято постановление ЦИК и СНК РСФСР «О планировке городов республики». В Москве и Ленинграде в качестве первого опыта начали устанавливаться будки регулировщика уличного движения. В Москве управление уличным движением было сосредоточено в Инспекции уличного движения Административного отдела.

30 августа 1928 г. коллегия НКВД РСФСР предложила Административному отделу Мосгорисполкома принять «действенные меры к регулированию уличного движения – снижение скорости и строгий надзор за соблюдением установленных правил движения». Для этого в октябре 1928 г. в Административном отделе была введена новая должность – инспектор по

регулированию уличного движения [1]. На него возлагалась разработка рационального размещения транспортных линий в центре Москвы, установление мест стоянки такси, непосредственное наблюдение за уличным движением и т. д.

В том же году в качестве центрального органа, ответственного за содержание дорог и организацию автодвижения, было образовано Центральное управление шоссейных и грунтовых дорог и автомобильного транспорта (далее – ЦУДОТРАНС). Однако поставленные ранее задачи перед милицией по обеспечению безопасности дорожного движения постоянно усложнялись. Поэтому в целях исполнения решения XVI съезда ВКП(б) НКВД РСФСР направил циркуляр от 16 сентября 1930 г. «О мероприятиях по усилению охраны безопасности уличного движения», в котором предлагалось: пересмотреть действующие обязательные постановления по правилам уличного движения, а где их нет – принять; пересмотреть существующую сеть постов, регулирующих уличное движение; в городах с интенсивным движением поставить перед исполкомами вопрос о создании в аппарате административных отделов специальных инспекций по регулированию уличного движения по примеру Москвы и Ленинграда; немедленно установить точный учет всех аварий, вне зависимости от того, были человеческие жертвы или нет.

В соответствии с Постановлением ЦИК от 31 декабря 1930 г. «О мероприятиях, вытекающих из ликвидации НКВД РСФСР и НКВД автономных республик» при СНК РСФСР было образовано ГУРКМ, на которое возлагалось руководство и управление органами милиции и уголовного розыска по организации охраны общественного порядка и борьбы с преступностью. На местах были созданы одноименные управления и отделы милиции, а в их составе – качественно новые подразделения: отделения по регулированию уличного движения. Функции вновь созданных формирований заключались в учете, анализе и изучении причин ДТП, а также в организации пропаганды безопасности дорожного движения.

В мае того же года при Управлении рабоче-крестьянской милиции Москвы был образован отдельный отряд регулирования уличного движения (далее – РУД), а 24 ноября 1931 г. в структуре Управления милиции был организован Отдел регулирования уличного движения (далее – ОРУД), на который возлагались такие задачи, как регулирование уличного движения; проведение профилактической работы в автотранспортных предприятиях; пропаганда безопасности дорожного движения. По примеру Москвы ОРУДы стали появляться во всех крупных городах [4]. В небольших городах и сельской местности, где не было подразделений РУД, эту работу вменили в обязанность участковым уполномоченным милиции.

Создание ГАИ в составе ЦУДОТРАНСа и последующая ее передача в состав Рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР представляется зако-

номерным в условиях доминирования административно-командных методов управления государством в целом и в сфере обеспечения безопасности дорожного движения в частности. Данное решение оказало положительное влияние на состояние аварийности и уровень преступности на улицах городов и дорогах СССР в предвоенные годы, что стало результатом целенаправленной работы ГАИ по основным направлениям ее деятельности.

Целенаправленная деятельность коллективов ОРУДа и ГАИ по организации и обеспечению безопасности дорожного движения принесла положительные результаты. Так, если в 1937 г. в Москве произошло 11606 ДТП, то в 1938 г. – 11380; число погибших соответственно 897 и 752, число пострадавших на 1 тыс. единиц транспорта – 260 и 206, т. е. сократилось на 20 %, что в условиях роста количества автотранспорта и интенсивности движения являлось положительной тенденцией [5].

Много лет РУД оставался самостоятельной милицейской службой, не соподчиненной с ГАИ. Так, к примеру, в УВД Омской области отдел ГАИ не имел никакого отношения к ОРУД г. Омска. Так было и в послевоенное время. Особое положение сложилось в Москве, где ОРУД одно время – с 1947 г. до 1952 г. – оказался не в составе ГУРКМ, а в Главном управлении охраны МГБ СССР, осуществлявшем безопасность партийных вождей и руководителей государства. Сотрудники этого ведомства – офицеры госбезопасности – в милицейской форме с погонами старшин и сержантов несли службу на площадях и перекрестках на протяжении всех правительственных трасс. В 1952 г. ОРУД Москвы вернули в состав Главного управления милиции МГБ СССР, а чуть позже – в Управление милиции Москвы. Однако все еще в качестве самостоятельного от ГАИ подразделения.

В 1961 г. две эти родственные службы, наконец, свели в одну. Но, и объединившись, эта служба еще долгое время продолжала носить двойное название – РУД-ГАИ.

Только в 1969 г. разрозненные ранее силы, обеспечивающие безопасность дорожного движения – наследники РУД – были переименованы в дорожно-патрульную службу и сведены в строевые подразделения, обслуживающие территорию городов и дорог общегосударственного и республиканского значения [7].

1. URL: http://www.mos-ur.ru/articles.php?article_id=188 (дата обращения: 19 апреля 2016 г.).

2. URL: <http://rbs-computers.ru/history-BDD> (дата обращения: 19 апреля 2016 г.).

3. URL: <http://www.avto25.ru/news/articles/2011/06/24/9174.html> (дата обращения: 19 апреля 2016 г.).

4. Вербина О. Л. История становления деятельности органов по безопасности дорожного движения в отечественном праве [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Войтенков Е. А. Деятельность органов внутренних дел по противодействию преступлениям и правонарушениям на автотранспорте и обеспечению безопасности дорожного движения в СССР (1917–1941 гг.): историко-правовой обзор // История государства и права. 2013. № 20.
6. URL: <http://spectr-pdd.ru/history-pdd-Russia> (дата обращения: 19 апреля 2016 г.).
7. Не знает дорога покоя... Милицейская летопись омичей. Омск, 1999.
8. Талицкий И. И. Безопасность движения на автомобильном транспорте. М., 1998.
9. Коммунальное хозяйство // 1926. № 45. С. 5.
10. ГИБДД – 65 лет // Автолавка. 2001. 3 июля. С. 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлов Олег Борисович,
преподаватель кафедры деятельности ОВД
в особых условиях,
Омская академия МВД России

Немцев Р. В., Тарасов А. Ю.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ СССР В ПЕРИОД 1939–1945 ГОДОВ

Статья посвящена организации деятельности Госавтоинспекции СССР по обеспечению и пропаганде дорожного движения в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Ключевые слова: ГАИ, ОРУД, война, пропаганда, безопасность, дорожное движение.

Война.... Как страшно звучит это слово. Война – великое горе, слезы матерей и жен погибших солдат, семьи, не знающие своих отцов и лишь только жуткие воспоминания людей. Наше поколение, не знающее войны, вспоминает это время с грустью и печалью.

Время не стоит на месте, и с каждым годом военная пора уходит в небытие. Вот уже 71 год не слышно свиста пуль над головами, взрыва бомб, черным дымом затмевающих небо, и стонов людей, кричащих от боли полученных ран. Но нельзя забывать о том, что пережили люди в войну. Это было очень жестокое время. Смело глядя в глаза смертельной опасно-

сти, советский солдат, не зная усталости, шел вперед, защищая свою Родину. Благодаря его воле, была добыта победа над злейшим врагом. Нескончаем его подвиг во имя Родины, как и величие советского народа.

Великая Отечественная Война – это огромная душевная рана в человеческих сердцах. Началась эта страшная трагедия 22 июня 1941 года. «Все для фронта, все для победы!» – этот лозунг стал главным с первых дней войны для людей, ушедших на фронт.

Уже под конец 1930-х годов стало проявляться скрытое противостояние между СССР и Германией, отношения между двумя сверхдержавами стали накаляться. Дальновидные вожди и предводители, а также военные стратеги ощущали грядущее неизбежное столкновение. Даже, несмотря на подписание Договора о ненападении от 23 августа 1939г., который стал лишь формальностью, становилось ясно: вермахт захватил пол Европы и уже на подходах к границам нашей Родины. Все понимали, добром это не кончится. Война становилась неизбежной.

В предвоенные годы производились многочисленные решения по улучшению функционирования структуры органов внутренних дел, в том числе и в службе по эксплуатации дорог и автомобильного транспорта. Так была создана государственная автомобильная инспекция (ГАИ), которая в 1936 г. решением Совета Народных Комиссаров она была передана в ведение Главного Управления рабоче-крестьянской милиции. Специализация данной структуры заключалась в обеспечении безопасности на дорогах. По ходу развития организации, формировался её аппарат, нанимались и обучались необходимые кадры, разрабатывались методы осуществления деятельности в условиях мирного времени.

В преддверии юбилея 80 лет Госавтоинспекции МВД России и недавно прошедшим праздником Дня Победы, празднуемым уже 71 год, я хотел бы написать и рассказать вам об актуальной, на мой взгляд, теме: «Организация и деятельность Госавтоинспекции СССР в условиях военного времени».

Изучая диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук А. С. Квитчука «Система обеспечения безопасности дорожного движения в России (историко-правовое исследование)» и многие другие научные статьи, я понял, что Великая Отечественная война заставила внести значительные изменения в деятельность ГАИ, а также ОРУД – отдел регулирования уличного движения. Этим структурным подразделениям органов внутренних дел было необходимо перестроить свою работу под военный режим, условия того тяжелого времени. Усилия сотрудников были направлены на мобилизацию всех имеющихся автотранспортных средств, для нужд армии, проводили осмотр и проверку состояния техники, принимали непосредственное участие в восстановлении автомобилей.

Отражая важность и трудность поставленных перед передовыми структурами задач, я хотел бы выразить их в цитате одного из руководи-

лей ГАИ СССР: «Выделяется исключительная роль автомобильного транспорта во время войны. Важность его заключается в моментальной переброске войск, снаряжения, боеприпасов, продовольствия. Напрашивается вывод: необходимо обеспечить высокую интенсивность работы всего имеющегося транспорта. Вот главная боевая задача ГАИ на сегодня...»

Существенно изменилась деятельность подразделений ОРУДа. Помимо усиления пропаганды безопасности дорожного движения, за обеспечением которого его сотрудники следили в мирное время, они защищали подступы к прифронтовым городам. В число их обязанностей входили: усиленная патрульная служба, организация загородных застав, проверка железнодорожных переездов, контроль над соблюдением правил светомаскировки. На период военного времени отменялись ежегодные очередные отпуска, осуществлялись меры по укреплению связей с народом и улучшению подготовки профессиональных кадров.

К сожалению, как нам показывают исторические факты и документы, перечень милицеских изданий, отражавших работу служб ГАИ и ОРУДа, с началом войны несколько уменьшился, но внимание к вопросам деятельности этих организаций не отошел на второй план.

Как представляется, наиболее трудоемкая работа была проведена ГАИ в период битвы за Москву. Сложилось тяжелейшее положение, войска Красной армии были на пределе, защищать столицу почти не оставалось сил. Наступление 30 сентября 1941 г. практически не встречало сопротивления. Никак нельзя было сдавать столицу врагу, это понимали все. Тогда горожане, дети, женщины поднимали лопаты и стали оперативно возводить оборонительную полосу для того, чтобы задержать врага. Производилась колоссальная земляная работа. Однако проблема нехватки «рабочих рук» оставалась открытой. Поэтому для её решения был осуществлен комплекс мер по ежедневной вывозке к местам создания заграждений десятков тысяч москвичей. В том же порядке сотрудники принимали участие в эвакуации мирного населения и в вывозке народнохозяйственного груза.

Сегодня, говоря о днях героической обороны Москвы, мы вспоминаем слова генерал-полковника П. А. Артемьева, бывшего командующего Московским военным округом и Московской зоной обороны: «Не вспомнится мне из исторических моментов ни один осажденный город, в котором так хорошо функционировал бы транспорт, магазины и жилые дома, как это было в октябре 1941 года».

Немало в истории встречается нам событий о доблестных подвигах сотрудников милиции во время Великой Отечественной войны. Одним из таких примеров может послужить героический подвиг инспектора ГАИ Д. Вольского и шофера-милиционера Н. Прокоповича. В дни обороны Могилева они встретили подразделения фашистов, пытавшихся с ходу занять мост через Днепр, встречным пулеметным огнем. Более двух часов два отважных храбреца вели неравный бой, давая несокрушимый отпор против-

нику, пока не подошло подкрепление. Поставив грудь под пули врага, ценою своих жизней они удержали оборону моста, фашисты так и не смогли воспользоваться им в своих целях.

Также достойным примером проявления воинской выдержки и смелости может служить подвиг подразделения милиции под командованием начальника ОРУДа А. И. Кудряшева на самом трудном участке обороны Ленинграда, в районе Невской Дубровки. Соорудив окоп на указанном рубеже, под открытым шквалом огня, они ринулись в бой, и ничто их не смогло остановить. Переправившись через Неву, батальон выбил противника с занятых им позиций.

Мероприятия по изменению структуры работы ГАИ и ОРУДа оказались эффективными. По решению советских и партийных органов на службу брали всех. На смену отцам и братьям, призванные на фронт, пришли женщины. Они моментально осваивали профессиональные навыки регулировщиц и бдительно несли постовую службу.

Как я уже упоминал ранее и повторяюсь вновь, лозунг «Все для фронта! Все для победы!» не просто провозглашал, но и заключал глубокий духовный смысл нравственной мощи великого народа!

Объем работы милиции по подготовке водительских кадров в период войны значительно возрос. Предъявлялись повышенные требования к отбору и обучению водителей, учитывая, что им придется работать в труднейшей военной обстановке. Кроме того, ужесточался контроль за техническим состоянием и эксплуатацией автотранспорта. Так же уделялось огромное внимание созданию авторемонтных мастерских.

Мне удалось отыскать выписку из центральной газеты СССР 1943 г., в которой было отмечено выступление главы Народного комиссариата автомобильного транспорта. В нем говорилось: «ГАИ обязано принять наиболее быстрые и крайние меры по восстановлению и ремонту необходимых автопарку деталей и дорогостоящих агрегатов, для оказания содействия войскам в крупных наступательных операциях».

Более важную работу Госавтоинспекция проводила по рациональному использованию раритетного автотранспорта, к счастью, что таких авто было не столь мало.

Следует отметить, что колоссальное внимание партия и правительство уделяли профессиональной подготовке работников милиции. Например, в годы военных действий продолжала свою работу Центральная школа милиции НКВД СССР, подготавливавшая руководящие кадры. Ежегодно из дверей этого заведения, выходило 500 сотрудников, первоклассных профессионалов. В мае 1943 г. на её базе, была открыта Высшая школа НКВД СССР для подготовки первоклассных специалистов на руководящие должности и экспертов-криминалистов. Также придавалось очень большое значение общеобразовательной подготовке милиционеров, поэтому в 1944 г. открылась Московская школа милиции.

Работа по подготовке работников ГАИ и ОРУДа партийными и советскими органами дали немалые плоды. С 1944 г. в функционировании этих учреждений обозначились позитивные сдвиги: усиление контроля за техническим состоянием автотранспорта, укрепление дисциплины среди водителей-милиционеров. Важную роль в достижении этих результатов сыграла печать, она оперативно и целенаправленно помогала ГАИ в решении многих проблем. В СМИ говорилось об опыте передовых коллективов и их руководителей, благодаря этому её деятельность получала высокую оценку.

Не успевали заканчиваться боевые действия на передовой, как в тылу уже разрабатывались новые решения по обеспечению безопасности дорожного движения. В правилах дорожного движения указывалась важная роль и ответственность шоферов за техническое состояние автомобиля. Большое внимание уделялось пропаганде, чтению лекций и проведению бесед, для этого выпускались брошюры и листовки, публиковались статьи и передавались радиосообщения.

Обобщая все сказанное выше, хотелось бы сделать вывод, отразив в нем свое личное мнение. Работа ГАИ и ОРУДа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., несмотря на тяжелейшие условия, в общих чертах, осуществила достойное выполнение поставленных перед ним задач, что помогло привнести огромный вклад в укрепление оборонительной и социально-экономической мощи нашей Родины! Положительные результаты их деятельности во многом поддерживались ответственностью и профессионализмом рядового кадрового состава, усердием и доблестью сотрудников и умелым руководством начальствующего состава.

-
1. 1939 год: Уроки истории. М.: Мысль, 1990. 501 с.
 2. Советская милиция: история и современность (1917–1987). М.: Юридическая литература, 1987. 336 с.
 3. История ГАИ. К 60-летию Госавтоинспекции МВД России / М. Б. Афанасьев, Л. А. Кочетов, Г. П. Рифицкий, Б. В. Россинский и др. / под ред. В. А. Федорова. М.: Изд-во «Гуманитарий», 1996. 304 с.
 4. Квитчук А. С. Система обеспечения безопасности дорожного движения в России (историко-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2006. 360 с.
 5. МВД России. Энциклопедия. М.: Объединенная редакция МВД России, 2006.
 6. Обзор деятельности подразделений ГАИ в военное время. М., 1955.
 7. Сидорова О. С. Госавтоинспекция в годы Великой Отечественной войны: исторический опыт страны и региона // Вестник Чувашского университета. 2007. № 4.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Немцев Роман Валерьевич,
курсант 21 учебного взвода,
Московский областной филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

Тарасов Александр Юрьевич,
кандидат юридических наук,
начальник кафедры деятельности ГИБДД
и информационных технологий,
Московский областной филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

Павлова Е. В.

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ И В ОТДЕЛЬНЫХ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В статье осуществлен анализ основных направлений деятельности Российской Федерации по обеспечению безопасности дорожного движения, а также положительный опыт организации деятельности по рассматриваемому вопросу в отдельных иностранных государствах.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, государственная инспекция безопасности дорожного движения, международный опыт, государственная политика.

В условиях достаточно сложной политической обстановки в государстве Россия значительное внимание уделяет национальной безопасности, о чем свидетельствует принятие Указа Президента РФ, утвердившего Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, где главными стратегическими национальными приоритетами выступают государственная и общественная безопасность [1]. Представляется вполне обоснованным включение в данные направления деятельности обеспечение безопасности дорожного движения. Статистика свидетельствует, что рассматриваемые проблемы решаются системно и поступательно. Так, из анализа статистических данных следует сделать вывод, что основные показатели (количество дорожно-транспортных происшествий, число пострадавших и

погибших» пусть и незначительно, но меняются в сторону уменьшения (см. табл. 1, 2) [2].

Табл. 1.

Количество дорожно-транспортных происшествий

Период	Количество ДТП
2012 г.	203597
2013 г.	204068
2014 г.	199720
2015 г.	184000
2016 г.	157108

Табл. 2.

Количество погибших и пострадавших лиц

Период	Погибло	Ранено
2012 г.	27991	258618
2013 г.	27025	258437
2014 г.	26963	251785
2015 г.	23114	231197
2016 г.	18490	199544

Мы считаем, что рассмотренные цифры свидетельствуют о том, что комплекс мер, принимаемых Российской Федерацией по обеспечению безопасности дорожного движения имеет правильный вектор развития. Анализ основных направлений деятельности государственных органов по обеспечению безопасности дорожного движения позволяет сформулировать ряд направлений, которые требуют дальнейшего участия государства:

- участие и взаимодействие в данном направлении государственных органов всех уровней, в том числе субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;
- достаточный уровень финансирования, технического оснащения деятельности подразделений ГИБДД;
- научная разработка проблем безопасности дорожного движения, с конкретными практическими рекомендациями и возможностью внедрения ее результатов в современную действительность;
- своевременное законодательное реагирование, в области дорожного движения, на изменения, происходящие в обществе;
- проведение кампаний, направленных на формирование у участников дорожного движения устойчивых стереотипов законопослушного поведения;
- повышение роли общественных объединений и организаций в проведении профилактических работ;

- совершенствование форм и методов контрольно-надзорной деятельности, направленной на соблюдение участниками дорожного движения установленных нормативов и правил;

- совершенствование форм и методов международного сотрудничества по проблемам безопасности дорожного движения [3, с. 1029].

Однако следует отметить, что не только Российская Федерация осуществляет комплекс мер по обеспечению безопасности дорожного движения. Большинство стран мира рассматриваемой проблеме уделяют пристальное внимание. Так, 11 мая 2011 года Организация Объединенных Наций и правительства государств объявили о начале десятилетия (2011–2020 гг.) по обеспечению безопасности дорожного движения.

В этой связи, представляется вполне обоснованным рассмотрение отдельных положительных аспектов в сфере безопасности дорожного движения иностранными государствами, которые достигли значительных результатов в рассматриваемом вопросе. Следует отметить, что подавляющее большинство стран мира осознают масштабы негативных последствий, наступающих в сфере нарушений правил дорожного движения. Многие государства разработали национальные программы по обеспечению безопасности дорожного движения, которые отражают системный подход, преследуя реалистичные цели снижения основных показателей аварийности. Так, например, в Швеции еще в 1997 году была разработана и утверждена стратегия «Видение-0», которая ставила достаточно амбициозные цели, согласно которым в данном государстве не должно быть погибших и серьезно пострадавших в результате автомобильных аварий [4, с. 5]. Вместе с тем, разработчики данной стратегии осознают, что поставленная цель носит явно перспективный характер, но призывает общественность Швеции обратить внимание на проблему безопасности дорожного движения, консолидировать усилия всех государственных структур на ее решение. Данная стратегия призвана изменить само отношение к безопасности дорожного движения. Если раньше считалось, что участник дорожного движения сам несет ответственность за свои ошибки, то теперь следует осуществлять меры, направленные на недопущение подобных ошибок.

К основным мерам, принятым на сегодняшний день в Швеции, относятся:

- выявление «узких мест» в обеспечении безопасности для различных составляющих дорожно-транспортного комплекса и определение мер по их устранению;

- привлечение внимания потребителей к наличию комплекса технических средств, обеспечивающих активную и пассивную безопасность транспортного средства (в рамках европейской программы по информационной поддержке потребителей при оценке новых автомобилей);

обеспечение более высокого уровня использования ремней безопасности и установка на новых автомобилях современных, хорошо слышных систем напоминания о ремнях безопасности;

установка разделительных защитных ограждений в центре проезжей части дорог в сельской местности с одной полосой движения в каждую сторону;

поощрение местных властей на введение зон с ограничением скорости движения до 30 км/ч;

более широкое использование фотокамер контроля за скоростным режимом;

увеличение количества выборочных проверок водителей транспортных средств на наличие алкоголя в выдыхаемом воздухе;

пропаганда безопасности дорожного движения [5, с. 3].

Кроме того, нам представляется весьма эффективной система обеспечения безопасности дорожного движения в Германии. Германия — это государство, которое преследует достаточно жесткую политику в отношении лиц, допустивших серьезные либо систематические нарушения правил дорожного движения. В случае, если водитель управлял транспортным средством в состоянии опьянения, либо по каким-либо причинам был лишен права управления он обязан пройти психологическое тестирование, которое выявит, может ли данное лицо управлять автомобилем, не причиняя опасности окружающим. Если тест будет иметь отрицательный результат, то человек лишается права управления транспортным средством. Кроме того, при системности нарушения правил дорожного движения, которое отслеживается единой базой учетов, водитель также лишается водительского удостоверения и может восстановить такое право только после психологического тестирования. Интересным является и опыт Германии по взиманию штрафов за грубое поведение на дороге. Суммы данных наказаний очень существенны.

Таким образом, следует отметить, что Российская Федерация предпринимает значительные усилия по обеспечению безопасности дорожного движения, рассматривая ее как национальную задачу. Однако, представляется обоснованным, что при решении данной задачи невозможно не учесть опыт иностранных государств, достигших положительных результатов в рассматриваемом направлении.

1. О стратегии национальной безопасности РФ [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 г. № 638. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Многофункциональная информационно-аналитическая система Департамента ОБДД МВД России // Официальный сайт ГИБДД МВД РФ. URL: www.gibdd.ru (дата обращения: 15 января 2017 г.).

3. Павлова Е. В. Отдельные направления государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения // Экономика и предпринимательство. 2016. № 1 (ч. 1). С. 1029.
4. Основные подходы к формированию ключевых направлений государственной политики в области обеспечения безопасности дорожного движения за рубежом [Электронный ресурс] / Официальный сайт ГИБДД МВД РФ. URL: www.gibdd.ru (дата обращения: 15 января 2017 г.).
5. URL: www.fcr-pbdd.ru (дата обращения: 15 января 2017 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Евгения Васильевна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
административного права
и административной деятельности ОВД,
Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова

Петровых В. Л.

О НЕОБХОДИМОСТИ СОБЛЮДЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ НА СОСТОЯНИЕ ОПЬЯНЕНИЯ

В статье обозначено значение исполнения административной процедуры в вопросе привлечения лица к административной и уголовной ответственности за совершение правонарушений, связанных с управлением транспортным средством в состоянии опьянения.

Ключевые слова: правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, усиление ответственности, административные процедуры, освидетельствование на состояние алкогольного опьянения.

Решение проблемы, связанной с ростом дорожно-транспортных происшествий в Российской Федерации, совершаемых по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения, в настоящее время, обществу и законодателю видится через усиление ответственности. Отражением этой позиции является Федеральный закон Российской Федерации от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения» (далее по тексту – федеральный закон), который, среди прочего, ввел в

ст. 264.1 УК РФ уголовную ответственность за управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 УК РФ либо настоящей статьей [3]. Считаем, что эффект такого метода влияния на безопасность дорожного движения сможет усиливаться при его сочетании с интенсивным и качественным выполнением правоприменителем предусмотренных административных процедур. Помимо этого, данные новации необходимо сопровождать правовым информированием, разъяснительной работой с населением, чтобы получить поддержку со стороны общества, возможность оказывать профилактическое влияние на участников дорожного движения.

Посредством принятия федерального закона, в примечании к ст. 264 Уголовного Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), в том числе, и для целей вновь вводимой им ст. 264.1 УК РФ, было сформулировано понятие лица, находящегося в состоянии опьянения. Исходя из смысла данного определения, законодатель уравнил водителя, в отношении которого подтвержден факт употребления вызывающих алкогольное опьянение веществ, наличием абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, установленную законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях, или в случае наличия в организме этого лица наркотических средств или психотропных веществ, и водителя, не выполнившего законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения в порядке и на основаниях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

Теперь правоприменителю достаточно будет процессуально закрепить факт отказа водителя от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, чтобы квалифицировать его как лицо, управлявшее транспортным средством в состоянии опьянения. Казалось бы, это серьезно должно облегчить бремя доказывания (в уголовном процессе) факта нахождения лица в состоянии опьянения, ведь до последнего времени во внимание принимались доказательства, подтверждающие наличие у водителя алкоголя 0,16 и более миллиграмма на литр выдыхаемого воздуха, а водитель, отказавшийся от прохождения освидетельствования на состояние опьянения, презюмировался как трезвый.

Однако, прежде чем обвинить водителя в нарушении пунктов 2.3.2 и 2.7 Правил дорожного движения, обязывающих его проходить освидетель-

ствование на состояние алкогольного опьянения и медицинское освидетельствование, необходимо все же процессуально доказать, что он отказался от участия в данных процедурах, управлял транспортным средством в состоянии опьянения. Но современная практика показывает, что этому процессу не способствует понимание сотрудников дорожно-патрульной службы ГИБДД, непосредственно пресекающих нарушения Правил дорожного движения, исполнения соответствующих административных процедур.

Приведем пример. В целях доказывания состояния опьянения подозреваемого и дальнейшей квалификации его действий по ч. 4 ст. 264 УК РФ, следователем были допрошены понятые, участвующие в ходе исполнения инспектором ДПС административных процедур, связанных с отстранением от управления транспортным средством и направлением на медицинское освидетельствование на состояние опьянения. На вопрос о состоянии водителя на момент составления процессуальных документов, понятые пояснили, что водитель им не демонстрировался, а все время находился на заднем сидении патрульного автомобиля, его отказ от прохождения освидетельствования, соответственно, они не слышали. Понятые поверили на слово сотрудникам полиции о том, что у водителя якобы имелись признаки опьянения и состоялся его отказ от освидетельствования, после чего подписали процессуальные документы [5].

Подобный объем доказательств, представляемых в суд, дает возможность защитнику и водителю занимать активную позицию и оспаривать факт нахождения последнего в состоянии опьянения либо его отказ от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения, что в результате, может повлечь по уголовным делам, возбужденным по ст. 264 УК РФ, переквалификацию действий на иную часть, предусматривающую более мягкое наказание, а по вновь вводимой ст. 264.1 УК РФ и в рамках дел об административных правонарушениях – прекращение дел за отсутствием состава. Соответственно, даже формальное присутствие понятых, не говоря уже про их раздельное участие, привлечение лиц, которые являются родственниками, знакомыми водителя либо вовсе участниками дорожно-транспортного происшествия, ставит под сомнение полноценность предусмотренных процедур. Осознавая присутствие практики отступления правоприменителя от порядка исполнения административных процедур, в ходе рассмотрения дела, сторона защиты (особенно сейчас, на фоне усиления ответственности водителей, за совершение правонарушений в состоянии опьянения) будет стремиться ходатайствовать о допросе участников данных административных процедур с целью выявления вышеназванных грубых нарушений, влекущих, по сути, признание собранных доказательств недопустимыми.

Считаем, что инспекторам по исполнению административного законодательства ГИБДД, следователям необходимо работать на опережение

(предупреждение) таких ситуаций и, соответственно, брать объяснения и(или) допрашивать как должностных лиц, так и понятых о содержании, результатах проведения конкретных процессуальных действий. И тогда, формирование подобной практики, в определенной части, окажет профилактический эффект и дисциплинирует самих должностных лиц в ходе исполнения соответствующих административных процедур, позволит попутно собрать дополнительные доказательства по делу.

Допускаем, что практику формального подхода должностных лиц к исполнению административных процедур не искоренить этим способом.

Федеральным законом № 307-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации (далее по тексту, КоАП РФ) об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 14 октября 2014 г. были внесены изменения в ст. 25.7 КоАП РФ, которые допускают в случаях, предусмотренных главой 27 и ст. 28.1.1 КоАП РФ, обязательное присутствие понятых или применение видеозаписи для фиксации совершения процессуальных действий, за исключением личного досмотра. То есть, законодатель предлагает удостоверять, факт совершения процессуальных действий, их содержание и результаты через применение видеозаписи, для чего ранее привлекались только понятые. В соответствующем протоколе либо акте освидетельствования на состояние алкогольного опьянения сотрудником должна быть сделана пометка о применении видеозаписи для фиксации совершения процессуальных действий (за исключением личного досмотра) в отсутствие понятых. Все видеоматериалы, полученные при совершении процессуальных действий, в соответствии с ч. 6 ст. 25.7 КоАП РФ, необходимо будет приложить к соответствующему протоколу либо акту освидетельствования на состояние алкогольного опьянения [2].

По нашему мнению, закрепление на законодательном уровне возможности применения видеозаписи без привлечения понятых позволит не только упростить административные процедуры, в том числе, связанные с вопросом освидетельствования водителя, но и получить полноценное доказательство по делу. Однако, применение видеозаписи не должно полностью заменить процесс привлечения понятых при проведении административных процедур. С одной стороны, видеозапись не сможет в полном объеме и объективно отразить содержание происходящего. С другой стороны, на процедуру видеозаписи могут повлиять причины организационного либо технического характера. Так, полностью отказавшись от участия понятых и не получив по техническим причинам видеоподтверждения конкретного процессуального действия, правоприменитель столкнется с ситуацией, когда собранные им базовые доказательства по делу необходимо будет признать недопустимыми и лицо сможет избежать ответственности. В связи с вышеизложенным, считаем, что для получения доказательств по делу необходимо использовать весь арсенал имеющихся в распоряжении долж-

ностного лица мер и возможностей, дабы избежать необъективности, формализма, коррупционной составляющей.

Особенно рекомендуется одновременное использование видеозаписи и привлечение понятых, при применении мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения права управления транспортными средствами. Поскольку данная категория правонарушений рассматривается в судах, и чаще остальных правонарушений подлежит обжалованию [1, с. 78].

В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 правонарушения, предусмотренные статьями 12.8 и 12.26 КоАП РФ, не могут быть отнесены к малозначительным, а виновные в их совершении лица – освобождены от административной ответственности, поскольку управление водителем, находящимся в состоянии опьянения, транспортным средством, являющимся источником повышенной опасности, существенно нарушает охраняемые общественные правоотношения независимо от роли правонарушителя, размера вреда, наступления последствий и их тяжести [4].

Таким образом, считаем, что правоприменитель не может не осознавать свою ответственность за качество исполнения служебных обязанностей: от его профессиональных действий зависит, будет ли привлечено виновное лицо к ответственности или нет. Установив у водителя признаки опьянения, ему важно соблюсти административные процедуры: отстранить последнего от управления транспортным средством, освидетельствовать на состояние алкогольного опьянения либо направить на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, при этом, даже формально не отступив от требований закона. Тогда, водители, управляющие транспортным средством в состоянии опьянения, ощутят не только усиление ответственности, но и ее неизбежность.

1. Аникин И. А. Участие понятых при проведении дорожно-патрульной службой ГИБДД МВД России мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2015. № 7. С. 75–78.

2. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и отдельные законодательные акты Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации в связи с уточнением полномочий государственных органов и муниципальных органов в части осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 14 октября 2014 г. № 307-ФЗ: ред. от 13 июля 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 24 октября 2006 г. № 18: ред. от 9 февраля 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Примеры взяты из уголовных дел, расследования по которым были проведены в 2012–2013 гг. следователями отдела по расследованию ДТП ГСУ ГУ МВД по Свердловской области.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Петровых Вера Леонидовна,
старший преподаватель кафедры
административного права и административной
деятельности органов внутренних дел,
Уральский юридический институт МВД России

РАЗДЕЛ 2.
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ:
ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ
(300 ЛЕТ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ)

Абдуразаков А. А.

БОРЬБА С ПОПУЛЯРИЗАЦИЕЙ РЕЛИГИОЗНОГО
ЭКСТРЕМИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С проблемой религиозной радикализации преступного мира современное европейское общество столкнулось относительно недавно, но пристально занимается его исследованием, объективно оценивая степень угрозы. Причем особое внимание необходимо уделить борьбе с данным явлением в местах лишения свободы, т. к. сегодня данная проблема весьма актуальна именно в пенитенциарных учреждениях.

Ключевые слова: ислам; шариат; терроризм; экстремизм; пенитенциарные учреждения.

Религия, которая, вроде бы считалась архаической формой культуры, теперь оказалась в центре самых драматических событий современной истории, и ее идеи и сегодня органически вписываются в мироощущение человечества [1, с. 371].

Но вместе с тем, несмотря на наличие правовых гарантий, призванных содействовать цивилизованному развитию отношений между государством и религиозными объединениями, в последнее время все чаще возникают негативные ситуации, связанные с проявлением экстремизма, религиозной вражды, межконфессиональных конфликтов и т. д. [2, с. 3].

Происходит социализация и политизация ислама, что естественным образом провоцирует его радикализацию, в России это проявляется в возникновении подпольных исламистских ячеек, участники которых находятся как на нелегальном, так и на легальном положении. Данные лица оказывают друг другу поддержку, тесно взаимодействуя в решении своих политических задач. Причем категория латентных исламистов представляет, пожалуй, даже большую проблему, поскольку таких сложнее выявить, классифицировать и привлечь к ответственности.

Идеологическая доктрина исламистов получила бурное развитие в начале 90-х годов. Становлению способствовала бурная миссионерская деятельность прибывших в регион зарубежных проповедников, а также распространение и тиражирование соответствующей литературы иностранными фондами и центрами, но потом, продолжив опираться на

наиболее идеологически подготовленных и непримиримо настроенных местных радикалов, продолжила работу по привлечению в свои ряды адептов, главным образом из среды молодежи [5, с. 11].

Религия проявляет себя в истории не только как совокупность различных замкнутых в себе верований, моральных предписаний, абстрактных рассуждений о смысле жизни (экзистенциальные проблемы) или даже привычный и традиционный образ жизни [1, с. 372]. Она является специфическим «религиозным фактором», действующим внутри конкретных политических сил и придающим им определенную направленность и динамизм [1, с. 373].

Религиозный экстремизм может остановить просвещенный традиционный ислам, для которого характерны умеренность, трезвость и толерантность. Ислам, являясь авраамической религией, имеет множество схожих черт с христианством или же иудаизмом, среди которых поддержание и развитие общечеловеческих ценностей, пропаганда доброты толерантности и терпимости. Как отметил В. В. Путин, «мусульманская община вносит весомый вклад в развитие межнационального и межрелигиозного диалога, активно взаимодействует с государственными и общественными организациями в делах благотворительности и просвещения, в воспитании подрастающего поколения. Такая плодотворная, многогранная деятельность получает поддержку всего общества, способствует сохранению гражданского мира и согласия в стране» [7].

Ряд исследователей, в том числе и зарубежных, полагают, что существенную роль в радикализации ислама сыграли внешние факторы а именно вмешательство США в политику стран Б. Востока. На фоне агрессивной масс-культуры США и их сторонников в страны с традиционным многовековыми национально-культурными и религиозными ценностями совершенно очевиден был силовой ответ этим поползновениям. Совершенно очевидно, то в традиционном понимании этого слова воевать с США никто не будет. Поэтому вольно или невольно в последнее время широкое развитие получил религиозный терроризм [1, с. 374].

Еще в середине XX века Р. Шарль отмечал негативную роль США в данном регионе: «беззастенчивость американских лавочников, поощряющих туземцев сбросить иго, – все это способствовало развитию националистических настроений, приводящих в некоторых мусульманских странах к взрывам» [4, с. 125]. Применительно к реалиям современности можно отметить, что Америка уже не ограничивает себя в «поощрении туземцев сбросить иго» только лишь мусульманскими странами, а значительно расширили географию своей деятельности, включив в свой перечень и страны Европы. Причем, как отметил В. В. Путин, не пренебрегая при этом попытками силового вмешательства в различные внутренние конфликты, ставшими для США обычным делом; «в сознании миллионов людей на планете Америка всё чаще воспринимается не как образец демократии, а

как игрок, который делает ставку исключительно на грубую силу, сколачивая под конкретную ситуацию коалиции с лозунгом «кто не с нами – тот против нас» [8].

Вызывает также споры использование термина «радикальный ислам» или «исламские террористы», особенно в среде мусульманских духовных лиц, которые всячески стараются отмежеваться от своей веры такой сильно дискредитирующий фактор, доказывая, что религиозная догматика не может пропагандировать насилие. Но «объективная реальность говорит о том, что гуманизм реально не является непременным атрибутом любой религии» [1, с. 377]. Но при изучении догматики это не означает что эти учения жестоки, необходимо учитывать историческую эпоху и социальную обстановку периода зарождения данных религий, реалии того мира.

Исламские экстремисты, обуреваемые стремлением подчинить своим идеям весь мусульманский мир и сделать их абсолютно непререкаемыми, прибегают к Корану, вернее, к догматическому, одностороннему толкованию этой главной для мусульман священной книги. Отдельные фразы, выхваченные из Корана, однако, вряд ли могут служить характеристикой всего религиозного направления. Тем более что в Коране, наряду с изречениями, которые могут интерпретироваться как призывы к насилию, содержатся в обилии призывы к миру, терпению [1, с. 400–401].

Неоднозначный подход ислама к этим проблемам реально показывает его характерную черту – плюрализм взглядов, что особенно проявляется в сфере политики, поскольку основные предписания, призванные ее регулировать, были сформулированы на основе иджитхада, под которым исламская мысль понимает рациональный поиск решений по вопросам, точно не урегулированным в Коране и Сунне. К этому надо добавить, что имеющиеся в этих основополагающих источниках правила ведения войны или отношения к иноверцам сложились еще в начальный период становления ислама, его острого соперничества с политическими и идейными противниками. Некоторые из этих положений, вырванные из основного исторического контекста, в наше время нередко используются для оправдания проявлений политического экстремизма [1, с. 395].

Факт, благоприятствующий использованию религии в качестве прикрытия для осуществления экстремистской, в том числе и террористической деятельности, существование различных противоречий в рамках канонического содержания самих религий (внутренние противоречия). Кроме того, существует множество неточностей и неясностей в формулировании тех или иных религиозных требований, обязанностей, а также и наличие определенных противоречий между различными религиозными верованиями и даже враждебных суждений в адрес других религий (внешние противоречия) [1, с. 378].

Особую проблему в этом аспекте представляет процесс распространения исламского экстремизма в местах лишения свободы. Причем, как

отмечает ряд российских исследователей, с одной стороны, религия становится одним из факторов создания у человека, отбывающего наказание, состояния душевного равновесия, спокойствия, доброжелательности, пробуждения положительных качеств характера и переориентации нравственных ценностей [2, с. 3]. С другой стороны, находясь в изоляции от общества и семьи, в силу режима содержания и подчинения определенному распорядку дня преступник испытывает эмоционально-напряженное состояние, психологическую подавленность эти условия благоприятствуют деятельности проповедников радикального ислама также используют как фактор благоприятствующий распространению своих учений и набора новых адептов.

Показателен также еще один идеологический прием, с успехом используемый в местах лишения свободы, а именно принятие ислама для получения защиты и покровительства. Схожая ситуация изначально сложилась в Индии когда ислам стали принимать: «большое число индусов из касты «неприкасаемых». Тем самым они уходят от ограничений, реально существующих для самой низшей индуистской касты» [1, с. 388]. В российских исправительных учреждениях тюремная субкультура также создала особую иерархическую лестницу и не удивительно, что многие лица стремятся любой ценой не попасть в систему преступной градации в положении бесправных париев. Существующая альтернатива представляется более приемлемой т. к. мусульманская община в исправительных учреждениях достаточно влиятельна и способна обеспечить защиту своих членов в т. ч. и для новообращенных, причем ислам признает всех мусульман равноправными вне зависимости от положения которое он занимал ранее.

Следует опять таки упомянуть, что данный фактор вкупе с эмоциональной подавленностью, также с успехом используют проповедники радикального ислама т.е. можно сказать что факторы которые успешно можно использовать для ресоциализации осужденного, его перевоспитании посредством позитивного религиозного воздействия, с тем же успехом можно использовать и для его радикализации. Преступник неофит ища защиты в религиозной общине возможно изначально и не разделяет религиозных ценностей и планирует после освобождения (как это неоднократно и случалось) отойти от веры в религиозные идеалы, он просто ищет некоторые бытовые выгоды. Данное обстоятельство обосновывает необходимость контроля со стороны религиозных организаций за действиями лица отбывшего наказание.

Научный интерес представляет в свете сказанного доклад Центра радикализации при Королевском колледже в Лондоне в котором подчеркивается, что преступления и религиозность сегодня тесно взаимосвязаны. Доклад был обнародован всего за несколько часов до вынесения новых предложений в правительстве. Профессор Петер Нойманн (Peter Neumann), автор доклада высказался следующим образом по этому поводу: «тюрьмы

становятся зонами риска радикализации, и это происходит потому, что насилие для гангстерских джихадистов – это больше не средство достижения цели, а сама цель, в которой они ищут смысл» [6]. Другими словами, в гражданском обществе радикализация идеологический процесс, направленный на индивида с целью подготовки его к принятию насилия, в исправительных учреждениях в среде лиц уже преступивших закон необходимо только предоставить им идеологическую поддержку совершения преступлений тем самым дав возможность преступнику оправдать свои противоправные действия, фактически радикальный ислам заочно «отпускает грехи» всем.

Проповедники исламисты, способны эффективно распространять свою идеологию не только на осужденных-мусульман или активно вовлекать в свои ряды осужденных других вероисповеданий, их агитационная деятельность также направлена на поиск, вербовку и использование в противоправных целях сотрудников и работников УИС.

Указанные факторы не только подрывают нормальное функционирование всей УИС но и дестабилизируют деятельность исправительных учреждений. Именно поэтому приоритетным направлением деятельности сотрудников УИС и священнослужителей работающих в местах лишения свободы, должна стать профилактика экстремизма и терроризма в исправительных учреждениях.

Предотвращение дальнейшего распространения радикального ислама может быть достигнуто только путем грамотной организации духовно-нравственного воспитания лиц отбывающих наказание [5, с. 12]. Религиозная догматика обладает весьма эффективными методами воздействия, что успешно используют проповедники исламисты, соответственно имеет смысл позитивному праву взять на вооружение представленные религией возможности воздействия в т. ч. и вопросах исправления, воспитания и ресоциализации осужденных. Но эта работа должна проводиться под строгим контролем норм позитивного светского законодательства и реализовываться органами государственной власти. Передача функций контроля религиозным организациям недопустима, т. к. может привести к трудно прогнозируемым последствиям. Авторитетный исследователь мусульманского права в России профессор Л. Р. Сюкияйнен применительно к догмам ислама полагает: «чтобы владеть всеми возможными способами реализации шариата в российской правовой жизни, в том числе и в области действия диспозитивных норм, требуются знание права и умение использовать предписания законодательства. Для этого в правовом отношении значительно продуктивнее работать над повышением уровня правовой культуры мусульман и их организаций, нежели добиваться законодательного признания норм шариата. Без грамотного в юридическом отношении обращения с позитивным правом закрепление в законе в прямой или косвенной форме указанных норм останется пустой буквой» [3, с. 25]. Эта концепция

применима для всей религиозной догматике – без грамотного взаимоотношения с позитивным правом, канонические нормы останутся пустой буквой.

В целом по результатам данного исследования можно сделать ряд ключевых выводов:

– в штатно-должностной список необходимо введение аттестованной должности помощника по религии. Данный сотрудник должен обладать умением сильнейшего идеологического убеждения и феноменально подготовки, что бы противостоять проповедникам радикального ислама. Более того в нем должно сочетаться «знание вероучения, светских дисциплин и российский патриотизм» [1, с. 387].

– необходимо посредством проведения ОРМ выявлять лиц проповедующих радикальный ислам и изолировать их от основной среды осужденных, причем сотрудники должны обладать необходимым уровнем профессиональной подготовки для выявления именно радикального ислама.

– особую остроту приобретает в этом свете наличие иерархии установившейся в преступной среде, однако вопрос о ее роли в данном аспекте это тема отдельного исследования.

-
1. Дзалиев М. И., Иззатдуст Э. С., Киреев М. П. Современный терроризм: социально-политический облик противника / под общ. ред. В. В. Гордиенко. М.: Академия. 2007 672 с.
 2. Жезлов Н. В., Заиц В. Г., Юнусов Э. А. Институт пенитенциарных священнослужителей. История и современность. LAP LAMBERT Academic Publishing. 2016. С. 53. С. 3.
 3. Сюкияйнен Л. Р. Совместим ли шариат с современным российским правом? // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 3. С. 4–30.
 4. Шарль Р. Мусульманское право / перевод с французского С. И. Волка; под ред. и с предисл. Е. А. Беляева. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 141 с.
 5. Юсупова Г. И., Алиева Д. А. Политизация ислама в Дагестане // Исламоведение. 2011. № 4. С. 9–13.
 6. Якоб Шейх (Jakob Sheikh). Пролетаризация джихада стала проблемой [Электронный ресурс]. URL: <http://inosmi.ru/social/20161014/238019299.html> (дата обращения: 16 октября 2016 г.).
 7. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/52405> (дата обращения: 22 июля 2016 г.).
 8. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/articles/19205> (дата обращения: 19 июля 2016 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Абдуразаков Ахмед Абдурахманович,
адъюнкт кафедры теории государства и права,
международного и европейского права,
Академия ФСИН России

Беляева О. В.

ЦЕННОСТНЫЙ ПОДХОД К ПРАВУ

В статье рассматривается ценностный подход к праву, основанный на предположении, что правовые явления помимо собственно юридических значений обладают также смыслами внеюридического характера.

Ключевые слова: ценность, культура, правопонимание, правосознание.

На протяжении довольно длительного периода юридическая наука просто констатировала юридические явления и занималась их анализом и обобщением. Но, вместе с тем, поиск онтологических оснований права требует отказаться от устоявшихся традиционных идей и стремится постичь право, как особое явление конкретной культуры.

В течение последних лет годы в отечественной юриспруденции создается новая теория правового менталитета, которая рассматривает право в качестве регулятивной формы культуры, ценностно значимого «продукта» саморазвития цивилизации, нации, этноса, закономерное явление эволюции их бытия. В этой связи можно согласиться с точкой зрения В. Н. Синюкова, который говорит о том, что правовое сознание в России нуждается в категории, которая отображала бы «сложную морфологию общественного и индивидуального сознания, обозначающую все – как позитивные, знаковые, так и непозитивные, образные, символические и иные – феномены правовой культуры. Такой категорией выступает понятие правового менталитета» [1]. Как отмечает И. А. Иванникова, структура правового менталитета складывается из таких категорий, как правосознание, юридически значимая деятельность, действующее и разрабатываемое законодательство [2]. При этом, правовой менталитет оказывает влияние на поведение индивидов, национальные и иные социальные группы, классы и все население страны в целом. В этой связи изучение различных типов правопонимания, форм осознания правовой действительности является необходимым этапом на сегодняшний день значимого процесса культурной идентификации национального права.

Необходимо отметить, что в основе права лежат различные ценности, которые информируют различные типы правопонимания в условиях существования различных правовых культур. Таким образом, используя ценностный подход к праву, можно выйти за строгие рамки самого права, а также оценить его с помощью неправовых критериев, ценностей самого общества.

Ценность представляет собой то особое значение, которое придает сам человек чему-либо. Само по себе ценностью не обладает ничто. Лишь только то, что человек выделяет из общей массы благодаря способности удовлетворять те или иные его потребности, превращается для него в ценность. В этой связи представляется возможным утверждать, что ценностью будет то, что позволяет людям удовлетворять их желания, потребности, интересы и заставлять прилагать усилия по их достижению, созиданию, сохранению и преумножению. Все существующее в мироздании может превратиться для человека в ценность или, напротив, утратить ее. Нормативная сторона культуры является производной от той системы ценностей, которая принята в данной культуре. К числу важнейших видов нормативных регуляторов, обеспечивающих цивилизованную человеческую деятельность и общение, относятся мораль и право. Оба этих феномена имеют общее поле действия и в то же время не сливаются и не совпадают.

Все существующие в обществе ценности для человека образуют определенную иерархию. Существуют абсолютные ценности естественно-правового характера, которые становятся критериями нормотворческой деятельности для законодателей во всех странах и во все исторические периоды, и изменяющиеся ценности. Первый вид ценностей (ценности существования) не является сугубо правовым и имеет экзистенциальный характер. Это ценности-цели, ради которых право, собственно, и существует. Второй вид ценностей (ценности долженствования) – это ценности-средства. Их назначение состоит в том, чтобы оберегать ценности-цели от разрушения. По своей природе ценности являются идеальными объектами, а потому их познание отличается от познания теоретических истин. «Познание ценностей, – писал Н. Н. Алексеев, – не есть акт безразличного приспособления к безразличному предмету. Это есть акт участия в существовании самой ценности, пребывания ценности в самой жизни и жизни в ценности» [3].

Каждый тип цивилизации имеет свои определенные приоритеты духовности, которые определяют все конкретное содержание жизни, в том числе и сфере права. В качестве примера можно привести традиционность, ритуализированность и моральность китайской культуры, которая нашла свое воплощение в таких юридических понятиях, как «ли», «дэ» и «бао», космолизм, мистицизм и синтетизм культуры Индии – в понятиях «рита», «дхарма» и «данда». А, например, такие ценности культуры арабского Востока, как глубокий мистицизм верования, изначальный иррационализм и

вместе с тем повышенная регламентированность, формальность, ригоризм привели к формированию таких системообразующих идей мусульманского права, как «кияс», «иджтихад» и «теклид». Поскольку для политизированного, атомизированного и динамичного западного общества юридическое право и право как форма стихийной жизни общества в целом совпадают, то в качестве важнейших выражений доминант ментальности выступают идеи свободы, гражданского общества, закона и естественных прав человека. Взятые в своем единстве эти идеи освещают первичность прав человека и вторичность его обязанностей и ответственности. Что касается российской духовности, то ее своеобразие состоит в сочетании религиозности и моральности, т. е. в ориентации на абсолютные, идеальные ценности. Поэтому российское правопонимание никогда не ориентировалось на права и свободы личности, делая акцент на единстве прав и обязанностей, на нравственно-религиозных началах права.

Представляется возможным утверждать, что западный тип правопонимания, который получил свое воплощение в концепции юридического мировоззрения, представляет собой выражение европоцентристской установки в юридической сфере, абсолютизации одной из сторон социальной эволюции западного общества в конкретный исторический период. Представления о праве как первооснове общества, закреплявшиеся в различного рода декларациях и других правовых и идеологических документах, были напрямую связаны с условиями исторического развития стран Западной Европы и Северной Америки. Становление товарно-денежных отношений потребовало ограничения вмешательства государства в хозяйственную жизнь, с одной стороны, и усиления правовой регламентации – с другой. Именно право выступало в качестве основы и гаранта собственности и предпринимательства. Государство выступало лишь в качестве охранителя прав, что стало основой учения о правовом государстве.

Этот вопрос не имел бы такой важности, если бы западные правовые ценности систематически не навязывались другим, якобы «отсталым» культурам в качестве единственно верного образца. Безусловно, необходимо учитывать то обстоятельство, что западноевропейская цивилизация, вырвавшись по отношению к другим цивилизациям вперед за счет научно-технического развития, стала основным двигателем и общемирового развития. Однако, как представляется утверждение о том, что она «более права» по отношению к другим культурам лишь на том основании, что она обладает большей силой, в историко-культурном отношении является неверным. Утверждение западной культуры как единой и универсальной, позиционирование западного права как единственно истинного – означает отрицание своеобразия и ценности иных культур. Правовые культуры, по крайней мере на уровне правосознания, как и в более отдаленные исторические эпохи, остаются в своей основе самодостаточными, относительно замкнутыми и лишь отчасти сопоставимыми.

Наличие и утверждение общей универсальной правовой культуры является неправильным, поскольку невозможно представить себе существование «человека вообще» – вне рамок какого-либо общества или социальной группы. Ценности права взаимосвязаны с определенным историческим развитием, существующей в данном обществе правовой культурой, и, соответственно с юридическим мышлением и ценностным порядком. Между социальными учреждениями и внутренней жизнью людей существует глубокая органическая связь, а социальные нормы реально действуют только при условии их понимания, глубокого внутреннего принятия и усвоения. Говоря языком современной герменевтики, правовая культура в сжатой, концентрированной форме является контекстом интерпретации любых правовых конструкций – от идеологических до нормативных. Без знания особенностей культуры и правового менталитета народа невозможно составить полноценное представление об их структурно-функциональной целостности. С точки зрения Т. А. Рубанцова, ценности являются только выражением общих установок своего времени, а соответственно у каждого времени есть свои абсолюты, а значит, ценность можно понимать как установку той или иной исторической эпохи, как свойственное ей направление интереса» [4].

Исходя из вышеизложенного, правовая культура выступает комплексом регулятивов и ценностей, на которых строится реальный правопорядок в данном обществе, оказывается «скрепленной» с более общей системой ценностей данного типа цивилизации. В этой связи для разных культурных регионов мира представляется возможным утверждать о существовании свойственных исключительно им присущих специфических особенностях культуры законодательства, правовой культуры власти и правовой культуры населения. Сама по себе правовая культура является совокупностью накопленных человечеством юридических ценностей. Именно правовая культура хранит, генерирует и ретранслирует ценности на все сферы общественных отношений.

-
1. Синюков В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. С. 180.
 2. Иванников И. А. Общая теория государственной власти. Волгодонск, 2007. С. 20.
 3. Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 109.
 4. Рубанцова Т. А. Нравственные основы теории государства и права (Международная научная конференция) // Государство и право. М., 2005. № 9. С. 34.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Ольга Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова

Богданов С. В.

«ЭПИДЕМИЯ УБИЙСТВ» (РЕАЛЬНОСТЬ, С КОТОРОЙ СТОЛКНУЛАСЬ ПОЛИЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ)

В статье рассматривается динамика, основные тенденции и территориальные особенности смертности от убийств в губерниях Европейской части России за период 1870–1893 гг. В качестве эмпирической базы исследования выступают издания Центрального Статистического Комитета МВД – Временники «Умершие насильственно и внезапно в Российской Империи». Анализируется распределение погибших от умышленных убийств по полу, месту жительства (городская и сельская местность). Содержатся сведения о погибших в результате убийств по наиболее крупным городам страны. Осуществляется группировка губерний Российской Империи по уровню погибших от умышленных убийств в среднегодовом исчислении. Сопоставляются темпы роста численности городского и сельского населения губерний Европейской части страны с темпами роста умышленных убийств по сопоставимой территории в условиях масштабных и глубоких социальных изменений, последовавших после отмены крепостного права.

Ключевые слова: насильственная смертность, смертность от убийств, городское население, сельское население, Российская Империя.

Проблематика насильственной смертности в современной России продолжает сохранять свою актуальность. Сохранение достаточно высокого уровня убийств свидетельствует о наличии в обществе серьезных социальных проблем и напряжений внутрисистемного характера. Это также формирует негативный образ государства в мировом сообществе. Согласно последнему докладу экспертов ООН, посвященному анализу распространенности убийств в мире, Российская Федерация по данному показателю отнесена к странам с очень высоким уровнем смертности населения от этой причины [11, р. 95, 111].

Существует еще одно обстоятельство, которое стимулирует необходимость всестороннего изучения виктимологических аспектов насильственной смертности. Не смотря на вполне очевидные успехи отечественных сравнительно-криминологических, историко-правовых исследований последних десятилетий, тем не менее, ряд проблем продолжает оставаться слабо изученным. Одной из таковых является смертность населения Российской Империи от убийств.

Анализ степени научной разработанности данной проблемы свидетельствует о том, что былой интерес дореволюционных авторов (Е. Анучина, Д. Дриля, С. Н. Трегубова, Е. Н. Тарновского, П. Н. Тарновской) [1], сменился фактическим молчанием на протяжении всего советского периода (исключение составила лишь работа С. С. Остроумова) [4] и незначительным оживлением с начала 1990-х гг. преимущественно в рамках небольшого числа диссертационных исследований преимущественно историко-правового характера [7].

Определенный интерес в контексте рассматриваемой темы представляют статьи профессора Стокгольмского университета Эндрю Стиклера (Andrew Stickley) [10, p. 647–670; 80–99].

Как видим, проблематика смертности от убийств в Российской Империи во второй половине XIX столетия по-прежнему остается изученной весьма фрагментарно и довольно поверхностно.

Целью настоящего исследования является рассмотрение динамики, территориальных особенностей умышленных убийств (непредумышленные убийства учитывались отдельно), основных характеристик погибших от данного преступления на материалах официальной статистики МВД Российской Империи.

Хронологические рамки исследования – 1870–1893 гг. – выбраны не случайно и обусловлены двумя обстоятельствами.

Первое – пореформенные десятилетия характеризуются масштабными изменениями в правовой, социально-экономической, политической, духовно-нравственной сферах жизнедеятельности российского общества. Последствия данных трансформаций оказались очень противоречивыми, в том числе и в плане развития различных видов преступности.

Второе – относительная полнота статистических сведений о насильственной смертности населения губерний Европейской части страны в пореформенные десятилетия.

Итак, в 1882 г. в России впервые были опубликованы относительно полные сведения о насильственных и внезапных смертях по 49 губерниям Европейской части страны за 1870–1874 гг. [9]

Спустя 12 лет, в 1894 г. читающая общественность получила возможность ознакомиться с очередным Временником Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 35 «Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг.» [2].

В отличие от своего предшественника, в данном издании содержались сведения о насильственных и внезапных смертях по 59 губерниям Европейской России вместе с Царством Польским. Увеличение произошло за счет включения сведений по десяти Привислянским губерниям.

В 1897 г. вышло из печати еще одно издание Центрального Статистического Комитета МВД – Временник «Умершие насильственно и внезапно в Российской Империи в 1888–1893 гг.» [3].

В сравнении с двумя предшествующими статистическим сборниками, посвященных насильственным и внезапным смертям, это издание содержало сведения за 1885–1893 гг. по всем губерниям и областям Российской Империи за исключением областей Войска Донского, Карской, Терской и Закаспийской, округов Закавказского и Черноморского.

Данный «Временник» имел еще одну особенность – в нем впервые были обобщены статистические данные о насильственных и внезапных смертях по десяти главнейшим городам Европейской России за период с 1870 по 1893 гг.

Таким образом, благодаря официальным статистическим публикациям, а также различным научным исследованиям в русле рассматриваемой темы преимущественно второй половины XIX–начала XX столетия мы имеем возможность составить собственную картину развития ситуации со смертностью от убийств в Европейской части страны в пореформенный период.

В то же время различное число губерний, сведения по которым на протяжении второй половины XIX столетия обобщались в МВД, создает определенные сложности. Для получения сопоставимых статистических показателей по количеству погибших от убийств автором был проведен анализ по 49 губерниям Европейской части России, т.е. по тем территориям, сведения по которым имеются во всех трех статистических сборниках.

В категории «Умершие насильственной смертью» учитывались три группы погибших: в результате убийств; детоубийств (выделялись отдельно в общем числе погибших от убийств); самоубийств.

Обобщенная в первом сборнике МВД статистика насильственных и внезапных смертей за 1870–1874 гг. дает нам следующее. В это пятилетие пореформенного развития всего от убийств в 49 губерниях Европейской части Российской Империи погибло 11 665 человек.

За период с 1875 по 1887 гг. количество погибших от убийств в 49 губерниях Европейской части страны составило 39 592 человека. Подсчеты показывают, что в среднегодовом исчислении количество погибших выглядит следующим образом: в губерниях – 3,045 человек, в городах – 408,3 человек, в селениях – 2 635 человек.

В следующие пять лет (1888–1893 гг.) в Европейской части страны было зарегистрировано 19 989 жертв умышленных убийств.

Всего за 23 года пореформенного развития в 49 губерниях Европейской части страны погибло от убийств 71 240 человек.

Динамика погибших от убийств по 49 губерниям Европейской части России представлена в следующей таблице.

Табл. 1.

**Динамика количества погибших от убийств в 49 губерниях
Европейской части Российской Империи в 1870-1893 гг.**

Годы	Количество погибших от убийств, чел.	Прирост/Снижение к предыдущему году, %	Прирост/Снижение к 1870 г., %	Годы	Количество погибших от убийств, чел.	Прирост/Снижение к предыдущему году, %	Прирост/Снижение к 1870 г., %
1870	2027	-	-	1882	3095	+2,85	+52,68
1871	2290	+12,97	+12,97	1883	3380	+9,21	+66,74
1872	2399	+4,75	+18,35	1884	3445	+1,92	+69,95
1873	2416	+0,70	+19,10	1885	3256	-5,48	+60,63
1874	2533	+4,80	+24,90	1886	3262	+0,36	+61,22
1875	2424	-4,30	+19,58	1887	3381	+3,45	+66,79
1876	2600	+7,26	+28,26	1888	3306	-2,21	+63,09
1877	2630	+1,15	+29,70	1889	3474	+5,08	+71,30
1878	2915	+10,83	+43,80	1890	3320	+4,43	+63,78
1879	3057	+4,87	+50,81	1891	3502	+5,48	+72,76
1880	3132	+1,02	+54,50	1892	3185	-3,05	+57,12
1881	3009	-3,92	+48,44	1893	3202	+0,53	+57,96

Как видно, количество погибших от убийств в городах и селениях Европейской части страны год от года постоянно увеличивалось. Прирост погибших от данного вида смертности в 1893 г. в сравнении с 1870 г. составил 1175 человек или 57,9 %. Данный показатель опережал рост численности населения по сопоставимой территории в 1,2 раза, т. к., согласно подсчетам А. Г. Рашина, численность населения 50 губерний Европейской части России за период с 1863 по 1897 гг. увеличилась на 47,9 % [5, с. 44–45].

За пять лет (1870–1874 гг.) из общего количества погибших от преступного умысла мужчин оказалось 8 721 человек и женщин – 2 944 человека.

По такому показателю, как число погибших от убийств на 100 умерших обоего пола насильственными и внезапными смертями в 49 губерниях Европейской России в этот период, выявилась значительная дифференциация между группами губерний. Наибольшие значения этого показателя среди женщин были зафиксированы в Северо-Восточных, Новороссийских и Прибалтийских губерниях. Наибольшие значения этого показателя среди мужчин были отмечены в Южно-Уральских, Северо-Восточных и Новороссийских губерниях.

В 1875–1887 гг. в Европейской части страны доля погибших от убийств в общем количестве умерших насильственно и внезапно среди мужчин составила 7,1 %, среди женщин – 8,1 %. Таким образом, на 100 умерших каждого пола в результате насильственных и внезапных смертей от убийств погибло мужчин – 12,6 человек, женщин – 13,1. Число женщин в расчете на 100 мужчин, умиравших от убийств в среднем по стране, составило 34,5 человека.

В 1888–1893 гг. динамика смертности от убийств среди мужчин и женщин продолжала развиваться в рамках тех же трендов, что и предшествующие годы. Если воспользоваться отношением численности мужского населения к численности женского в городах и сельской местности, то смертность женского населения к смертности мужского населения от убийств, принятой за 100, в Европейских губерниях России, составила 38,8. Это оказалось несколько выше, чем в целом по Империи – 31,4.

Итак, число погибших от убийств женщин по отношению к общему итогу умерших неестественной смертью женщин на протяжении всего рассматриваемого периода оказалось больше, нежели аналогичное соотношение у мужчин.

Анализ статистических показателей позволяет распределить все территории, на которых велся учет смертности от убийств, по следующим группам: I группа – регионы с наименьшим числом убийств (20 человек погибших в среднегодовом исчислении); II группа – регионы с небольшим числом убийств (от 20 до 40 человек погибших в среднегодовом исчислении); III группа – регионы со средним числом убийств (от 41 до 60 человек погибших в среднегодовом исчислении); IV группа – регионы с большим количеством убийств (от 61 до 99 человек погибших в среднегодовом исчислении); V группа – регионы с наибольшим количеством убийств (свыше 100 погибших в среднегодовом исчислении).

В следующей таблице представлены результаты группировки губерний Европейской части страны по количеству погибших от убийств в среднегодовом исчислении в 1870–1893 гг.

В 1870–1874 гг. среди губерний Европейской части Российской Империи с наибольшим числом погибших от убийств в среднегодовом исчислении (пятая группа) оказалось две – Пермская и Вятская. К четвертой группе были отнесены 13 губерний. В третьей группе – 14. Во второй – 13.

В первой – 7 губерний. Наименьшие показатели смертности от убийств по стране в этот период были зафиксированы в Прибалтийских губерниях.

В последующее 13-летие произошло увеличение числа губерний, в которых были зарегистрированы наибольшие показатели убийств – более 100 погибших в среднегодовом исчислении – с двух до семи. В четвертой группе оказалось 12 губерний. В третьей группе – 16 губерний. Во второй – 9. Количество губерний с наименьшим числом погибших от убийств несколько сократилось: с семи до пяти.

В 1888–1893 гг. в Европейской части страны оказалось 6 губерний (снижение на одну губернию в сравнении с 1875-1887 гг.), в которых было зафиксировано наибольшее количество убитых «по злому умыслу». В четвертой группе – 19 (увеличение на семь губерний в сравнении с 1875–1887 гг.). В третьей группе – 14 (снижение на одну губернию в сравнении с 1875–1887 гг.). Во второй группе – 7 (снижение на две губернии в сравнении с 1875–1887 гг.). В первой группе – 3 (сокращение на две губернии в сравнении с 1875-1887 гг.).

Как видим, в каждой из групп оказались губернии Европейской России достаточно географически удаленные друг от друга, с различным уровнем экономического развития, плотностью населения, этнического и религиозного состава проживавших. В этой связи выявление особенностей детерминации убийств в различных губерниях страны является задачей будущих специальных исследований.

Остановимся подробнее на особенностях смертности от убийств населения в наиболее крупных городах Европейской части Империи.

Смертность от убийств в наиболее крупных городах Европейской части России имела тенденцию к постоянному увеличению. Это было закономерным следствием усиливавшихся процессов оттока населения из сельской местности в города, который получил мощный импульс после Манифеста от 19 февраля 1861 г.

После отмены крепостного права численность городского населения начала стремительно увеличиваться. Если в 1867 г. в 50 губерниях Европейской части страны насчитывалось 65 43,4 тыс. человек, в 1885 г. – 9964,8 тыс. человек, то первая всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала уже 120 64,8 тыс. человек [8].

С другой стороны, в самих городах усилились процессы имущественной и социальной дифференциации. Духовно-нравственную атмосферу городов пронизал дух стяжательства с неизбежным его спутником – девальвацией духовных ценностей и собственно человеческой жизни. Данные обстоятельства способствовали росту различных видов и форм преступности, в т. ч. и убийств.

Анализ смертности городских и сельских жителей Европейской России в первой половине 1870-х гг. обнаружил следующее.

Количество погибших от убийств в сельской местности оказалось значительно больше, чем в городах. Для сравнения: общее число погибших от данного вида насильственной смерти составило 1 613 человек, в то время как в селениях – 10 052 человека. Таким образом, количество погибших от убийств селян более чем в 6 раз оказалось больше, чем горожан. Безусловно, это отражало географическую и социальную стратификацию российского общества второй половины XIX столетия.

В подавляющем большинстве губерний этой части страны от преступного умысла погибали преимущественно жители сельской местности. Только в губерниях Северо-Восточных, Юго-Западных и Архангельской смертность от убийств в расчете на 100 умерших обоего пола насильственно и внезапно оказалась выше у горожан, нежели у селян. Особенностью Белорусских губерний явилось то, что там смертность от убийств горожан и селян оказалась практически одинаковой.

За 1875–1887 гг. в городах от убийств погибло 5 305 человек, в т. ч. мужчин – 3 678 (69,3 %) и женщин – 1 627 (30,7 %) человек. Такой показатель, как количество погибших от убийств в расчете на 100 умерших насильственно внезапно оказался выше у женщин. Значение этого показателя в губерниях среди женщин составило 8,1 человек, среди мужчин – 7,2 человека; в городах – 9,1 и 5,9 человек; в селениях – 8,0 и 7,4 человек соответственно.

Таким образом, на 100 умерших каждого пола от убийств в городах погибало мужчин – 6,1 человек, женщин – 9,2 человека; в селениях: мужчин – 7,5 человек и женщин – 8,2 человека. Число женщин в расчете на 100 мужчин, погибавших от убийств в этот период, в городах составило 44,6 человек, в сельской местности – 33,1 человека.

В последние шесть лет рассматриваемого хронологического периода смертность от убийств в городах продолжала оставаться ниже, чем в сельской местности. Так, в Европейской части страны смертность от убийств в городах составила 98,6 % относительно таковой в уездах.

В следующей диаграмме содержатся сведения о количестве погибших от убийств в крупнейших городах Российской Империи за период 1870–1893 гг. (рисунок 1).

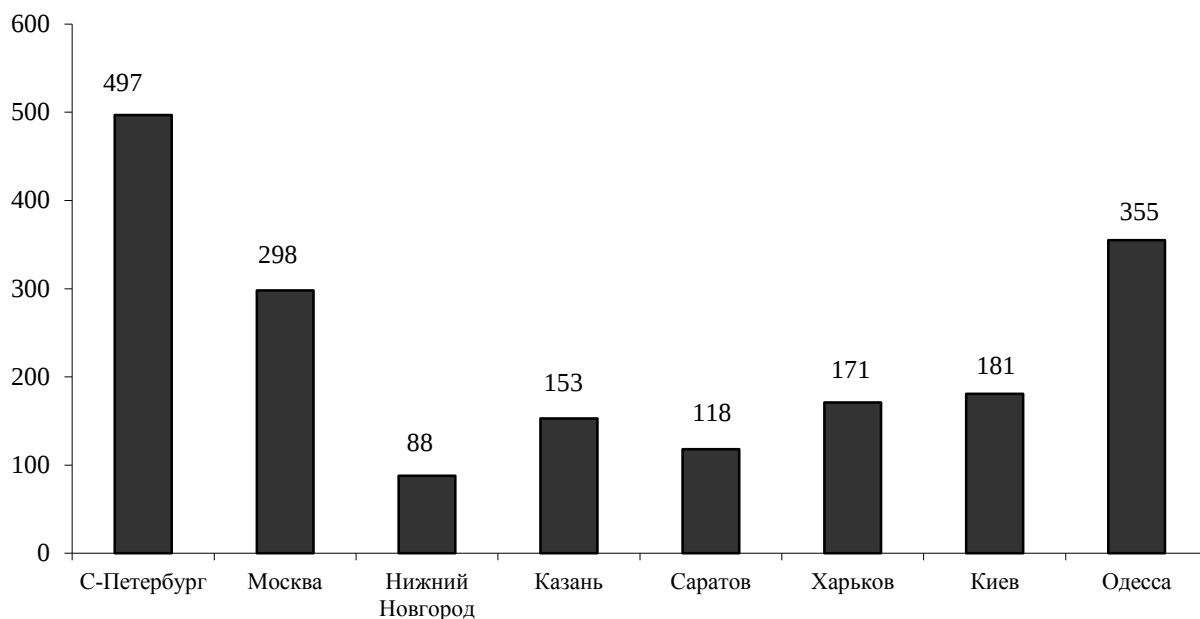

Рис. 1. Количество погибших от убийств в крупнейших городах Европейской части Российской Империи в 1870–1893 гг., чел.

Как видно, наибольшее количество убийств за данные 24 года пореформенного развития страны было зарегистрировано в столице Российской Империи – Санкт-Петербурге, затем следует Одесса, Москва замыкает тройку лидеров по данному показателю.

В отношении насильственной смертности в Москве в период с 1872 по 1889 гг., городская статистика отмечала, что она крайне незначительна во всех группах населения. Опасность насильственной смерти оказалась почти одинаковой для населения всех возрастов, начиная с 30-летнего. В этой возрастной группе она колебалась от 5,11 до 5,63 смертей на 10 тыс. жителей. Практически такой же уровень смертности был отмечен в возрасте от 1 до 5 лет. Из остальных возрастных групп, наименьший показатель смертности от данного вида причин приходился на группу 5–10 лет, где он составил 1,97 смертей на 10 тыс. населения. Значение насильственной смертности в ряду других причин смертности оказалось наибольшим для возрастов 10–20 лет, где на ее долю пришлось 4,8 % всего числа смертей во втором по значению городе Российской Империи [6, с. 68].

Рост смертности от убийств в Одессе был связан с высокой долей детоубийств в общем количестве зарегистрированных убийств. Так, общее число погибших от преступного умысла младенцев в 1870–1893 гг. в Одессе составило 138 человек, в то время как в Москве 56 человек. При этом по Одессе были учтены показатели за 23 года – сведения о численности умерших насильственно и внезапно за 1878 и 1881 гг. в МВД не поступили. В Москве, напротив, были учтены все факты детоубийств, имевшие место в городе за эти два с половиной десятилетия.

Полицейская статистика констатировала, что в период с 1870 по 1993 гг. в крупнейших городах Европейской России число погибших от убийств в расчете на 100 умерших насильственно и внезапно постоянно увеличивался. Если в 1870–1874 гг. оно составило 5,1, то в 1890–1893 гг. – 6,6. На протяжении всего рассматриваемого хронологического периода наибольшие показатели дифференциации погибших от убийств женщин и мужчин в расчете на 100 умерших насильственно и внезапно были зафиксированы в Саратове и Одессе. Отличительными особенностями этих двух городов являлись полиэтнический характер населения, а также довольно интенсивные миграционные потоки.

В целом, во всех крупных городах Европейской части страны коэффициент смертности от убийств среди женщин в расчете на 100 человек, умерших от насильственных и внезапных причин, оказался выше, чем среди мужчин.

Обобщая сказанное выше, автор считает необходимым акцентировать внимание на следующем.

Статистические сведения о насильственных и внезапных смертях в России начали систематически собираться и обобщаться с начала 1870-х гг. Это во многом стало возможным из-за повышенного внимания правящей монархии и руководства МВД и к смертности населения именно от данного класса причин. Вплоть до свержения самодержавия в стране данные о смертности населения широко публиковались и были доступны широкой общественности.

Естественно, в рамках одной статьи вряд ли возможно выявить весь причинно-следственный комплекс смертности населения Российской Империи от убийств. Это во многом обусловлено неполнотой статистических сведений (отсутствуют сведения о возрасте погибших, их социальном статусе, профессиональных занятиях, образовательном уровне, вероисповедании и пр.), обширностью и разнообразием территории, отдельными проблемами методологического характера и т. д. Это в свою очередь стимулирует дальнейшие научные изыскания на данном направлении.

Анализ динамики смертности населения по 49 губерниям Европейской части Российской Империи свидетельствует о постоянном увеличении на протяжении всего пореформенного периода численности погибших от данного вида преступлений. При этом необходимо принимать во внимание одно обстоятельство. Цифры официальной статистики не всегда совпадают с земской санитарной статистикой умерших от насильственной смерти, как правило, в сторону занижения данного показателя в полицейских отчетах. Проблемам недоучета погибших от убийств в России во второй половине XIX–начале XX вв. посвящено отдельное исследование автора.

Насильственная смертность в губерниях Европейской части страны в этот период имела свои гендерные особенности. На протяжении

1870–1893 гг. число случаев насильственной смерти среди женщин оказалось больше, чем среди мужчин, по отношению к общим итогам случаев неестественной смерти среди того и другого пола. В этот период выявилась значительная дифференциация губерний Европейской части страны по такому показателю, как отношение числа женщин к числу мужчин, погибших от убийств.

Экономическая, социальная и духовно-психологическая атмосфера жизнедеятельности крупных российских городов способствовала воспроизводству значительного числа рисков для граждан, в них проживавших. Несмотря на то, что абсолютные показатели смертности в городах от убийств на протяжении 1870–1893 гг. были ниже, чем в сельской местности, тем не менее, в самой структуре насильственной смертности усиливались тревожные тенденции: увеличение числа самоубийств и детоубийств, устойчивые темпы роста этих явлений.

Динамика как насильственной смертности в целом, так и ее составляющих свидетельствовала о наличии в российском обществе социально-деструктивных факторов, способствовавших устойчивому воспроизводству различных видов преступлений, в т. ч. и наиболее опасных – против жизни и здоровья граждан.

1. Анучин Е. Материалы уголовной статистики России. Тобольск, 1866; Дриль Д. Убийства и убийцы // Журнал юридического общества при Императорском С.-Петербургском университете. 1895. Апрель. Кн. 4. С. 1–51; Трегубов С. Н. Покушение на убийство с негодными средствами // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 2. С. 1–25; Тарновский Е. Н. Данные русской уголовной статистики // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. 1885. № 1. Январь. С. 83–93; Его же. Изменения преступности в различных общественных группах // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. 1889. № 5. С. 47–71; Его же. Статистика преступности лиц дворянского сословия // Вестник Права. Журнал Юридического Общества при Императорском С.-Петербургском Университете. 1900. № 9. С. 14–41; Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894 гг.) / сост.: Е. Н. Тарновский. С.-Пб., 1899; Тарновская П. Н. Женщины-убийцы. Со 163 рисунками и 8 антропометрическими таблицами. С.-Пб.: Издание Т-ва Художественной Печати, 1902 (Антропологич. исследование).

2. Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 35. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1875–1887 гг. / ЦСК МВД. С.-Пб., 1894. 67 с.

3. Временник Центрального Статистического Комитета Министерства внутренних дел № 41. Умершие насильственно и внезапно в Европейской России в 1888–1893 гг. / ЦСК МВД. С.-Пб., 1897. 95 с.

4. Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М.: Изд-во МГУ, 1960.
5. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1813–1913). Статистические очерки / под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Государственное статистическое издательство, 1956. С. 44–45.
6. Смертность населения города Москвы. 1872–1889 г. М.: Городская типография, 1891. С. 68.
7. Смирнов М. А. Отечественная преступность и общественно-политическая ситуация в России во второй половине XIX–начале XX века (1861–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2006; Косарецкая Е. Н. Женская преступность в Орловской губернии во второй половине XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2007; Политов В. Е. Криминогенная ситуация в Тамбовской губернии на рубеже XIX–XX веков: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2007; Тетюхин И. М. Становление и развитие мировой юстиции в Тамбовской губернии (вторая половина XIX–начало XX вв.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009; Шепелева М. П. Состояние уголовной преступности в российской провинции за 1861–1917 гг. на примере Курской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012.
8. Статистический временник Российской империи. Серия 2. Вып. 1. С-Пб., 1871; Сборник сведений по России за 1884–1885 гг. С-Пб., 1887; Окончательно установленное при разработке переписи наличное население городов. С-ПБ.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1905.
9. Статистический временник Российской Империи. Серия II. Выпуск 19 / ЦСК МВД. С-Пб., 1882. 305 с.
10. Stickley A., Makinen I.H. Homicide in the Russian Empire and Soviet Union: Continuity or change? // *British Journal of Criminology*. 2005. № 45 (5). P. 647–670; Stickley A., Pridemore W.A. The social-structural correlates of homicide in late-tsarist Russia // *British Journal of Criminology*. 2007. № 47 (1). P. 80–99.
11. 2011. Global study on homicide: trends, contexts, data / United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Vienna, 2011. P. 95, 111.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Богданов С. В.,
доктор исторических наук,
г. Белгород

Гребенкин А. Н.

ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ ОФИЦЕРСКОГО ЗВАНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ В 1701–1874 ГГ.: ЮРИДИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

В статье прослежена эволюция права на производство в офицеры в русской армии в 1701–1874 гг. Автор приходит к выводу, что в середине XVIII в. принцип меритократии был вытеснен сословным подходом, в соответствии с которым преимущественным правом на производство обладали дворяне. В течение XIX в. право на производство в офицеры было постепенно демократизировано, и в 1874 г. на смену сословному цензу пришел образовательный ценз.

Ключевые слова: право на получение военного образования, русская армия, кадетский корпус, военное училище, юнкерское училище.

Русский офицерский корпус начал формироваться на рубеже XVII–XVIII вв. Несмотря на то, что Петр I активно внедрял в государственное строительство принцип меритократии, он стремился сделать русское дворянство главным источником пополнения армии офицерами. Прежде чем получить офицерский чин, дворянин был обязан пройти службу в одном из гвардейских полков в качестве нижнего чина.

Первые отечественные военно-учебные заведения – петровские школы – поначалу были всесословными и готовили не столько офицеров, сколько военных специалистов. Однако после того, как дворянство, поначалу активно сопротивлявшееся учебной повинности, осознало необходимость получения образования, военно-учебные заведения стали постепенно принимать дворянский характер. Так, в 1705–1715 гг. удельный вес дворян в Школе математических и навигацких наук вырос с 15 до 25,9 %, а две трети учеников открытой в Москве в 1709 г. инженерной школы должны были набираться из дворян [22, с. 44, 51]. Академия морской гвардии, созданная в 1715 г., была уже чисто дворянским учебным заведением.

Учрежденный в 1731 г. кадетский корпус стал своеобразным подарком императрицы Анны Иоанновны дворянам, поддержавшим ее в момент вступления на престол. Доступ в корпус был открыт лишь представителям благородного сословия, которые таким образом избавлялись от необходимости начинать службу в рядовом звании. Выпускники в зависимости от успехов получали чины прапорщиков и подпоручиков, а лучшие – поручиков и штабс-капитанов. Неспособные и ленивые выпускались унтер-офицерами и даже «кадетами» (чин кадета в XVIII в. был промежуточным между унтер-офицерскими и офицерскими). В то же время дворяне, не получившие к 16 годам никакого образования, записывались в матросы без предоставления права получения офицерского чина [2, с. 63].

Человек, не принадлежавший к числу дворян, мог приобрести право на производство в офицеры долгой и честной службой в любом армейском полку либо подвигом, совершенным на поле боя. Получив чин прапорщика, он, в соответствии с «Табелью о рангах», становился потомственным дворянином. После создания военно-учебных заведений, доступ в которые был открыт исключительно дворянам, право на производство в офицеры сохранялось за представителями всех сословий, имевшими подготовку, необходимую для того, чтобы сдать экзамен на знание службы. Кроме того, в офицеры производились наиболее инициативные нижние чины, отличившиеся в боях.

Изданный в 1762 г. манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» создал почву для демократизации русского офицерского корпуса, неприемлемой с точки зрения сохранения старого дворянства в качестве основы армии и оплота самодержавной власти. Выход был найден в предоставлении дворянам новых привилегий. Чтобы обеспечить благородному сословию преимущество при производстве в офицеры и тем самым привлечь его на военную службу, правительство установило минимально допустимые сроки выслуги в унтер-офицерском звании: для дворян – 3 года, для недворян – 12 лет: «...унтер-офицеров не из дворян в офицеры не прежде аттестовать, как по двенадцати лет их службы, хотя б они и пороков не имели» [9, с. 2]. При этом условия службы дворян в качестве нижних чинов были достаточно комфортными: им сразу присваивалось звание унтер-офицера, а затем быстро следовало производство в подпрапорщики (юнкера) и портупей-прапорщики (портупей-юнкера). В то же время нижние чины недворянского происхождения служили рядовыми 4 года и лишь затем производились в унтер-офицеры, причем поступившие на службу добровольно должны были служить унтер-офицерами до производства в офицеры в течение 4 лет. Во второй половине XVIII в. льготы были предоставлены обер-офицерским детям (срок выслуги в звании унтер-офицера – 4 года) и детям духовенства и солдат (срок выслуги – 8 лет).

Павел I в 1798 г. запретил производство недворян в офицеры, однако это правило просуществовало только 1 год. После отмены запрета на недворян была возложена обязанность прослужить положенный срок в качестве нижнего чина и получить звание фельдфебеля.

В эпоху наполеоновских войн условия производства в офицеры были вынужденно демократизированы: в частности, в гвардии срок выслуги недворянами в унтер-офицерском звании был сокращен с 12 до 10 лет. Впервые были предоставлены льготы по образованию: студенты университетов после поступления на военную службу до производства в офицеры должны были служить 6 месяцев (в том числе 3 месяца рядовыми и 3 месяца подпрапорщиками).

В 1820-е гг. срок выслуги дворян, необходимый для получения офицерского чина, сначала был повышен до 4 лет, затем сокращен до 2 лет (при этом те, кто производился в офицеры с переводом в другую часть, должны были иметь 3 года выслуги). Вольноопределяющиеся из недворян были разделены на 3 разряда: 1) дети личных дворян, священников и лиц, в течение более чем 12 лет являвшихся купцами 1-й и 2-й гильдий, должны были служить до производства в офицеры 4 года (при производстве в другие части – 6 лет); 2) дети однодворцев, обладавших правом отыскивать дворянство, почетных граждан и купцов 1-й и 2-й гильдий, получивших гильдейское свидетельство менее 12 лет назад, должны были служить 6 лет; 3) дети купцов 3-й гильдии, мещан, однодворцев, не имевших права отыскивать дворянство, кантонисты и проч. были обязаны выслужить до производства полный 12-летний срок. Для недворян, поступивших по рекрутскому набору, срок выслуги был несколько больше: в гвардии – 10 лет, в армии – 12, в Оренбургском и Сибирском отдельных корпусах – 15, во внутренней страже – 18.

Система военного образования в 1-й половине XIX в. сохраняла свою продворянскую направленность. Так, в Морской кадетский корпус могли быть приняты «дети природных токмо дворян, а также и штаб-офицерские, хотя бы сии последние рождены были еще до поступления отцов их в штаб-офицерское звание, понеже таковые все пользуются уже по узаконению правом дворянским» [14, л. 2 об.]; детям же обер-офицеров, не являвшихся потомственными дворянами, доступ в корпус был закрыт. Ввиду большого наплыва абитуриентов в 1820 г. были заведены кандидатские списки, и зачисление стало несколько более упорядоченным. Однако, ввиду отсутствия общих правил приема в военно-учебные заведения, в число кадет иногда попадали и дети недворян. Лишь в 1833 г. прием недворян в кадетские корпуса и Дворянский полк был полностью прекращен [16, л. 3–3 об.]. С 1830 г. подавляющее большинство выпускников военно-учебных заведений получало офицерские чины, причем лучшие получали чин поручика (или прапорщика гвардии), основная масса – подпоручика, худшие – прапорщика. Унтер-офицерами и юнкерами выпускались лишь худшие по успехам и поведению.

Некоторые военно-учебные заведения носили элитный характер. В Пажеский корпус могли поступать сыновья и внуки генералов и гражданских чиновников, дослужившихся соответственно до чина генерал-лейтенанта и тайного советника, генерал-губернаторов, посланников, губернских предводителей дворянства (если они занимали эти должности в чине не ниже генерал-майора или действительного статского советника) и генерал-майоров, убитых в боях или прослуживших в этом чине не менее 5 лет, а также правнуки лиц первых двух классов, носящих фамилию своих прадедов [7, т. 1, с. 128–129]. Исключительно привилегированным учебным заведением была и Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерий-

ских юнкеров, в общие классы которой могли поступить лишь пажи-кандидаты и дети потомственных дворян. В 1-й кадетский корпус с 1837 г. могли поступать только дети лиц, дослужившихся как минимум до полковника или коллежского советника.

В 1845 г. все абитуриенты, желавшие поступить в кадетские корпуса, были разделены на 26 разрядов в зависимости от служебного положения и заслуг отцов, а также от состава семьи. К первому разряду относились сыновья генералов, ко второму – георгиевских кавалеров, далее шли сироты, дети офицеров, служивших в военно-учебном ведомстве, сыновья полковников и статских советников, кавалеров различных орденов и далее по нисходящей до сыновей прапорщиков и коллежских регистраторов. К последнему, двадцать шестому, разряду были отнесены сыновья «дворян не чиновных и не служивших» [20]. Отступления от принятых правил допускались с учетом исключительных обстоятельств.

В «Наставлении для образования воспитанников военно-учебных заведений», высочайше утвержденном в 1848 г., было закреплено правило, в соответствии с которым военно-учебные заведения предназначались исключительно для дворян. По воспоминанию военного педагога А. Д. Бутовского, учившегося в 1849–1853 гг. в Петровском-Полтавском кадетском корпусе, «...все мы, почти поголовно, были дети южных степных помещиков, отставных поручиков и штабс-капитанов, во множестве выходивших тогда в отставку, чтобы хозяйничать в имениях, за преклонным возрастом или за смертью своих отцов» [1. № 11, с. 331].

По мере развития системы военного образования складывались требования, предъявляемые к познаниям кандидатов в офицеры. В 1842 г. была утверждена программа испытаний в науках для дворян и вольноопределяющихся, желающих быть принятыми на службу в Отдельный гренадерский корпус. Проверялось знание российской грамматики, арифметики, российской и всеобщей истории, географии России, основ географии пяти частей света, а также одного из иностранных языков [21]. Начиная с 1844 г., лица, желавшие поступить на службу в качестве дворян и вольноопределяющихся, должны были сдать аналогичный экзамен (требовались знание грамматики, арифметики, истории, географии и начальный уровень владения одним из иностранных языков) [17]. Успешно сдав экзамен, они производились в офицеры после выслуги положенного срока без дополнительных испытаний. Унтер-офицеры из числа рекрутов могли сдавать офицерский экзамен после того, как выслуживали определенные для них сроки, причем те, кто заявлял об отказе от производства непосредственно перед экзаменом, получали определенные льготы и привилегии.

Крымская война внесла некоторые коррективы в правила производства в офицеры. В 1854 г. сроки выслуги в унтер-офицерском звании, необходимые для производства вольноопределяющихся в офицеры, были сокращены наполовину. Выпускники высших учебных заведений получали

офицерский чин сразу же после зачисления в армию, а дворяне, имевшие среднее образование, – через 6 месяцев. После окончания Крымской войны эти льготы были отменены, однако дворяне и вольноопределяющиеся получили право на производство сверх вакансий. Выпускники высших учебных заведений (в том числе духовных) были обязаны прослужить до производства всего 3 месяца, имевшие среднее образование – 1 год. С 1858 г. дворяне и вольноопределяющиеся могли сдавать установленный для них экзамен не только при поступлении на службу, но и в течение всего ее срока [18].

Желание повысить уровень образования офицерского корпуса привело к тому, что в 1856 г. правила приема в военно-учебные заведения были кардинально изменены с учетом следующих принципов: «1) свободный доступ в военно-учебные заведения и всему дворянскому юношеству, где бы юноша предварительно ни обучался, и недворянам, получившим окончательное университетское образование; 2) поощрение домашнего воспитания; 3) оставление молодых людей, сколь возможно долее, в ближайшем надзоре их семейств» [8]. В соответствии с данной установкой в военно-учебные заведения стали на льготных условиях приниматься недворяне, получившие высшее образование. Так был сделан первый шаг на пути формирования всесословной военной школы.

Правила приема в военные гимназии и военные училища, открытые на базе старых кадетских корпусов в 1860-е гг., давали недворянам реальный шанс на получение военного образования, которое после Крымской войны стало необходимым условием успешной карьеры. Вместе с тем продворянская направленность военно-образовательной политики все же продолжала давать о себе знать.

Военные гимназии оставались привилегированными дворянскими военными школами, главная цель которых состояла в том, чтобы «доставить детям дворян, предназначенным к военной службе, приготовительное общее образование и воспитание» [3, п. 2]. Лишь Оренбургская-Неплюевская и Сибирская военные гимназии имели иной статус. Первая была предназначена для обучения сыновей лиц неподатных сословий Оренбургского края, вторая – сыновей офицеров и чиновников, служащих и служивших в Сибирском крае. Кроме того, в 1864 г. был допущен прием сыновей лиц всех сословий в приготовительный пансион Николаевского кавалерийского училища. В соответствии с циркуляром по военно-учебным заведениям от 28 августа 1871 г. № 28 в качестве своекоштных пансионеров и приходящих учеников в военные гимназии могли приниматься только дети потомственных дворян. Только в Оренбургской-Неплюевской и Сибирской гимназиях приходящими воспитанниками были дети лиц всех сословий. Кроме того, в 1873 г. были открыты две гимназии исключительно для приходящих воспитанников, доступ в которые был открыт представителям всех сословий. Таким образом было положено начало военно-

учебным заведениям «совершенно нового типа, где рядом с сыном командира блестящего гвардейского полка мог сидеть сын полкового барабанщика» [10, с. 130]. В 1877 г. порядок определения малолетних в военные гимназии был пересмотрен. По мнению А. А. Михайлова, новые правила «ознаменовали поворот от сословной системы комплектования воспитанников к корпоративной» [12, с. 48]. Право поступления в военные гимназии было предоставлено детям офицеров и чиновников военного ведомства, не принадлежавших к числу потомственных дворян.

Однако военные гимназии обеспечивали лишь предварительную подготовку будущих офицеров. Получение офицерского чина в пореформенной России было связано с успешным завершением обучения в военном или юнкерском училище или сдачей экзамена за курс данных учебных заведений.

В военные училища, учрежденные в 1863 г. на базе специальных классов расформированных кадетских корпусов, принимались «лица из сословий, необязанных рекрутской повинностью, а также состоящие на службе в войсках юнкера и унтер-офицеры сих сословий» [4, ст. 10]. Не следует забывать и о том, что правительство стремилось к тому, чтобы юнкерами становились в первую очередь выпускники военных гимназий, и лишь малое число последних вынуждало принимать в училища лиц, получивших среднее образование в гражданской школе. Таким образом, первые военные училища были ориентированы в первую очередь на дворян. Однако круг лиц, которым была предоставлена возможность получить вместе с офицерским чином преимущества, предоставленные выпускникам военных училищ, был гораздо шире. В 1866 г., в соответствии с Положением Военного совета «О правилах для поступающих в военную службу по добровольному желанию» [15], вольноопределяющиеся из числа выпускников высших учебных заведений, желавшие стать офицерами с правами окончивших военное училище, должны были сдать в нем экзамен по военным наукам и отбыть в строю двухмесячный лагерный сбор. После этого они производились вне вакансий с присвоением подпоручика или прапорщика в зависимости от полученных баллов. Те, кто имел среднее образование или успешно выдержал вступительный экзамен в военное училище, должны были сдать экзамен за полный курс военного училища и прослужить в строю в течение года. В 1868 г. Главный штаб несколько уточнил требования, разъяснив начальникам военных училищ, что с целью «привлечь на службу молодых людей, получивших высшее или среднее образование, или соответствующее тому домашнее воспитание и тем доставить войскам возможность к улучшению личного состава офицеров армии относительно их образования», к испытанию при военных училищах, в объеме программы вступительных испытаний в них, могли быть допущены молодые люди всех сословий (в том числе и обязанных рекрутской повинностью), желавшие поступить в войска вольноопределяющимися и после года службы

удостоиться производства в офицеры наравне с выпускниками военных училищ [19, л. 11–12]. Кроме того, молодые люди всех сословий, имевшие высшее образование, могли поступать в старшие классы специальных училищ (артиллерийского и инженерного).

В 1864 г. были учреждены юнкерские училища, которые предназначались для военной подготовки и последующего производства в офицеры лиц, не имевших среднего образования [5, отд. 1, ст. 1]. Юнкерские училища, в отличие от военных, были изначально всесословными. Кроме того, упомянутое выше Положение Военного совета «О правилах для поступающих в военную службу по добровольному желанию» предоставляло желавшим право держать при юнкерских училищах экзамен для производства в офицеры армии без особых преимуществ. Лица с высшим образованием экзаменовались по военным наукам и производились в прапорщики армии вне вакансий после трехмесячной выслуги. Имевшие среднее образование экзаменовались также только по военным наукам и служили до производства (также вне вакансий) в течение года; кроме того, им было предоставлено право поступать в полк в качестве юнкера или унтер-офицера без экзамена и после трехмесячной выслуги поступать, также без экзамена, в старший класс юнкерских училищ. Те, кто не имел образовательного ценза, должны были проходить полный курс юнкерского училища или держать при нем выпускной экзамен. Кроме того, им нужно было прослужить в строю: дворянам – 2 года, вольноопределяющимся из сословий, необязанных рекрутской повинностью, – 4 года, вольноопределяющимся из сословий, обязанных рекрутской повинностью, – 6 лет. Для производства в унтер-офицеры требовалось сдать экзамен по программе вступительных испытаний в юнкерское училище.

В 1869 г., в соответствии с «Положением о поступлении в военную службу нижними чинами по собственному желанию, о производстве вообще нижних чинов в военные офицеры», для всех лиц, добровольно поступавших на военную службу, было установлено общее название вольноопределяющихся. Вольноопределяющиеся были разделены на две категории – «по образованию» и «по происхождению». К первой категории относились имевшие высшее и среднее образование. Сроки их службы составляли 2 месяца и 1 год соответственно. Вторая категория делилась на три разряда, причем были конкретизированы категории лиц, относившихся к каждому из разрядов. В 1-й разряд вошли потомственные дворяне, во 2-й – личные дворяне, потомственные и личные почетные граждане, дети священников, купцов 1-й и 2-й гильдий, художников и ученых, в 3-й разряд – все остальные. Срок службы вольноопределяющихся 1-го, 2-го и 3-го разрядов остались прежними.

В 1869 г. право на поступление в юнкерские училища было предоставлено унтер-офицерам из числа служивших на обязательном сроке. Желавшие поступить в старший класс должны были иметь 8 лет выслуги (в

том числе 4 года в унтер-офицерском звании), в младший класс – 9 и 5 лет соответственно.

После введения в 1874 г. всесословной воинской повинности происхождение перестало являться фактором, определяющим условия производства в офицеры. Срок выслуги, необходимый для производства в офицеры, зависел исключительно от уровня образования. Вольноопределяющиеся 1-го разряда, имевшие высшее образование, прежде чем получить право на сдачу экзамена на офицерский чин, должны были прослужить 3 месяца (в том числе 2 месяца – в качестве унтер-офицера), вольноопределяющиеся 2-го разряда, имевшие среднее образование, – 6 месяцев (в том числе 4 месяца унтер-офицерами), вольноопределяющиеся 3-го разряда, окончившие несколько классов средних учебных заведений, – 3 года (в том числе 2 года – унтер-офицерами).

Право на поступление в военные училища в 1874 г. было предоставлено лицам всех сословий, имеющим необходимый образовательный ценз. Выпускники делились на три разряда: перворазрядные выпускались подпоручиками, второразрядные – прапорщиками, третьеразрядные – юнкерами. С 1885 г. все юнкера при выпуске получали чин подпоручика, однако окончившие по 1-му разряду получали год старшинства в этот чине и производились в поручики на год раньше тех, кто окончил по 2-му разряду.

Юнкерские училища, предъявлявшие к своим абитуриентам менее жесткие требования, «стали теми воротами, через который в офицерский корпус проникали выходцы из недворянской среды, вплоть до крестьянских и мещанских детей» [13, с. 35]. Интересно отметить, что юнкера из вольноопределяющихся 1-го разряда и юнкера из вольноопределяющихся 2-го разряда представляли собой две совершенно разные социокультурные группы. Выходцы из низших сословий, ставшие юнкерами благодаря своим способностям и упорному труду, проходили перед поступлением через серьезные испытания: «Начиная с ротного командира и кончая начальником части, все испытывали его [юнкера – А. Г.] как со стороны прочности нравственного багажа, так и служебного. Штабы округов усиленно настаивали, чтобы в юнкерские училища отправлялись лучшие из вольноопределяющихся» [6, с. 6]. По выпуске из училища юнкера из вольноопределяющихся 2-го разряда становились, как правило, хорошими офицерами, хотя и со скромной общеобразовательной подготовкой. Напротив, вольноопределяющиеся 1-го разряда – дворянчики, исключенные из учебных заведений за лень или проступки и нашедшие приют в юнкерских училищах, – зачастую являлись настоящими отбросами общества, ценность которых для армии была более чем сомнительна: «Неокончивший реалист, выгнанный классик, недотянувший до конца ученик земледельческого, технического или коммерческого училища – вот обычный контингент, которыми пополняются окружные училища. Все эти люди, в огромном большинстве

случаев, идут на военную службу, не чувствуя к ней ни малейшего призвания, только потому, что им некуда деться» [11, с. 40].

Право поступления в юнкерские училища было предоставлено не только вольноопределяющимся, но и лицам, поступившим на службу по жребию. Имевшие образование не ниже незаконченного среднего приравнивались в этом отношении к вольноопределяющимся соответствующих разрядов, прочие должны были выслужить установленные сроки, причем часть срока – в унтер-офицерском звании. Нижние чины, имевшие начальное образование, служили до получения права на поступление в училище 4 года, в том числе не менее года унтер-офицерами; те же, кто не имел даже начального образования, должны были выслужить полный шестилетний срок, в том числе 2 года в унтер-офицерском звании. Следует отметить, что нижние чины, не имевшие незаконченного среднего образования, при поступлении в юнкерское училище были обязаны сдавать вступительный экзамен.

Таким образом, в течение XIX в. право на производство в офицеры было постепенно демократизировано. Крымская война поставила на повестку дня вопрос о расширении круга образованных лиц, пользующихся льготами в отношении получения офицерского чина независимо от сословной принадлежности. Начиная с 1874 г. образовательный ценз являлся единственным фактором, влиявшим на сроки и условия получения офицерских эполет. Тем самым был сделан важный шаг к созданию обновленного офицерского корпуса, свободного от сословных предрассудков, понимающего и уважающего солдата, ценящего не мнимое «благородство», а профессионализм и верность воинскому долгу.

-
1. Бутовский А. Д. Годы моего ученья в Петровском-Полтавском кадетском корпусе // Педагогический сборник. 1915. № 11. Ч. неофиц. С. 315–337; № 12. Ч. неофиц. С. 468–495.
 2. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.
 3. Высочайше утвержденное Положение о военных гимназиях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLI. Отд. 2-е. 43738.
 4. Высочайше утвержденное Положение о военных училищах: Первом (Павловском), Втором (Константиновском), Третьем (Александровском), Четвертом (в городе Оренбурге), Николаевском кавалерийском, Михайловском артиллерийском и Николаевском инженерном // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLII. Отд. 1-е. 44723.
 5. Высочайше утвержденное Положение о юнкерских училищах // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLIII. Отд. 1-е. 45612.
 6. Галкин М. Офицерский вопрос // Война и мир. 1906. № 8. С. 5–20.

7. Гурковский В. А. Кадетские корпуса Российской Империи. В 2 т. / Фонд содействия кадетским корпусам им. А. Йордана. М.: Белый Берег, 2005. Т. 1. 263 с.; Т. 2. 367 с.
8. Изменения постановлений касательно воспитания в военно-учебных заведениях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXII. Отд. 1-е. 32218.
9. Инструкция пехотного полка полковнику, 1764 г. СПб., 1764. 35 с.
10. Коровин В. М. Военное образование в Российской империи (середина XIX–начало XX в.): монография. Воронеж, 2009. 704 с.
11. Мартынов Е. И. Из печального опыта русско-японской войны. Изд. 2-е. СПб., 1907. 176 с.
12. Михайлов А. А. Обаяние мундира. Псков, 2004. 296 с.
13. Михайлов А. А., Филук С. О. Реформы российских военно-учебных заведений в 1860-е годы. Альтернативные проекты и итоги // Военно-исторический журнал. 2011. № 6. С. 27–35.
14. О зачислении кадет // Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 432. Оп. 1. Д. 1468.
15. О правилах для поступающих в военную службу по добровольному желанию // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XLI. Отд. 1-е. 43304.
16. О принятии в корпуса и Дворянский полк одних дворян. 1833 // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 320. Оп. 2. Д. 69.
17. О программе для экзамена в науках, при приеме в военную службу недорослей из дворян и вольноопределяющихся // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XIX. Отд. 1-е. 17887.
18. О экзамене дворян и вольноопределяющихся, зачисленных в военную службу рядовыми, о сроках их службы в сем звании и о дальнейшем производстве их и увольнении от службы // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XXXIII. Отд. 1-е. 32659.
19. По вопросу: могут ли поступать в военные училища лица всех сословий, получившие образование в высших и средних учебных заведениях. 1868 // Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 725. Оп. 6. Д. 102.
20. Правила для определения малолетних дворян в кадетские корпуса // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. XX. Отд. 1-е. 18578.
21. Приказ управляющего военным министерством от 23 апреля 1842 г. № 36.
22. Харламов В. И. Русская военная школа (1700–1862). Т. 1. М.: Академия ПВ ФПС России, 1997. 278 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гребенкин Алексей Николаевич,
Академия ФСО России

Гущина Е. М.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящей статье рассмотрены некоторые теоретико-правовые аспекты исследования динамики общественного правосознания российского государства. Рассматривается общественное правосознание, как форма отражения объективной реальности, которая определяет происходящие в обществе и государстве процессы.

Ключевые слова: правосознание, общественное правосознание, теоретико-правовые аспекты общественного правосознания, общественное правосознание российского государства.

Исследование общественного правосознания представляется чрезвычайно актуальным, поскольку в процессах регулирования поведения людей правосознание представляет собой важный механизм включения правового предписания в сознании человека и выражения его в действиях и поступках.

Правосознание является сложным феноменом, важность которого обусловлена направленностью на постижение права во всех его формах и видах. С одной стороны, оно выступает специфическим способом духовного познания действительности. С другой, согласно традиционной отечественной юридической теории, правосознание отражает правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих деятельность людей в юридически значимых ситуациях [1]. Правосознание также образует необходимый психологический и идейно-мировоззренческий контекст соблюдения человеком юридических норм, определяя правовые представления о справедливости прав, обязанностей, дозволений и ограничений, запретов, оказывая влияние на формирование мотивов и установок поведения общества.

Правосознание оказывает существенное воздействие на регулирование многих жизненных процессов в обществе и государстве. Общественное правосознание – основа положительного функционирования политической и правовой систем.

Как достоверно отмечал Б. А. Кистяковский, своего полного развития правовое государство достигает только при высоком уровне правосознания в народе и при сильно развитом в нем чувстве ответственности [2].

В настоящее время вопрос стоит о том, что изменения в правосознании определяют будущее правовой системы, следовательно, общественной системы в целом.

Таким образом, общественное правосознание выступает одним из важнейших управленческих ресурсов, с помощью которого управляющие общественные структуры совершенствуют социально-правовую практику.

Общественное правосознание, представляя собой форму отражения объективной реальности, отражает происходящие в обществе процессы, подвергаясь влиянию всей социальной системы, а также само оказывает существенное влияние на происходящие в нем процессы, участвуя как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности государства.

Общественное правосознание проявляется во всех областях деятельности государства, сказывается в устройстве и функционировании его государственных и общественных институтов, внутренней и внешней политике, духовной и материальной жизни общества.

Это обусловлено тем, что существование права неразрывно связано с волей и сознанием людей. Юридические предписания, представляющие требования общественной жизни, не могут быть выражены до тех пор, пока не пройдут через волю и сознание людей. Несмотря на это и воздействие права на общественные отношения осуществляются через волю и сознание граждан.

Поэтому, действующее в тот или иной исторический период право рассматривается, оценивается и корректируется с позиций общественного правосознания, а также моральных принципов и норм.

Таким образом, право как нормативная система регулирования поведения людей реализуется в той мере, в какой общество способно его осмыслить и усвоить, то есть является осознанным.

Любой процесс изменения общественного правосознания оказывает влияние не только на правотворчество, но и на правоприменительную практику, а также правовое поведение массы людей.

В правосознании общества аккумулируется правовой и духовный опыт государственной системы, поэтому трансформация, присущая правосознанию в те или иные исторические периоды, заслуживает особого внимания.

Именно поэтому, необходимо рассматривать исторический опыт политико-правового развития нашего государства, что является ценным для сегодняшнего дня. Важно не только оценить противоречивый характер этого опыта, но и проследить его в историческом развитии, в чередовании различных этапов, объективных достижений и явных неудач.

Рассмотрение общественного правосознания немыслимо вне исторического контекста, который предполагает обращение к факторам генезиса национального общественного правосознания, его смыслообразующим идеям и правоаксиологическим установкам.

Исследование общественного правосознания, путем обращения к историческим периодам развития российского государства, в значительной степени обусловлено объективной необходимостью разработки общенациональной государственно-правовой идеологии, ориентированной на позитивные, исторически детерминированные интенции национального общественного правосознания.

Постижение прошлого – не столько познавательный процесс, в котором, в сущности, нет ничего от исторического сознания, сколько определение индивидом, обществом, родом себя по отношению к прошлому, а именно или освобождение, отказ от него (стать не помнящим родства), или принятие его, вбирание в себя [3].

Вышесказанное имеет отношение не только к социальным ситуациям прошлого. Например, современная правоприменительная практика постоянно сталкивается с проблемой неисполнения законов, своеобразным «вакуумом» практического применения правовых норм и законопослушания. Но не только народ, чье поведение является объектом нормативно-правового регулирования, но и субъекты законодательной, исполнительной и судебной деятельности руководствуются в своих повседневных действиях неписаными нормами массовых правовых представлений, далеко не всегда совпадающих с правовыми нормами. Проблема соотношения законодательства и его практического применения – «вечная» проблема. Любые попытки ее решения требуют изучения правового опыта.

Большинство возникающих проблем и противоречий в процессе реформирования политической и правовой системы, с которыми сталкивается российская государственная власть, коренятся в особенностях национального общественного правосознания.

Рассмотрение проблемы подобного рода в теоретико-правовом аспекте целесообразно исследовать путем выхода на «человеческое» содержание, «общественное» измерение процесса формирования правосознания и права.

Таким образом, обращение к историческим этапам развития общественного правосознания, анализ деятельности партийно-государственных органов по формированию правосознания у населения позволяет не только восстановить общую картину формирования правосознания российского государства, но и использовать положительный опыт прошлых лет в формировании системы правового регулирования современного российского общества.

Если мы понимаем, каковы доминанты духовности народа в конкретный исторический этап развития общества, тогда становится ясным и

то, какие идеи господствуют и непременно должны выполнять системообразующую роль в реальном, а не дисциплинированном правосознании. В своей совокупности эти идеи выражают общественный «дух» конкретного исторического периода нашей страны, являются своеобразным «смысловым наполнителем» определенных социальных отношений [4].

Именно поэтому, изучение генезиса, динамики и функциональных характеристик, а также анализ общественного правосознания исторических периодов российского государства позволяют ответить на вопрос, почему те или иные институты, отношения и действия, существующие в различные исторические этапы, выделяются как правовые, почему различаются ценностные характеристики равнозначных, на первый взгляд, феноменов.

Поскольку современный мир является одной из самых динамичных систем, постоянно возникают новые социально-духовные ситуации, в том числе и правовые, переосмысление которых необходимо для уяснения закономерностей развития общества.

Таким образом, исследование характера российского общественного правосознания в различные исторические периоды позволяют уяснить существо и перспективы дальнейшего развития российского государства и общества, а также, непосредственно выводит на осмысление и решение целого комплекса вопросов правового воспитания.

-
1. Теория государства и права / под ред. В. П. Малахова, В. Н. Казакова. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 576 с.
 2. Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции. М., 1991. С. 136.
 3. Исторические основания правовой науки: сборник научных статей. М.: Издательство «Юрист», 2012.
 4. Малахов В. П. Правосознание: природа, содержание, логика. М., 2001. С. 330–331.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гущина Екатерина Михайловна,
адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин,
Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова

Долгих А. Н.

**ШЕФ ЖАНДАРМОВ А. Х. БЕНКЕНДОРФ
О РЕФОРМЕ П. Д. КИСЕЛЕВА РУБЕЖА 1830–1840-х гг.**

Статья посвящена взглядам шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа на реформу государственной деревни, проводившейся на рубеже 1830–1840-х гг. министром государственных имуществ Российской империи П. Д. Киселевым. Для характеристики позиций руководителя III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии на эту реформу и на крестьянский вопрос вообще использованы материалы его «всеподданнейших отчетов» Николаю I, а также ряд источников мемуарного характера. При анализе их становится очевидным сочувствие шефа жандармов самой реформе, не исключавшее и критику определенных ее недостатков, что отражало до определенной степени и позиции по данной проблеме самого монарха.

Ключевые слова: государственные крестьяне, крепостное право, российский абсолютизм, А. Х. Бенкендорф, П. Д. Киселев, III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Проведение тех или иных реформ в государствах является (в принципе) наиболее естественным, хотя и не единственным способом избежать всякого рода общественных конфликтов, восстаний, свержения режима и социальных революций. При этом отношение к этим реформам не только в обществе, но и в правительственных структурах не всегда бывает положительным. В данном исследовании на примере известной реформы П. Д. Киселева в государственной деревне рубежа 1830–1840-х гг. можно проследить отношение к ее подготовке и проведению руководителя одной из тогдашних параллельных государственных структур – III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии – шефа жандармов николаевского времени А. Х. Бенкендорфа. Специфика темы заключается в ряде обстоятельств, первым из которых является отношение к этому органу политического сыска николаевского времени, чьи разнообразные функции недостаточно изучены, что связано и с отсутствием четких критериев в оценке роли политической полиции в государстве и обществе (особенно в связи с определенным переосмыслением сегодня освободительного движения в России, с которым по преимуществу и боролись жандармы), с тем, что подобные учреждения редко имеют хорошую репутацию (хотя ни одно «просвещенное» государство без них не обходится). Естественным, что, как писал С. А. Экштут, вплоть до настоящего времени «репутация честного и порядочного человека априорно предполагала негативное отношение» к шефу «синих скотов» (как их называли их противники). Еще недавно, как указывал тот же автор, сама «мысль о том, что у ше-

фа жандармов могли быть способности человека государственного, а его должность представляла множество случаев найти им применение», воспринималась как величайшая ересь. Налицо имела место «стойкая бенкендорфобия», восходящая к П. А. Вяземскому и А. И. Герцену. За невозможностью обвинений в адрес Бенкендорфа во взяточничестве, в мести былым его недоброхотам, трусости и др. шли в дело упреки в сластолюбии, рассеянности и лени, обвинения в пособничестве убийству А. С. Пушкина и др. Вторым обстоятельством является возможность через посредство взглядов Бенкендорфа, стремившегося подавать до определенной степени препарируемую информацию своему визави – монарху об этой реформе. Заметим, что в силу близости позиций в данной сфере и настоящих дружеских отношений Бенкендорфа и императора Николая отчеты шефа жандармов по ведомству III Отделения, недавно полностью опубликованные, могут также служить до определенной степени барометром настроений и планов монарха, в особенности в отношении решения крестьянского вопроса [1, с. 651; 2, с. 125 и др.; 11, с. 267–270; 15; 18; 23, с. 324; 24, с. 223–227].

Наконец, взгляд на саму реформу Киселева до настоящего времени до конца не утвердился, что связано с неразработанностью критериев ее оценки в силу, скажем так, ее нерадикальности (а также представлением, бытовавшим ранее особенно в советской историографии, о том, что практически все реформы, проводившиеся самодержавием, приводили лишь к ухудшению положения низов общества): ориентиром для одних являлось само ее существо (переселение крестьян, развитие их самоуправления, изменение в системе рекрутских наборов и др.), для других – усиление в результате ее бюрократической опеки крестьян и расширение сети чиновников, часто наживавшихся за их счет. Тем более все эти обстоятельства связывались с николаевским режимом, в отношении которого и либералы, и радикалы по разным причинам придерживались однозначно негативного мнения, хотя не всегда и не во всем справедливого [21, с. 25].

Автор одного из ранних исследований по данной эпохе М. А. Полиевктов указывал, что до реформы управление государственными крестьянами оставалось «крайне неупорядоченным и запущенным», и доходы с них «получались крайне незначительные». В связи с этим с начала царствования Николая был взят курс на новую систему управления, которая должна была теперь строиться «не на фискальных соображениях, но на началах попечения о благосостоянии самих крестьян: улучшения в их быте и управлении могли бы послужить в таком случае примером и для помещиков, которые, видя благие результаты этих мер, начнут улучшать, с своей стороны, положение своих крепостных». При этом в учреждениях, возникших в результате реформы, «проводился последовательно взгляд на государственных крестьян как на свободных обывателей, сидящих на казенной земле, не как на крепостных». В итоге не были достигнуты «поло-

жительные результаты», и они к концу николаевского царствования сказались в повышении их платежной способности, что было достигнуто без повышения размера податей», а недоимка сократилась с 7,7 до 3,2 %. По словам великой княгини Ольги Николаевны, дочери Николая I, большой заботой Киселева «было улучшение судьбы крестьян». Он Киселев явился главным сотрудником Николая I в этой области. «26 декабря 1837 г. он был поставлен во главе нового Министерства Государственных Имуществ, в ведение которого поступили все казенные крестьяне... Я не могу судить о том, были ли его реформы удачными или нет, – писала мемуаристка. – С невероятным трудом и отчаянной решимостью он проводил их в жизнь, встречая всевозможные препятствия, как, например, глубоко укоренившееся предубеждение и злобу тех, чьи интересы были затронуты, а также отрицательное отношение со стороны остальных министров...» [16, с. 272–275; 20, С. 163].

В известном исследовании о государственных крестьянах Н. М. Дружинин указывал, что основная цель реформы заключалась в превращении казенной деревни в «точку опоры для решения общекрестьянского вопроса», в подготовке предпосылок для «нечувствительного» преобразования феодальных отношений и «разрешения проблемы ликвидации рабства». Однако постепенно план ее становился все более умеренным, и в итоге реформа Киселева оказалась по преимуществу административным преобразованием: была проведена реорганизация аппарата управления государственной деревни с небольшой долей хозяйственных нововведений при наличии серьезной специфики проведения ее по регионам (Закавказье, Правобережная Украина, Прибалтика) [5, с. 523, 588–611, 628–632].

П. А. Зайончковский отмечал, что «волнения государственных крестьян, усилившиеся в конце 20-х–начале 30-х годов и являвшиеся следствием крайне тяжелого их экономического положения, с одной стороны, и роста недоимок, вызывавшего значительное сокращение государственных доходов, – с другой, обусловили проведение реформы». По закону 26 декабря 1837 г. было создано особое министерство «для управления государственными имуществами для попечительства над свободными сельскими обывателями и для заведования сельским хозяйством». Им «был проведен ряд мероприятий: наделение крестьян землей и лесом, медицинское обслуживание, строительство школ, перевод крестьян западных губерний с барщины на оброк и т. д. Все это имело положительное значение». Но усиление правительственного «попечения» над крестьянами «привело к росту произвола, взяточничества и всякого рода издевательств» по отношению к ним. Автор приводил в своем исследовании скептическое мнение Бенкендорфа по данному поводу, отмечая, что подобные факты «имели в действительности место», но оценка реформы в целом дается шефом жандармов «с реакционных позиций» [9, с. 29–31]. Со своей стороны, заметим, что последний тезис автора выглядит в данном контексте вставным, до-

бавленным из соображений тогдашней цензуры. Являясь учеником П. А. Зайончковского, могу сказать, что сам историк не придерживался подобных позиций и столь предвзятых оценок личности и идей Бенкендорфа.

Н. П. Ерошкин отмечал, что «после подавления восстания декабристов царизм вступил на путь военно-полицейской крепостнической диктатуры», а создание III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии 3 июля 1826 г. рассматривалось им как учреждение «феодалного органа внесудебной расправы», фактически стоявшего «над всем правительственным аппаратом России». Сюда «стекалась вся информация о крестьянском движении, что давало возможность правительству делать соответствующие указания по борьбе с неповиновением крестьян». Говоря о реформе Киселева, автор отмечал, что система «благожелательного попечительства» скоро «превратилась в назойливую бюрократическую опеку, рассчитанную на стеснение и регламентацию всякой деятельности крестьян, с превращением последних в послушных исполнителей воли начальства». В другой книге тот же автор высказался о том, что для III Отделения был характерен «всеобъемлющий характер деятельности», что, например, «в силу классовой ограниченности авторы «нравственно-политического» обзора за 1842 г. объясняли все волнения крестьян «следствием невежественных понятий народа». Наконец, применительно к реформе рубежа 1830-1840-х гг. он отмечал, по нашему мнению, совершенно бездоказательно, что «попечительная политика» Министерства государственных имуществ в 1850-е годы «потерпела полный крах». Примерно в том же духе выдержаны комментарии к соответствующему тому издания «Российское законодательство X–XX веков»: так, О. И. Чистяков писал о «пресловутом» III Отделении, что вело «борьбу с революционными и вообще прогрессивными настроениями в обществе», а Ю. П. Титов, отмечал, что «волнения государственных крестьян, значительные недоимки за ними заставили правительство в 1837 году провести реформу управления» ими. «Было учреждено Министерство государственных имуществ, упорядочено оброчное обложение, несколько увеличены земельные наделы... регламентированы органы крестьянского самоуправления...» [7, с. 140–141, 149, 151–152, 165, 181–182; 8, с. 41, 56, 169, 177, 185; 17, с. 8, 14, 26–27; 22, с. 25–26].

С. В. Мироненко, позитивно оценивая реформу П. Д. Киселева, отмечал, что «главная ее задача – приблизить положение государственных крестьян к состоянию «свободных сельских обывателей» – «оказалась выполненной... Значительно увеличились земельные наделы государственных крестьян, а подушный оброк стал постепенно превращаться в поземельно-промысловую подать. В сознании современников... укрепилось представление о принципиальной противоположности положения государственных и помещичьих крестьян, поэтому среди тех, кто искренне стремился к реформе крепостных отношений, такое распространение по-

лучили идеи уравниения крепостных крестьян с государственными». В другом издании он же указывал, что в результате реформы «возник большой и дорогостоящий бюрократический аппарат, в котором чиновник играл ту же роль, что и помещик в частновладельческой деревне. Сохранение в неизменности прежних крепостнических принципов давало многим современникам... основание считать, что гнет чиновников не столь уж сильно отличается от гнета помещиков. Нельзя не признать, однако, что положение государственных крестьян всегда было лучше положения крестьян в деревне помещичьей. Новая же система управления позволила еще несколько улучшить их положение... Таким образом, хотя реформа и не внесла принципиальных изменений в положении государственных крестьян, но все же она принадлежит к немногим удавшимся мероприятиям николаевского царствования» [12, с. 143–144; 13, с. 103].

Приведем и несколько иное мнение, высказанное по данной проблеме в современной литературе. Так, авторы учебника по истории государственного управления России под редакцией В. Г. Игнатова 2002 г. издания, в целом крайне негативно оценивавшие внутреннюю политику Николая I, отмечали, что Собственная Е. И. В. канцелярия «стояла фактически над всем аппаратом управления», через нее «осуществлялась связь монарха со всеми высшими центральными органами (!) и губернаторами», а Третье отделение «обеспечивало защиту государственной безопасности», ее создателем был генерал-адъютант А. Х. Бенкендорф, палач декабристов... человек из среды «инквизиторов по убеждению», при этом «тысячи жандармов... осуществляли внесудебную расправу». Вместе с тем, в оценках реформы Киселева авторы учебника более сдержанны. По их мнению, в николаевскую эпоху «система государственного управления дополнялась по-прежнему органами общественного сословного управления». Применительно к реформе сказано, что ею было «урегулировано не только государственное управление этой... категорией крестьян, но и самоуправление, его начала в соответствии с российскими традициями земского управления» на основе государственных законов «под надзором царской администрации», и эта практика будет учтена в реформе 1861 г. По мнению Б. Н. Тарасова, «сосредоточенность на крестьянской проблеме и постоянная работа над ней подготовили ту необходимую почву», без которой были бы невозможны «великие реформы» последующего царствования. В этом отношении «немало было сделано ведомством П. Д. Киселева и для улучшения положения государственных крестьян»: малоземельные наделялись землей, перестраивалось податное обложение в соответствии с местными условиями, учреждались «вспомогательные ссуды», расширялась сеть запасных магазинов на случай неурожая, создавались медицинские и ветеринарные пункты в деревне, строились школы, пропагандировались агрономические знания. Но «усиление опеки над крестьянами порождало свои противоречия, приводило к новым видам взяточничества и произвола по

отношению к опекаемым», на что обращал внимание и сам Бенкендорф в политических отчетах монарху [10, с. 201–203, 223–224; 21, с. 41–42].

И. В. Ружицкая, соглашаясь с положением о тяжелом экономическом состоянии казенных крестьян до реформы, обращала внимание на недостаточно гарантированный их юридический статус – например, на возможность передачи их в удельное ведомство или в военные поселения. Отмечая, что реформой было допущено «некоторое самоуправление казенных крестьян в их общинах и волостях», она отмечала, что «все-таки над ними с правом, в сущности, неограниченного вмешательства в их хозяйственную и домашнюю жизнь, были поставлены окружные начальники», и это размножение чиновников привело крестьян «в еще более подневольное состояние». Несмотря на заложенную в реформу идею борьбы с пауперизацией крестьянства через равномерное распределение земли и введение оброка в соответствии с ним, экономическое положение казенных крестьян в результате нее «значительно ухудшилось в связи с ростом податного обложения: сначала на 20 % вырос подушный оклад, потом в связи с переложением оброка с душ на землю его размеры были увеличены, был введен особый хлебный сбор... Реформа не смягчила малоземелья государственных крестьян». Правда, она отмечала и позитивные следствия реформы Киселева: резкое увеличение числа школ, больниц, сокращение питейных заведений. Н. В. Дунаева отмечала, что в реформе нашли применение «многие заимствования из опыта удельного управления», хотя сам реформатор Киселев резко противопоставлял «модель управления государственными крестьянами удельной системе». Однако Министерство государственных имуществ «не достигло главной цели, ради которой создавалось – остановить рост задолженности казенных крестьян по сбору оброчной подати и обеспечить ее бесперебойное поступление в казну» [6, с. 56; 19, с. 81–85].

В одной из последних работ Б. Н. Миронов указывал, что «с конца XVIII в. можно говорить о политике попечительства в отношении казенных крестьян, под которой имеются в виду меры по развитию сельского хозяйства и устройству запасных хлебных магазинов, по наделению земель и расселению малоземельных сел, меры против пожаров, наводнений, болезней, скотских падежей, нищенства, а также забота о сиротах и больных, агрономическая помощь, финансовые ссуды, открытие школ. На новый уровень попечительство поднялось после реформы П. Д. Киселева», улучшившей их положение «в юридическом, хозяйственном, судебном, административном и культурном отношениях, расширила их права самоуправления. Крестьяне по закону приобрели право выбирать место жительства, состояние, род занятий, поступать в любое учебное заведение, подавать прошения даже на высочайшее имя, вступать в гражданские сделки». Этот, скажем так, несколько эйфорический взгляд на данную реформу подкрепляется автором утверждением о запрете сдачи государ-

ственных имений в аренду частным лицам в Литве, Белоруссии и Правобережной Украине, что, по нашему мнению, неверно [14, с. 284–285].

Данный краткий обзор историографии подтверждает наше мнение о сложности проблемы. Главным источником для изучения мнения III Отделения Собственной Е. И. В. канцелярии о реформе Киселева являются политические отчеты этого ведомства, недавно полностью опубликованные. Эти отчеты, по нашему мнению, в определенном смысле отражали и мнение самого императора, и вместе с тем и подталкивали его к проведению умеренно-эмансипаторской политики (особенно при Бенкендорфе), отражая часто мнение либеральной части дворянского общества [3, с. 166–172; 4, с. 155–162; 18].

Так, в отчете за 1835 г. отмечено, что казенные крестьяне «почти повсеместно находятся в самом худом положении. Не имея должного надзора или, лучше сказать, не имея за собою надзора и будучи жертвою своих голов и алчной земской полиции, они год от года беднеют и развращаются». В отчете 1837 г. сказано, что «всем известно, до какой степени расстроено положение казенных крестьян; все знают, что причина тому – отсутствие всякого за ними призора». Данный тезис можно по-всякому понять. В свое время Павел I вообще делал ставку на передачу всех казенных крестьян под помещичье управление именно по этим основаниям, хотя не успел до конца осуществить этот, в сущности, реакционный план (справедливости ради, нужно отметить, что помещичья власть, по его плану, должна была быть ограничена законами, в том числе так называемой «люстрацией»). Но после формального обещания императора Александра не жаловать казенных крестьян в частные руки, которому он, в основном, следовал, и в продолжение этой политики его преемнику не оставалось иного выбора, как пойти по пути усиления государственного регулирования и попечительства в данном вопросе.

Много внимания в указанном выше источнике уделено и самой реформе казенной деревни. Уже в отчете 1835 г. говорится о ее подготовке, причем высказано пожелание, «чтоб Положение сие скорее состоялось и предупредило бы совершенное им конечное расстройство казенных крестьян». В 1836 г. отмечено, что «предмет сей уже обратил на себя благодетельное внимание высшего правительства, и никто не сомневается, что под непосредственным бдительным надзором Государя часть сия в короткое время приведена будет в желаемый вид», причем отмечается, «что избрание генерал-адъютанта Киселева для устройства нового управления казенными крестьянами общим мнением совершенно одобрено». Налицо определенная позиция, занятая Бенкендорфом, так как «общее мнение» состояло из мнений различных, и очевидно, что не все могли одобрять подобных мер, косвенной целью которых, по нашему мнению, было окончательное запрещение пожалований казенных крестьян в частные руки и в определенной степени дальнейшее преобразование и помещичьих имений.

В отчете 1837 г. сказано, что «дальнейший успех сего благотворительного предположения... будет зависеть от образа приведения оного в исполнение. Находят вообще, что в деле сем надлежит действовать с крайнею осторожностью, исподволь, не спеша, дабы не произвести волнения между крестьянами... Составленные под руководством... Киселева... положения об управлении казенными крестьянами, быв рассмотрены некоторыми призванными сюда по Высочайшему повелению гражданскими губернаторами, найдены ими весьма неудовлетворительными, писанными... без знания местностей и... крестьянского быта», многое в них «признано вовсе неудобным в исполнении», и «сведущие люди» опасаются, чтобы их реализация «разом во многих губерниях» не произвела между крестьянами «неудовольствия», что «одни и те же правила не могут в подробностях своих приличествовать всему сословию казенных крестьян, живущих на всем пространстве обширного нашего государства и столь разнообразных в обычаях, образе жизни и даже понятиях своих», что «полезнее и надежнее было на первый случай ограничиться назначением в разные губернии благонадежных людей», которые управляли бы ими от Министерства. «Мера сия, доставив казенным крестьянам попечителей, обязанных заботиться об их благосостоянии и ограждать их от посторонних притязаний, удовлетворила бы главной цели правительства...»

Очевидно сдержанное отношение автора отчета к быстроте проведения реформы, подкрепляемое ссылками на «благомыслящих людей». Анализируя опыт ее проведения, автор отчета за 1838 г. отмечал здесь позитивные сдвиги: «управление государственными крестьянами и казенными имуществами из хаоса, в котором оно находилось, приводится постепенно в надлежащее устройство», а в 1839 г. отмечено, что «подобное дело не может иметь полного развития, как только через несколько лет». Вместе с тем, уже в отчете 1841 г. применительно к реформе звучит все больше скепсиса, а Министерство представляет, по мнению публики, «более блеска, нежели истинной пользы». Желание «отличиться законосочинением» не приводит пока ни к каким серьезным новациям, «ничего не издано», а самим «учреждением этого Министерства нарушена крепость основания Российской Монархии ко вреду самодержавия, что это государство в государстве... с своею законодательною, судебною и исполнительною властью», а «уважение дворянства к властям и крестьян к помещикам потрясено». В отчете за 1842 г. указаны недостатки наказов для управления крестьянами, которые «мало приноровлены» к их быту, не удовлетворяют условиям местности и «во многом противны нравам и духу русского народа», и «пагубное брожение» среди крестьян, приводившее к мятежам и бунтам, и резкое увеличение чиновников, волокита, отвлекающая крестьян от сельских работ и разоряющая их». Видно, «что здесь все начато, но ничто не окончено». По словам автора отчета, «теперь остается решить: улучшилось ли их положение с учреждением над ними нового управле-

ния? Этот вопрос разрешили сами крестьяне. Беспокойства, возникшие в прошлом году между ними в Олонецкой, Вятской, Пермской, Казанской и Московской губерниях, имели два главных повода: притеснение и поборы чиновников государственных имуществ и желание остаться по-старому под ведением земской полиции, которая если не более заботилась о благе крестьян, то, по крайней мере, не так дорого им стоила, ибо прежде целый уезд жертвовал для одного исправника и двух или трех заседателей, а ныне на счет крестьян живут десятки чиновников...». Тема чиновничьих злоупотреблений является постоянным местом в этом своде документов.

Правда, в отчете за 1843 г. отмечено «старание» Министерства «исправить недостатки поспешно составленного управления, хотя меры к улучшению быта казенных крестьян доселе не совершенно успешны». Особое внимание министра обращено «на способ изменения налогов на крестьян. Неуравнительность податной системы в России влекла за собой значительные ежегодные недоимки и, с одной стороны, препятствовала правительству собирать полное количество податей, а с другой – вынуждало прибегать к мерам взыскания, всегда тягостным для народа. Эти причины вызвали необходимость введения кадастровой системы или подати с земли». Указано, что в ряде губерний подобное мероприятие проведено при участии крестьян, и отмечены его выгоды для Воронежской губернии, как более справедливой и уравнительной, причем это привело к тому, что и «помещики обнаруживают желание подвергнуть той же системе и собственные имения». В заключение выражена надежда на то, что «государственные имущества возведены будут на ту ступень совершенства, на которую возвел Перовский удельные имения». Заметим, что реформа удельной деревни, действительно, неоднократно рассматривается авторами отчетов как весьма удачная, а в отчете 1840 г. отмечены ее благие последствия для крестьян.

В отчетах часто говорится о волнениях в государственной деревне, причем сведения о них преимущественно связаны с проведением данной реформы. Уже в 1837 г. отмечено, «что одно появление чиновников, отправленных... для приведения в известность положения и имущества казенных крестьян, в некоторых местах произвело в умах последних беспокойство и недоумение». Крестьяне, «приобыкшие к жизни совершенно свободной, разгульной, к безотчетному распоряжению своими действиями, своим имуществом, с неудовольствием смотрят на всякую в положении их перемену, которая стеснит или ограничит свободу их». В 1842 г. сказано о «возмущении» казенных крестьян в ряде губерний, связанных с опасениями их «поступить в удельное управление», а также с нововведениями Министерства и злоупотреблениями должностных лиц. В 1843 г. сказано о «возмущении» крестьян в 8 губерниях, поводом для которых стали «притеснения и поборы волостного начальства», а также желание крестьян перейти из ведомства Палат Государственных Имуществ «под зависимость

земской полиции; распоряжения о посеве картофеля; учреждение общественной запашки и вообще невежественный взгляд крестьян на вводимые по сельскому их хозяйству улучшения...» [18, с. 136, 139, 168–169, 190–191, 212, 240, 261–262, 292, 298–299, 322–323, 331–332, 358 и др.].

Подводя итог сказанному, нельзя, конечно, сказать, что данные этого источника дают исчерпывающую картину позиции III Отделения и его начальника, но налицо здесь, по крайней мере, заинтересованное обсуждение этой правительственной меры, причем никак не с «реакционных» позиций. Эти позиции в любом случае не совпадали с господствующим мнением массы российского дворянства, не желавшего никаких изменений в данной сфере. В отчетах показаны болевые точки реформы: несмотря на максимальное обюрокрачивание ее и вроде бы стремление учесть все тонкости в ее реализации, характерные вообще для николаевской системы и для Киселева, принцип «жалует царь, да не жалует псарь» побеждал и на этот раз, как часто происходило в России.

-
1. Бенкендорф А. Х. Воспоминания 1802–1837 / Публ. М. В. Сидоровой и А. А. Литвина; пер. с франц. О. В. Маринина. М.: Российский фонд культуры, 2012. 761 с.
 2. Вацуро В. Э., Гиллельсон М. И. Сквозь «умственные плотины». Очерки о книгах и прессе пушкинской поры. Изд. 2-е, доп. М.: Книга, 1986. 382 с.
 3. Долгих А. Н. А. Х. Бенкендорф и А. Ф. Орлов о крестьянском вопросе в России при Николае I // Российская государственность в лицах и судьбах ее созидателей: IX–XXI вв.: материалы III Международной научной конференции (Липецк, 1 марта 2012 г.). Липецк: ЛГПУ, 2012. С. 166–172.
 4. Долгих А. Н. А. Х. Бенкендорф: к характеристике общественно-политических взглядов // Вехи истории. Вып. 8. Липецк: ЛГПУ, 2014. С. 155–162.
 5. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева: в 2 т. Т. 1. М., Л.: АН СССР, 1946. 631 с.
 6. Дунаева Н. В. Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в.: монография. СПб.: СЗАГС, 2010. 472 с.
 7. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 3, пер. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
 8. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М.: Мысль, 1981. 252 с.
 9. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
 10. История государственного управления России: учебник / отв. ред. В. Г. Игнатов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 608 с.
 11. Корф М. А. Записки. М.: Захаров, 2003. 720 с.

12. Мироненко С. В. Николай I // Российские самодержцы. 1801–1917 / отв. ред. А. П. Корелин. 2-е изд. М.: Международные отношения, 1993. С. 91–158.
13. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М.: Мысль, 1990. 235 с.
14. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII–начало XX века. М.: Весь мир, 2012. 848 с.
15. Олейников Д. И. Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009. 393 с.
16. Полиевктов М. А. Николай I: Биография и обзор царствования. М.: Мир книги. Литература, 2008. 336 с.
17. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX в. М.: Юридическая литература, 1988. 432 с.
18. «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869: сборник документов / сост. М. Сидорова и Е. Шербакова. М.: Российский фонд культуры, Российский архив, 2006. 706 с.
19. Ружицкая И. В. Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М.: ИРИ РАН, 2005. 315 с.
20. Сон юности: записки дочери Императора Николая I великой княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской // Николай Первый и его время. Т. 2 / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 155–191.
21. Тарасов Б. Н. Рыцарь самодержавия. Черты правления Николая I // Николай Первый и его время. В 2 т. Т. 1 / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 3–56.
22. Троцкий И. М. III Отделение при Николае I: Жизнь Шервуда Верного. Л.: Лениздат, 1990. 318 с.
23. Шильдер Н. К. Николай I. Его жизнь и царствование: иллюстрированная история. М.: Эксмо, 2010. 432 с.
24. Экштут С. А. На службе российскому Левиафану. Историософские опыты. М.: Прогресс-Традиция, 1998. 328 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгих Аркадий Наумович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры отечественной
и всеобщей истории,
Липецкий государственный педагогический
университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Дудченко Л. В.

ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ, ЦЕННОСТИ И ОБЫЧАИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ ПРАВОВОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению коммуникативного элемента правового менталитета. Выявлению и обоснованию связи правовых традиций, обычаев и ценностей с правовой ментальностью.

Ключевые слова: правовой менталитет, правовая традиции, правовые ценности, обычаи, память поколений, коммуникативный элемент.

Менталитет как социальный и правовой феномен жизни общества, вобравший в себя все своеобразие и уникальность правовой культуры народа, нации, особенности его правовой психологии, правовой онтологии гражданского сознания этноса с необходимостью проявляет себя в любой области социальных отношений. При этом независимо от того, являются ли эти отношения формами проявления человеческой духовности или это сфера производственных, сугубо материальных (экономических), политических, юридических отношений. Таким образом, менталитет, по мнению Е. А. Макеевой выступает в качестве «сформировавшегося на базе социального и духовного опыта предыдущих поколений устойчивый комплекс основополагающих представлений и проявлений субъектов социума, ориентирующий и во многом детерминирующий общественное и индивидуальное сознание и поведение»[1].

На сегодняшний день исследователями не разработан единый подход к определению категории менталитета и в первую очередь это связано с многогранностью и многозначностью самого термина. Так, Р. А. Додоновым и М. В. Воробьевым были собраны и проанализированы наиболее распространенные дефиниции менталитета, что позволило им сформулировать его классификацию. Данная классификация дефиниций менталитета основана на классификации терминов культуры А. Кребера и К. Клакхона [2]. Обратим внимание, на дефиницию из классификации сосредоточенной на компонентах менталитета, представляющая его в качестве «особенностей индивидуального и общественного сознания людей, их жизненных позиций, культуры, моделей поведения, обусловленные социальной средой, национальными традициями и т. п.» [3]. Необходимо отметить и тот факт, что менталитет является системой элементов духовной жизни как человека, так социальной группы и всего общества.

Правовой менталитет – это явление, отражающее многовековое историческое, культурное и государственно-правовое развитие общества. Определяя рассматриваемую категорию, следует обратить внимание на понятие Р. М. Овчиева, который трактует его как «совокупность стереотипов правового мышления, правовой деятельности и правового поведения,

основывающихся на сформированной в конкретном государственно-правовом пространстве системе правовых ценностей, правовых традиций и приоритетов, которые определяются относительно устойчивыми объективно-субъективными факторами» [4]. Правовой менталитет предстает перед нами как транслятор «новых знаковых средств и социальных институтов, складывающихся на основе их социального опыта и отражающих ментальные проявления правовой культуры данного общества» [4].

Особым образом в составе структуры правового менталитета выделяется коммуникативный элемент. Данный элемент способствует прослеживанию прямой связи с общепризнанными в конкретном этносе традициями, ценностями, обычаями, кроме того выступает способом закрепления и передачи наиболее значимых элементов социального опыта. Системные связи внутри правовой ментальности, формируют культурный код, который отражается в знаках, символах, в правовых ценностях, традициях и обычаях, выражается в языке и характеризуется определенной стабильностью, образуя коммуникативные стереотипы.

В качестве первого признака определяющего все своеобразие духовной культуры нации являются этнические ценности как совокупность культурных традиций этноса. Ценности, по представлению В. А. Бачинина, выступают как «материальные и духовные реалии, позволяющие людям удовлетворять их желания, потребности, интересы, чаяния и заставляющие прилагать усилия для их достижения, созидания, сохранения и приумножения». Нация, общество, человек в системе ценностей выстраивают конкретную структуру, иерархию ценностей. В. А. Бачинин к правовым ценностям относит ценности-цели и ценности-средства. Ценности-цели – это, то ради чего существует право и его основным предназначением является их сохранение. Ценности-средства представляют собой систему права, государственные институты, правовые механизмы функционирования цивилизаций. Основная цель – оберегание ценностей-целей от разрушения, гибели [5].

Важнейшие ценности жизни и культуры связаны с благом, творчеством, любовью, истиной, красотой, а также сферами человеческой деятельности, но основные ценностные феномены в цивилизованном мире обычно выстраиваются на основе морали и права. Как указали К. Е. Сигалов и А. А. Панарин, право и мораль «качественно различаются на уровне целей, но не ценностей» [6]. В. П. Малахов отметил, что «между ними функциональные различия, а не структурные и не сущностные» [7]. Регулятивная функция морали реализуется на уровне обыденно-эмпирического сознания, тем самым являясь «неписаным законом». Мораль берет свое начало из обычая. Мораль присутствует в отношениях различного уровня, как в общемировых, так и межличностных. Характерной чертой морали является то, что она присутствует в повседневной жизни всех граждан, так и то, что человек выбирает подходящие варианты поведения, которые обу-

словлены сложившимися жизненными реалиями. В свою очередь за правильный выбор варианта поведения и за совершаемые поступки каждый человек несет моральную ответственность. В каждой цивилизации и в ее каждом историческом этапе развития существует свой тип морали и права, которые могут кардинально отличаться от других. Нельзя не согласиться с К. Е. Сигаловым и А. А. Панариным в том, что мораль может деформироваться под воздействием различных социальных катаклизмов, что соответственно приведет к падению нравов, что в свою очередь повлечет аномальное применение права. Авторы утверждают, что «основные ценностные феномены среды права (справедливость, достоинство, честь, долг) обусловлены их цивилизационной определённостью и воспринимаются только в соотношении с другими общественными формами бытия права. Моральная среда права – выведение обоснование фундаментальных ценностей человеческого существования» [6]. Так, все члены цивилизованного общества имеют свои потребности и сформированные на их основе ценности. При этом всем приобретенным ценностям необходимо следовать и защищать. Можно выделить общемировые ценности, которыми дорожат культурное сознание и весь цивилизованный мир. К таким ценностям можно отнести благо и справедливость, свобода и равенство, социальный порядок и права гражданина. И в связи с этим необходимо указать на то, какое место среди иерархии общезначимых ценностей человек отводит праву, каким из ценностей отводится приоритетное место в сфере права, и какие ценности заложены в нормы и законы права. Ценности представляют собой те желаемые ориентиры, к которым стремятся как все мировые цивилизации, так и гражданин. Именно они предполагают определенные способы человеческого поведения, отвечающие высоким критериям цивилизованности и культуры.

Традиции имеют значение мощного средства, обеспечивающего самобытность этнокультурной сферы ее качественное своеобразие, самостоимость в истории. Традиции, которые свойственны определенному типу социальной организации, ее опыту, объединяют в себе все правовые ценности предшествующих поколений, тем самым воздействуя на духовную сферу социума. В связи с этим, результатом в обобщении правовых традиций и ценностей, социально-правовой практики выступает общее формирование и принятие стереотипов поведения. На основе последнего формируется поведенческий фон, который и определяет правовую культуру данного общества самобытность его развития. Таким образом, правовые ценности являются основой образования правовых традиций.

Правовые традиции представляют собой не просто информационную модель переданную последующему поколению, они еще должны быть восприняты этим поколением. Правовые традиции – особенный вид традиций, содержащий в себе предписания и императивные требования. «Регулятивный потенциал, заключенный в норме, обуславливает наличие в ней, наря-

ду со стереотипностью, также и признака императивности» [8]. Они закрепляют соответствующее и непротиворечащее социально одобренным образцам требования общества, к поведению его членов. Устанавливая границы приемлемых, ожидаемых и одобряемых, социально допустимых действий, правовые традиции упорядочивают, контролируют, регулируют общественные отношения.

Объединение правовой ментальности с историческими особенностями различных народов, влечет неразрывную связь с этнонациональными, социокультурными особенностями этноса, общества, государства. Здесь можно говорить об обычае, который состоит в тесной связи с ментальными факторами, такими как этническое самосознание, уклад и образ жизни, верования, сложившиеся формы поведения.

Обычай в механизме правовой ментальности несет правовую нормативность, так в произведениях мыслителей славянофильского направления можно найти характерные черты обычая как источника права и правовой культуры. Создание обычаев, происходит под влиянием самого общества, когда само общество или его члены неоднократно и на протяжении длительного времени повторяют одни и те же отношения и выполняют соответствующие этим отношениям действия. Посредством него складываются единые духовно-нравственные взгляды и убеждения общества, А. С. Хомяков писал: «Обычай является силою внутреннюю, проникающею во всю жизнь народа, в совесть и мысль всех членов общества» [9].

Обычаи представляют собой нормы позитивной морали, которые соблюдаются всеми гражданами или другими субъектами социальных отношений в повседневной жизни и передаются устно и в фактических поступках из поколения в поколение. По этому поводу И. В. Киреевский отмечал: «Закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумаге, уже после того, как он сам собою образовался в понятиях народа и мало-помалу, вынужденный необходимостью вещей, вошел в народные нравы и народный быт» [10].

Возникновение обычаев, как правило, происходит стихийно, не регулируемо, на уровне коллективного бессознательного, в подтверждение этого приведем высказывание И. В. Киреевского, «право обычное, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического» [10].

Для того чтобы обычай были приняты обществом необходимо их длительное существование и поддержка социумом, подчеркивая социальное значение обычая И. В. Киреевский писал: «Там, где общественность основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая существенных условий жизни общества. Там каждая насильственная перемена по логическому выводу была бы разрезом ножа в самом сердце общественного организма» [10].

Следование обычаю человеком происходит в соответствии с традиционными моделями поведения и не по принуждению, а добровольно. А. С. Хомяков писал: «Совість овладѣла разбирательством факта только в отношении к его существованию. Очевидно, ей же подлежит и будет подлежать факт в отношении его к нравственности. Таким образом, все усовершенствование права получит свое начало от быта и обычая славянских» [9].

Как мы видим, славянофилы связывают обычай с сохранением традиционных форм быта, нравственности, культурного облика народа, связи народа с его историей и судьбой. В этом и заключается его роль. Пренебрежение народными обычаями, к сожалению, способно повлечь разрушением основ, базисных ценностей общества, которые оберегают общество от хаоса и распада.

Значение социального опыта и памяти для любой нации или отдельного его представителя имеет большое значение, так как на основе национально-правовых ценностей, традиций, обычаев происходит формирование сознания этноса. Здесь прослеживается связь между ценностями, традициями и обычаями, проходящими через столетия и определяющими отношение народов к реалиям правовой и социальной действительности, проблемам, как настоящего, так и прошлого, а также к путям их решения и проектирования на будущее, тем самым вырабатывая специфически национальные черты. Правовая и социальная память этноса, находящаяся в ценностях, традициях и обычаях позволяет в повседневно возникающих проблемах из множества способов выбрать тот, который способствует принятию наиболее оптимального решения. И выбор в первую очередь зависит от ценностей, идеалов и традиций нации, которые вырабатывались каждым народом в соответствии с, географическими, историческими, правовыми условиями в процессе своего становления и развития.

Таким образом, характерной особенностью правового менталитета является то, что он синтезирует в себе традиции и право, сознательное и бессознательное. Ментальные нормы являются эмоционально насыщенными, трудно формулируемыми и, как правило, зафиксированы в передающихся от поколения к поколению ценностях, но и в социокультурных императивах поведения: обычаях, традициях. Коммуникативный элемент правового менталитета позволяет нам проследить за транслированием социальных и правовых ценностей, традиций и обычаев, что в свою очередь обеспечивает национальное единство через идентификацию человека с определенной культурой и нацией, а так же через его личный выбор. В связи с этим структуру менталитета мы включаем коммуникативный элемент.

1. Макеева Е. А. Менталитет в системе общественных отношений // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 1. Том 16. С. 315.

2. Магомедова Э. А., Юсупов Ю. Г Проблемы ментальности в гуманитарном знании: основные подходы // Юг России: экология, развитие. 2011. № 1. С. 25–30.
3. Словарь по социальной педагогике / автор-составитель Л. В. Мардахаев. М.: АСАДЕМА, 2002. С. 150.
4. Овчиев Р. М. Правовая культура и российский правовой менталитет: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. С. 96.
5. Бачинин В. А. Энциклопедия философии и социологии права. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. С. 1007.
6. Сигалов К. Е., Панарин А. А. Многообразие форм среды права: монография. М.: АНО ВПО «МОГИ», 2012. С. 200.
7. Малахов В. П. Философия права. Идеи и предложения. С. 348.
8. Сарингулян К. С. Культура и регуляция деятельности. Ереван, 1986. С. 102.
9. Хомяков А. С. По поводу Гумбольдта // Хомяков А. С. Всемирная задача России. М., 2008. С. 667.
10. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И. В. Духовные основы русской жизни. М., 2007. С. 204–205.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дудченко Лолита Вадимовна,
адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин,
Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова

Жукова Н. А.

ПРОФИЛАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДОЗНАНИЯ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматриваются основные виды и методы профилактической деятельности подразделений дознания органов внутренних дел, а также меры по повышению ее эффективности.

Ключевые слова: профилактика, подразделения дознания, дознаватель, органы внутренних дел.

Предупреждение преступлений – одна из основных задач подразделений дознания. Предупреждение преступности предполагает и профилактику преступности, реализуемую при помощи предупредительных мероприятий, включающих меры, направленные на устранение, ослабление,

нейтрализацию криминогенных факторов, исправление лиц, могущих совершить или уже совершивших преступления [3, с. 351, 373]. Профилактика представляет собой совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка [1].

Под профилактической деятельностью подразделений дознания понимается их деятельность по предупреждению преступлений, т.е. выявление обстоятельств, способствующих совершению преступлений, и принятие мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Профилактическая деятельность предполагает также проведение правового воспитания граждан с целью предотвращения и пресечения преступлений и иных правонарушений.

Непосредственные причины совершения преступлений заключаются в мотивах преступления и личности преступника. Поэтому мерой реагирования по устранению непосредственных причин и условий, способствующих совершению преступлений, служит само расследование уголовного дела, принятие принудительных мер в отношении подозреваемого, обвиняемого, индивидуальная профилактическая работа.

Само по себе проведение расследования преступления уже содержит в себе профилактическую значимость. Почти все следственные действия и решения дознавателя носят профилактический характер. Расследование некоторых преступлений фактически предупреждает совершение других. Например, расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, может предупредить совершение преступлений против личности. Расследование вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность предотвращает совершение преступлений несовершеннолетними. Фактически расследование всех преступлений компетенции дознания, отнесенных законодательством к преступлениям небольшой и средней тяжести, является профилактической мерой, направленной на предупреждение тяжких и особо тяжких преступлений.

Профилактическую работу в подразделениях дознания условно можно разделить на две группы:

- 1) профилактическую работу в отношении подозреваемого, обвиняемого по конкретному уголовному делу (индивидуальная профилактика);
- 2) профилактическую работу в отношении других лиц.

Названные две группы профилактики объединяются понятием «специальная профилактика», поскольку она осуществляется специальными методами.

В науке и на практике различают процессуальные и непроцессуальные формы профилактической деятельности. Основной процессуальной формой профилактической работы выступает внесение представлений с предложениями об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений (ч. 2 ст. 158 УПК РФ). Другие процессуальные формы

не являются исключительно профилактическими, так как они выполняют и другие задачи, решаемые уголовным судопроизводством. Внесение же представлений в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления или других нарушений закона, имеет непосредственный профилактический характер.

Основными непроцессуальными формами профилактической деятельности являются [2]:

- доклады материалов уголовных дел в различных организациях, учреждениях, в том числе и в учебных заведениях;
- проведение лекций и бесед на правовую тематику;
- публикации в газетах и журналах, выступление по радио и телевидению;
- использование возможностей участия в судебных процессах представителей коллективов по месту работы, учебы обвиняемых и потерпевших;
- сообщение в подразделения по предупреждению преступлений несовершеннолетних о лицах, подлежащих постановке на профилактический учет, или о несовершеннолетних обвиняемых, в отношении которых не избрана мера пресечения не связанная с лишением свободы;
- направление в следственный изолятор справки-характеристики на обвиняемого;
- выставление в территориальные подразделения ФМС при МВД РФ сторожевых листов на обвиняемых, в отношении которых избрана мера пресечения не связанная, с лишением свободы;
- информирование в трехдневный срок соответствующие подразделения органов внутренних дел о лицах, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, а также в отношении, которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям для постановки на профилактический учет;
- направление информационных сообщений в отделы кадров по месту работы обвиняемых, в отношении которых не избрана мера пресечения, связанная с лишением свободы;
- внесение обобщенных представлений;
- направление информационных писем и рапортов о недостатках в работе служб и подразделений органов внутренних дел;
- сообщения в другие службы и руководству ОВД сведений, использующихся в профилактической деятельности.

Под организацией профилактической деятельности подразделений дознания понимается управление данным предметом деятельности этих подразделений. В нее входят такие элементы, как информационная и аналитическая работа, планирование, оказание помощи, контроль, ресурсное и иное обеспечение.

Значение организации профилактической деятельности в подразделениях дознания заключается еще и в том, что от ее организации во многом зависит эффективность профилактической деятельности, т. е. достижение максимально полезных результатов при минимизации физических и иных усилий и материальных затрат.

Показателем состояния профилактической деятельности могут служить и различные сведения о состоянии расследования уголовных дел. Единственным статистическим показателем, оценивающим профилактическую деятельность подразделений дознания, является количество дел, по которым внесены представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступления или других нарушений закона. В число дел, по которым внесены представления, включаются дела, направленные в суд, прекращенные, приостановленные, а также переданные по подследственности.

Кроме того, состояние профилактической работы в подразделениях дознания оценивается также по количеству:

- выступлений в организациях по уголовным делам, прочитанных лекций, проведенных бесед в организациях, учреждениях;
- публикаций и выступлений в средствах массовой информации, брифингах, пресс-конференциях;
- материалов, представленных в подразделения по связи с общественностью и средствами массовой информации;
- других форм взаимодействия со средствами массовой информации (СМИ);
- внесенных обобщенных представлений, информации рапортов, писем профилактического характера.

Помимо количественного анализа проводится и их качественный анализ. Изучаются внесенные представления за определенный период по следующим вопросам: кому внесены представления; какие обстоятельства, способствующие совершению преступлений, в них отмечены; какие меры по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений, в них предложены.

Аналитическая работа, касающаяся профилактической деятельности, может проводиться и по уголовным делам, находившимся в производстве дознавателей. В частности, изучается вопрос о том, внесены ли представления по всем делам, по которым в этом была необходимость и причины их не внесения.

Также анализируется количество, сроки, содержание ответов на представления, наличие правильной реакции на представления, качество, эффективность принятых по ним мер. Анализируется также и качество публикаций, других выступлений в СМИ. По результатам проведенной аналитической работы издаются методические рекомендации, обзоры, письма и т. д.

Организация профилактической работы изучается также по планам работы подразделений дознания, справкам о проведенных проверках, методическим документам, протоколам оперативных совещаний, положениям о подразделениях дознания и должностным обязанностям их сотрудников, докладным запискам и др. Означенные документы изучаются по следующим вопросам: отражена ли в них организация профилактической деятельности; в какой период времени проводятся мероприятия по организации профилактической деятельности; каково качество организационно-профилактических мероприятий.

В заключение хотелось бы кратко отразить проблемы управления профилактической деятельностью в подразделениях дознания, на решении которых должны концентрировать свое внимание их руководители. Главная проблема проявляется в том, что не по всем делам, по которым необходимо, вносятся представления об устранении обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Статистические данные указывают на то, что очень низка эффективность вносимых представлений.

Зачастую дознаватели не получают ответную информацию о принятых мерах по представлениям или же получают нередко формальные ответы на них. Это свидетельствует о том, что фактически меры по устранению обстоятельств, способствующих совершению преступлений не принимаются или имеют низкую эффективность.

Следует также отметить и невысокое качество вносимых представлений. Некоторые из них сводятся к сообщениям лишь о самом противоправном поведении конкретного лица, а в представлениях отсутствует глубокий анализ обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Не всегда в представлениях даются обоснованные рекомендации или, в других случаях, формулируемые предложения в представлениях не конкретизируются.

Не все имеющиеся формы профилактической работы реализуются дознавателями, а также недостаточно эффективно реализуется взаимодействие с другими службами и подразделениями ОВД по данным вопросам, иными правоохранительными органами, СМИ и общественностью.

В целях устранения указанных недостатков необходимо:

1. Дознавателям:

- в ходе планирования включать мероприятия профилактического характера;
- в ходе расследования уголовных дел своевременно вносить представления в компетентные органы об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления;
- при выявлении формального подхода к осуществлению взаимодействия со стороны органов дознания и служб вносить представления в соответствующие органы и службы в целях устранения формализма и повышения эффективности взаимодействия.

2. Начальникам подразделений дознания:

- при проведении занятий по служебной подготовке разъяснять дознавателям сущность и формы профилактической работы, содержание представлений и возможности контроля их исполнения;
- при планировании деятельности подразделения дознания обязательно включать мероприятия профилактического характера;
- при осуществлении процессуального контроля обращать внимание на наличие в уголовном деле и качество материалов профилактической направленности;
- контролировать исполнение представлений дознавателей и принимать меры в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения представлений путем повторного их направления с уведомлением контролирующих инстанций.

-
1. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия. 2-CD. Москва, 2004 (с изменениями и дополнениями).
 2. Инструкция о деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений (приложение № 1, п. 14): утв. Приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 17 января 2006 г. № 19.
 3. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. М., 1997. С. 351, 373.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Жукова Наталья Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры судебной экспертизы
и криминалистики,
НИУ «БелГУ»

Зверев В. О.

ОПЫТ РАБОТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ НА СЛУЖБЕ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ ПЕРИОДА САМОДЕРЖАВИЯ

В статье рассматривается идея преемственности в организации борьбы с уголовной преступностью между политической полицией и военной контрразведкой в межвоенный период времени (период времени между Русско-японской войной 1904–1905 гг. и Первой мировой войной). Теоретико-прикладным фундаментом выявления и пресечения фактов иностранного шпионажа в Российской империи явились нормативно-

правовые акты, регламентировавшие деятельность розыскных органов Департамента полиции МВД и другие достижения этого ведомства.

Ключевые слова: политическая полиция, филеры, секретные сотрудники, военная контрразведка, перлюстрация.

До начала XX века борьба с иностранным шпионажем в Российской империи находилась в сфере компетенции Департамента полиции МВД. Жандармские управления и охранные отделения осуществляли функцию выявления, задержания и доследственного разбирательства (формального дознания) по делам о шпионах вплоть до создания в штате Военного министерства специальных подразделений контрразведки (дата их основания – 1911 г.).

В годы своего становления военная контрразведка ввиду отсутствия собственных методик борьбы с агентурой иностранных держав перенимала опыт организации розыскных мероприятий у политической полиции, вследствие чего, наряду с рекомендациями «Инструкции начальникам контрразведывательных отделений», контрразведчиками были использованы приемы, регламентированные двумя ведомственными документами 1909 и 1914 гг.: «Инструкцией начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» и «Инструкцией по организации и ведению внутренней агентуры (составлена при Московском охранном отделении)».

Согласно первому из них, в ходе обнаружения преступников полиция использовала метод наружного наблюдения силами филеров (наблюдательных агентов). В историографии существуют категоричные суждения об их интеллектуальных способностях. По мнению одних авторов, наблюдательными агентами или, как их уничижительно именовали, «шпиками», были, как правило, люди с крепким здоровьем, «сплошь и рядом почти безграмотные, с трудом умеющие писать» [1, с. 10]. Другие исследователи считали, что до 3/4 сотрудников отдельно взятых филерских подразделений имели университетское образование и владели иностранными языками [2, с. 5].

На наш взгляд, большинство филеров полиции по своим индивидуальным качествам соответствовало прописанным в инструкции критериям профессионального отбора. Они предполагали наличие физических качеств и «природного ума» – сообразительности, способности нестандартно мыслить, принимать самостоятельные решения в экстренных случаях [3, с. 3].

Аналогичные основания приема распространялись и на желающих попасть в военную контрразведку. Предпочтение отдавалось вышедшим в отставку «разведчикам, бывшим в охотничьей команде, имеющим награды за разведку, отличную стрельбу и знаки отличия военного ордена» [4, л. 13], годным для слежки. Элементарная грамотность также являлась

непременным условием отбора агентов, так как была необходима для составления письменных отчетов, а также не терпящих отлагательства донесений своему руководителю с наблюдательного поста.

Каждый из принятых на службу в контрразведку филеров знакомился с приемами полицейского (наружного) наблюдения, как-то:

1. Каждому наблюдаемому дается кличка, характеризующая его внешность или выражающая собой впечатление, которое производит данное лицо.

2. Для конспиративного наблюдения рекомендуется одеваться по-сылными, торговцами, газетчиками, солдатами, сторожами, дворниками и т. п.

3. Чтобы скрытно посмотреть в лицо наблюдаемому, следует пользоваться людными улицами, трамваем, конкой, базарами и пр.

4. В случае невозможности вести объект пешим порядком, наблюдаемый передается конному наблюдателю, переодетому в извозчика.

5. Следуя за наблюдаемым, нужно соблюдать дистанцию [4, Ф. 2000. Оп. 16. Д. 23. Л. 13].

Руководствуясь этими и другими рекомендациями «Инструкции начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения», к примеру, в Санкт-Петербурге, филеры городской контрразведки осуществляли «надзор в местах (лавочках, чайных, ресторанах...), расположенных в близи учреждений Военного и Морского ведомств и посещаемых воинскими чинами» [4, Ф. 2000. Оп. 14. Д. 10. Л. 14]. Особое внимание было приковано к гостинице «Астория» и ее ресторану, являвшимся «местным центром» для приезжавших в столицу германских и австрийских подданных, «близко стоявших к делу военного и дипломатического шпионажа» [4, Ф. 1343. Оп. 8. Д. 531. Л. 1 а].

В Главном управлении генштаба Военного министерства понимали, что одностороннее применение наружного наблюдения было малоэффективным. Поэтому приобретение секретных сотрудников в составе дипломатических миссий, акционерных обществ, газетных издательств являлось «единственным и вполне надежным средством» для их последующей квалифицированной «ликвидации» [5, с. 2].

Как дело «щекотливое, требующее большого терпения и такта», вербовка поручалась заведующим агентурой военной контрразведки, разбиравшимся в таких приемах политического сыска, как:

1. Приобретение сотрудников возможно из числа обвиняемых и раскаивающихся, идущих на контакт, а также лиц, материально нуждающихся.

2. Для приобретения агентуры эффективен способ «подсаживания» в камеру к арестованному своего человека (но не сотрудника).

3. Лицо, намеченное к вербовке, рекомендуется секретно задерживать на улице. Способ этот эффективен тогда, когда имеются достаточные

улики для задержания этого лица в случае отказа от предложения сотрудничать.

4. Принятого сотрудника следует незаметно для него проверить опытным наружным наблюдением и поставить его под перекрестную агентуру.

5. Для свиданий с проверенным агентом используются конспиративные квартиры. Желательно избегать параллельных встреч агентов.

6. Для вызова на экстренные встречи должны быть выработаны условные сообщения, посылаемые по заранее намеченным адресам.

7. Во время ликвидации преступников возможен и арест самого агента, но по предварительной договоренности с ним [5, с. 3–15].

Следующим методом контрреагирования на вмешательство иностранных шпионов, также заимствованным в арсенале политической полиции, была перлюстрация. В Санкт-Петербурге, например, она осуществлялась по двум направлениям – взаимодействие сотрудников контрразведки с Отделением цензуры иностранных газет и журналов городского почтамта и самостоятельный просмотр корреспонденции.

Согласно ст. 368¹, 3055¹¹ Устава Уголовного Судопроизводства вскрытие и копирование частной почтовой корреспонденции являлось противоправным деянием, и допускалось лишь в ходе производства следственных действий при обязательном разрешении судебной власти и прокурорского надзора [6, с. 76, 178]. Однако данные нормы, носившие лишь декларативный характер, нарушались как Департаментом полиции МВД (при содействии «черного кабинета»), так и подразделениями Военного министерства, в том числе контрразведкой.

Получаемые перлюстрацией сведения на подозревавшихся в шпионаже относились к числу тех секретных данных, которые могли помочь стать «отправной точкой для разработки шпионского дела». Однако вплоть до июля 1912 г. военное ведомство, «в рамках своих возможностей», перлюстрацией не занималось. Необходимую помощь по изъятию и копированию дипломатической почты контрразведке оказывал петербургский «черный кабинет». Как явствует из перехваченного его сотрудниками официального письма из Германии на имя ее посла в России Г. фон-Люциуса, переписка с последним была крайне затруднена ввиду «ревностной деятельности русского черного кабинета» [4, Ф. 2000. Оп. 14. Д. 67. Л. 308].

Уже к 1913 г. перлюстрационный контроль за лицами, подозревавшимися в военном шпионаже и соотечественниками, вставшими на путь измены Родине, был поставлен, в частности, в столичном контрразведывательном отделении «на достаточных основаниях». По указанию агентуры контрразведчики осуществляли самостоятельное вскрытие корреспонденции конкретных персон, а при наличии на то веских оснований и крайней необходимости – некоторых особ царской семьи. В сентябре 1913 г. в сфе-

ру интересов контрразведки попала великая княгиня Вера Константиновна. Она ходатайствовала перед государем о предоставлении русского подданства барону Ф. Ван-дер-Ховену, находившемуся в связях с немецким журналистом З. Геом, подозревавшимся в шпионаже в пользу Германии [4, Ф. 2000. Оп. 14. Д. 15. Л. 67].

Заключая, отметим, что созданная в период самодержавия военная контрразведка вобрала в себя лучшие методические приемы репрессивно-карательных органов самодержавия. Несмотря на свою молодость в короткий срок она сумела создать отделения профессиональных филеров, многоуровневый и работоспособный агентурный аппарат, овладеть искусством перлюстрации, ставшие важным инструментарием борьбы с иностранными разведками в преддверии и во время Первой мировой войны.

-
1. Жилинский В. Б. Организация и жизнь Охранного отделения во времена царской власти. М., 1918. С. 10.
 2. Волков А. Петроградское охранное отделение. Пг., 1917. С. 5.
 3. Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения. СПб., 1908. С. 3.
 4. Российский государственный военно-исторический архив.
 5. Тайны политического сыска. Инструкция о работе с секретными сотрудниками / сост. З. И. Перегудова. СПб., 1992. С. 2.
 6. Свод Законов Российской Империи. Устав Уголовного Судопроизводства. Берлин, 1924. Т. XVI. Ч. I.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Зверев Вадим Олегович,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры криминологии, психологии
и педагогики,
Омская академия МВД России

Кузовкина Т. С.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ СВОБОДЫ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И СВОБОДЫ ВЫБОРА МЕСТА ПРЕБЫВАНИЯ И ЖИТЕЛЬСТВА

Статья посвящена рассмотрению закрепления права каждого на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в общепризнанных принципах и нормах международного права. Автор анали-

зирует международно-правовые акты, регламентирующие право человека на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства.

Ключевые слова: конституционное право, право, свобода, передвижение, место пребывания и жительства

Важным условием существования личности в современном обществе является присутствие у нее единого комплекса прав и обязанностей, закрепленных общепризнанными нормами различных отраслей права. Отталкиваясь от сложившейся нормативно-правовой базы в области прав человека и ее действий в их защите и обеспечении, а также системности ее применения в международных отношениях ряда государств, следует отметить международно-правовые стандарты, возникшие в этой области. Принято называть все международно-правовые нормы в области прав и свобод человека международно-правовыми стандартами [1]. Данным термином охватываются весьма неоднородные нормы, такие, как правила международных договоров, резолюций международных организаций, политических договоренностей, (например: Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Соглашение о создании Содружества Независимых государств, Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества, международные обычаи и др.)

Однако необходимо отметить, что в центре внимания возникших отношений между государствами в области защиты и гарантий реализации прав человека лежат вопросы обеспечения действия международно-правовых стандартов. Одной из основных проблем, стоящих перед международным сообществом является проблема соотношения международного и внутригосударственного права. В настоящее время, пожалуй, она приобрела особую остроту и актуальность в связи с расширением сферы действия, усложнением структуры, а также дифференциацией субъектов международных отношений [2].

На международном, межгосударственном уровне свобода передвижения и выбора места жительства впервые была закреплена в Всеобщей декларации прав человека, принятой на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, от 10 декабря 1948 г. В ч. 1 ст. 13 которой, сказано: «Каждый человек имеет право свободно передвигаться и выбирать себе местожительство в пределах каждого государства». Помимо этого, в ст. 29 Декларации, в первый раз на таком уровне закреплялись пределы законодательно допустимых ограничений, то есть определенных «законом, исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Всеобщая декларация прав человека устанавливает «общий стандарт», к которому необходимо стремиться. Положения статей Декларации базируются на современных демократических началах. Это единственный

из первых международных документов, который отражает и провозглашает высшей ценностью равенство всех людей между собой, а также в гражданских, политических, экономических, социальных и культурных правах.

Следующим этапом законодательного закрепления свободы передвижения и свободы выбора места жительства в международном законодательстве стало принятие 16 декабря 1966 года Международного пакта о гражданских и политических правах. В ч. 3 ст. 12 которого, было сказано: «Каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства, принадлежит, в пределах этой территории, право на свободное передвижение и свобода выбора местожительства». Кроме того, государство, ратифицирующее Пакт обязывалось «обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия». СССР подписал настоящий Пакт 18 марта 1968 г., а 18 сентября 1973 года ратифицировал Указом Президиума ВС СССР № 4812-VIII. Однако, официально для СССР Международный пакт о гражданских и политических правах вступил в силу только 23 марта 1976 года.

Очень важным документом, где закрепляется право на свободу передвижения является Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, которая была принята 4 ноября 1950 года и вступила в силу 3 сентября 1953 года. При вступлении в 1996 г. России в Совет Европы существовали несколько условий и рекомендаций, которые следовало осуществить. Одной из таких рекомендаций стала ратификация Конвенции о защите прав человека и основных свобод, и протоколов к ней. 30 марта 1998 г. Федеральным законом № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» Российская Федерация ратифицировала данный протокол, который вступил в силу с 5 мая 1998 года. Она состоит из нескольких разделов. К ней были приняты четырнадцать протоколов, дополняющих её и вносящих в неё изменения. Конвенция – старейший международный договор, предназначение которого заключается в том, чтобы гарантировать соблюдение прав человека. По этой причине предоставляемый ею инструмент защиты прав и свобод является наиболее развитым. Согласно статье 1 ратифицирующие Конвенцию государства автоматически принимают на себя двоякое обязательство. Во-первых, они обязаны обеспечить, чтобы их национальное законодательство соответствовало Конвенции. Предполагается, что данное обязательство, подкрепляемое содержащимся в статье 64 запретом на оговорки общего характера, подлежит соблюдению с того самого момента, когда Конвенция вступает в силу для государств, которые ее ратифицировали. В отдельных случаях, с целью выполнения взятых на себя обязательств, им приходится вносить изменения в свое законодательство и практику. Во-вторых, присоединяющиеся к Конвенции государства обя-

заны исключить, какие бы то ни было имеющиеся у них нарушения защищаемых Конвенцией основных прав и свобод.

Следует подчеркнуть, что в Протоколе № 4, принятом в Страсбурге 16 сентября 1963 года в дополнение к Конвенции, в ст. 2 закреплена свобода передвижения и свобода выбора места жительства: «Каждый, кто на законных основаниях находится на территории какого-либо государства, имеет в пределах этой территории право на свободу передвижения и свободу выбора места жительства». Согласно ст. 6 указанного Протокола, положения его статей 1–5 являются дополнительными статьями к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Анализ вышеуказанных и иных нормативно-правовых актов продемонстрировал, что нередко термины «liberty» или «freedom» («свобода») приводятся в взаимосвязи с понятиями, которые значительно шире в сравнении с теми, которые охватываются применимыми положениями Конвенции. В статье 5, которая считается главным среди этих положений, речь идет о лишении физической свободы. Статья 5 предусматривает, главным образом, свободу от произвольного ареста и задержания. Статья 4 позволяет уполномоченным органам налагать конкретные виды трудовых или служебных обязательств, которые при определенных обстоятельствах могут ограничить свободу передвижения, статья 2 Протокола № 4 регулирует свободу передвижения и свободу выбора места жительства. В качестве отправного пункта индивид не подотчетен государству или обществу за его повседневное местопребывание. Он может находиться дома или в ином месте и не должен отчитываться – это свобода в личном или физическом смысле. Однако Европейский Суд по правам человека проводит различие между общими ограничениями для населения в целом, к которым статья 5 никак не применяется, и ограничениями для конкретного индивида, к которым она применяется. Так, в деле «Сергей Викулов и другие против Латвии» [3], Европейский Суд напоминает, что данное дело прямо относится исключительно к лишению свободы, указанному в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, то есть к предварительному заключению под стражу в рамках производства по уголовному делу. Оно не применяется к иным положениям, связанным с вопросом о лишении свободы, которые содержатся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, и, в частности, к задержанию с целью высылки или выдачи, предусмотренному подпунктом «f» пункта 1 статьи 5 Конвенции, таким образом жалоба была отклонена.

Необходимо отметить то, что Европейский Суд реализовывает толкование положений Европейской конвенции с учётом современных реалий общества и конвенционные положения приобретают более широкую смысловую нагрузку. В связи этим представляют интерес постановления Европейского Суда по правам человека в плане их согласованности с национальным законодательством [4]. Частью ограничений общего характера, не

попадающих в область действия статьи 5, считаются требования о том, что все жители регистрируют у властей свое обычное место жительства, соблюдают правила дорожного движения и т. д. Определенные общие ограничения свободы, такие, как комендантский час, вводимый в период напряженности, также попадают под эту категорию. Совместно с этим, когда власти содержат индивида в ограниченном физическом пространстве, Суд считает, что в данном случае статья 5 применима. Несмотря на то, что такие ограничения могут представлять собой лишение свободы по смыслу Конвенции, зачастую такая оценка затрагивает вопросы степени, когда Комиссия по правам человека считала, что индивидуализированное ограничение личной свободы, например, приказ оставаться в определенном месте либо отчитываться в полицейском участке раз в неделю, не равнозначно запрещаемому лишению свободы.

Кроме этого, само словосочетание «право на свободу передвижения», так часто употребляемое российскими и зарубежными юристами, выглядит терминологически не совсем удачным. Не подвергается сомнению то, что термины «право» и «свобода» обладают своей спецификой и имеют некоторые различия согласно содержанию, например: «Право – официальный каталог свободы личности. Оно не создает, не порождает свободу, а только фиксирует ее наличие в обществе и вводит механизм защиты интересов личности» [5]. Сочетание в одном выражении сразу нескольких ключевых элементов правового статуса личности может внести определенные затруднения в юридическое толкование свободы передвижения и выбора места жительства. Таким образом, целесообразнее рассматривать или индивидуальную свободу, или право человека, не совмещая данные понятия. Подобная точность необходима, прежде всего, с целью устранения двусмысленности и отсутствия четкости в формулировках. Тем более то, что в международно-правовых стандартах в данной области законодатель отдает предпочтение именно употреблению термина «свобода передвижения и свобода выбора места жительства». Подобное, скорее всего, объясняется тем, что свобода передвижения и выбора места жительства больше принадлежит к категории основных «свобод», чем «прав» человека, несмотря на их схожесть. Не подлежит сомнению и тот факт, что свобода передвижения и выбора места жительства принадлежит каждому человеку от рождения и является неотчуждаемой.

Изучение юридической литературы показало, что в целом, конституционные нормы в ряде стран, регулирующие свободу передвижения и свободный выбор места жительства отвечают международно-правовым стандартам.

Так американская концепция прав и свобод человека базируется на идее их естественного происхождения и неотчуждаемости. Эта идея была четко выражена в Декларации независимости от 4 июля 1776 г., объявлявшей о независимости от Великобритании ее прежних колоний, учредив-

ших 13 независимых государств (штатов). В Декларации говорилось: «мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди рождены равными и наделены их творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относится жизнь, свобода и стремление к счастью».

В Конституции Китайской Народной Республики свобода передвижения, а, следовательно, и выбора места жительства, закреплена в текущем законодательстве. Такое решение вопроса вряд ли возможно признать правомерным, поскольку свобода передвижения и выбор места жительства – конституционные нормы, и по этой причине, они обязаны содержаться в Конституции [6].

Рассматривая соответствующие статьи конституций отдельных государств-участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) и ряда государств Балтии, в которых закреплена свобода передвижения и выбор места жительства, и сопоставление данных понятий между собой, а также с Международным пактом о гражданских и политических правах, можно проследить определенные закономерности. Условно Конституции государств-членов СНГ и ряда стран Балтии можно разделить на две категории относительно субъекта реализации указанного права. Так, в первую категорию входят страны, в Конституциях которых понятие «каждый» заменено понятием «гражданин». В Конституции Узбекистана, в ст. 28 закреплено, что «Гражданин Республики Узбекистан имеет право на свободное передвижение по территории Республики, въезд в Республику Узбекистан и выезд из нее, за исключением ограничений, установленных законом». В ст. 30 Конституции Республики Беларусь сказано: «Граждане Республики Беларусь имеют право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Республики Беларусь, покидать ее и беспрепятственно возвращаться обратно». А в ч. 1 ст. 32 Конституции Литвы сказано, что «гражданин может свободно перемещаться и выбирать место жительства в Литве». Данные сведения позволяют нам предположить, что данным правом не наделяются лица, не являющиеся гражданами государства, т. е. иностранные граждане и лица без гражданства. В этом случае указанное право не неотделимо, никак не неотчуждаемо, а принадлежит только лишь гражданину государства.

В иную категорию входят Кыргызская Республика (ч. 2 ст. 25: «Каждый имеет право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в Кыргызской Республике»); Республика Армения (ст. 22: «Каждый гражданин свободен в передвижении и выборе места жительства на территории Республики»); Туркменистан (ч. 1 ст. 24: «Каждый имеет право свободно передвигаться и выбирать место жительства в пределах Туркменистана»). Ст. 21 Конституции Казахстана гласит: «Каждому, кто законно находится на территории Республики Казахстан, принадлежит право свободного передвижения по ее территории и свободного выбора местожительства, кроме случаев, оговоренных законом». Эстония в ст. 34

Конституции закрепляет: «Каждый, кто прибывает в Эстонии на законных основаниях, имеет право на свободное передвижение и выбор места жительства. В определенных случаях и в порядке право свободного передвижения может быть ограничено в целях защиты прав и свобод других людей, в интересах обороны государства, в случаях стихийного бедствия и катастрофы, в целях пресечения распространения инфекционных заболеваний, защиты природной среды, предупреждения безнадзорности несовершеннолетних или душевнобольных и обеспечения производства уголовных дел». Вышеуказанные выписки статей Конституций в наиболее полной мере отвечают международно-правовым стандартам. Более того, в Конституции Эстонии точный перечень всех вероятных ограничений этого права закреплен в высшем законе государства.

Очень важно подчеркнуть, что в Конституции Республики Узбекистан (ст. 28) никак не закреплено право свободного выбора места жительства, что дает возможность сделать предположение о закреплении данного права в текущем законодательстве либо игнорировании данного права законодателем. Помимо законодательного закрепления указанного права, все Конституции стран СНГ устанавливают, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры данных стран, считаются составляющей национальной системы права.

В заключение следует отметить, что исследование конституций и ключевых законов отдельных государств мира показывает, что формулировки Конституций европейских государств в основной массе соответствуют общепризнанным мировым стандартам в этой области. Однако, вероятность лица перемещаться и выбирать место жительства в конституционном закреплении разных государств редко применяется в отсутствие упоминания о «свободе». В соответствии с нашим мнением, это обуславливается тем, что предписанное правомочие в большей степени принадлежит к категории «свобод» (таким образом, принадлежит каждому человеку от рождения и является неотчуждаемым), чем «прав» человека и гражданина. Тем более, что международно-правовые стандарты предоставляют преимущество непосредственно «свободе передвижения и выбора места жительства».

-
1. Филатов А. В. Организационно-правовые основы и исторические особенности обеспечения свободы передвижения и свободы выбора места жительства в России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 93.
 2. Березовская Е. В. Международное и внутригосударственное правовое регулирование. Проблемы соотношения // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 8. С. 76.
 3. Решение Европейской комиссии по правам человека по делу «Сергей Викулов и другие против Латвии» от 25 марта 2004 г., жалоба

№ 16870/03 // Сборник актов Европейской комиссии по правам человека. С. 272.

4. Бучакова М. А. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод в системе источников российского права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2014. № 3 (40). С. 150.

5. Петрухин И. Л. Человек и власть. М.: Юрист, 2001. С. 23.

6. Златопольский Д. Л. Государственное право зарубежных стран: Восточной Европы и Азии. М., 2001. С. 174.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузовкина Татьяна Сергеевна,
адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин,
Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова

Ляхова А. И.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ

В статье рассматриваются проблемы адаптационного процесса молодых специалистов в системе правоохранительных органов, а также влияние на данный процесс особенностей профессиональной деятельности по предупреждению и пресечению преступлений.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, полиция, молодые специалисты, адаптационный процесс.

Полноценное включение сотрудников, начинающих профессиональную деятельность в системе органов внутренних дел, невозможно без реализации современного подхода к организации процесса адаптации к служебной деятельности.

Претенденты, поступающие на службу в органы внутренних дел, обязаны проходить психологическое, психофизиологическое и химикотоксикологическое исследования, а также тестирование в целях выявления лиц с нервно-психической неустойчивостью, склонностью к злоупотреблению спиртными напитками, употреблению не в медицинских целях наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Необходимость проведения такого тщательного профессионально-психологического отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел обусловлена:

1) повышенными требованиями к личности сотрудника полиции, который задействован в сложных социально-правовых отношениях;

2) тяжестью правовых последствий от ошибок в правоприменительной сфере, которые нарушают конституционные права и законные интересы граждан, негативно влияют на авторитет правоохранительных органов;

3) значительными временными и материальными затратами на подготовку специалистов в области правоохранительной деятельности государства.

Представление о службе в правоохранительных органах у абитуриентов складывается еще до поступления в учебное заведение, однако, зачастую эти представления односторонние, стереотипные и не в полной мере отражают действительность.

При поступлении на службу в органы внутренних дел, молодые специалисты психологически не адаптированы к своему новому правовому статусу и возлагаемым на них государственно-властным полномочиям, служебным обязанностям. Новые условия жизнедеятельности, которые характеризуются высоким темпом и ритмом службы, строгим распорядком служебного времени требуют от молодых сотрудников изменений прежних форм поведения, отказа от привычек, изменения круга общения. Эти обстоятельства вызывают определенные психологические переживания и, зачастую, являются пусковым механизмом возникновения социально-психологической напряженности (поскольку большинство молодых специалистов отмечают противоречия между их интересами и потребностями и результатами их фактического удовлетворения, что приводит к появлению желания изменить область профессиональной деятельности). Наличие такой напряженности создает препятствия в профессиональной адаптации молодого сотрудника, как в коллективе, так и в служебной деятельности.

Организация работы по совершенствованию процесса адаптации молодых специалистов в органах правопорядка должна включать реализацию следующих задач:

1. Изучение мотивов поступления претендента на службу, его семейного положения и социального окружения.

2. Предварительное изучение и психологическое исследование субъективных особенностей кандидатов перед принятием на службу, выработка рекомендаций по сфере их профессионального применения.

3. Изучение индивидуально-личностных особенностей молодого специалиста в период испытательного срока, прохождения стажировки с использованием методик, позволяющих определить эмоциональные характеристики личности, показатели адаптивности к службе, конфликтности и других важных характеристик нового сотрудника (стажера).

4. Проведение психологического обследования молодого специалиста проводить не менее двух раз за период стажировки: перед началом профессиональной деятельности и в течение испытательного срока. Под-

готовка на основе полученных результатов рекомендации по индивидуально-воспитательной работе для командиров подразделений и наставников. По окончании испытательного срока руководители подразделений, наставники должны представить отчет о работе сотрудника аттестационной комиссии.

5. Систематическое наблюдение за деятельностью и поведением молодого специалиста в служебной и бытовой сфере информирование психолога при выявлении у молодых специалистов каких-либо отклонений в поведении, в адаптации к служебной деятельности.

6. Работу с молодыми сотрудниками, прослужившими в органах внутренних дел от 1 до 3 лет, в целях выяснения степени их адаптации в коллективе, к условиям службы. Данные сведения позволят планировать организацию служебной деятельности, оказывать помощь в становлении профессиональных навыков у молодых сотрудников, выявить элементы дезадаптации сотрудника и оказать своевременную помощь.

Решение этих задач входит в профессиональную компетенцию работников кадрового аппарата и отделов по работе с личным составом, специалистов центров психодиагностики, практических психологов МВД [3, с. 27].

Предлагаем рассмотреть вопрос о совершенствовании адаптации молодых специалистов в органах правопорядка с позиции оптимизации наставничества как наиболее эффективного метода адаптации сотрудников.

Направления совершенствования института наставничества следует разделить на три блока: организационно-методический, финансово-экономический и кадровый.

В рамках организационно-методического блока мер предлагается разработать алгоритм организационного и документационного обеспечения наставничества, а также учебно-методическое обеспечение деятельности наставников, которое включает разработку и внедрение методических рекомендаций по организации и практической реализации наставничества в органах внутренних дел.

Работа по организационному сопровождению наставничества включает в себя: информационное обеспечение подбора наставников; анализ и обобщение опыта работы наставников; установление и поддержание устойчивого контакта с наставником и лицом, в отношении которого осуществляется наставничество, в целях своевременного оказания необходимой помощи.

В рамках документационного сопровождения процесса наставничества требуется подготовка проектов нормативных актов, по сопровождению процесса наставничества; оказание консультативной помощи в разработке перечня мероприятий по наставничеству; внесение в личные дела сотрудников соответствующих записей и документов.

Методические рекомендации по организации и практической реализации наставничества в органах внутренних дел должны включать следующие разделы: порядок назначения наставников и определение лиц, в отношении которых осуществляется наставничество; алгоритм взаимодействия наставника и сотрудника; перечень типовых мероприятий по наставничеству; алгоритм и критерии оценки эффективности деятельности наставника, а также критерии адаптированности молодого специалиста.

В целях реализации индивидуального подхода в планировании и реализации работы по адаптации молодых специалистов в системе государственной службы методические рекомендации по адаптации сотрудников полиции должны содержать практические рекомендации по применению инструментов адаптации на практике, в зависимости от их содержания и характера решаемых задач.

Деятельность по осуществлению профессиональной адаптации молодых сотрудников, которая проводится подразделением кадровой и воспитательной работы кадров, должна строиться с учетом: изучения личности молодого специалиста; изучения сотрудника в процессе осуществления профессиональных обязанностей и изучения личности в коллективе и через коллектив.

Результатами совершенствования адаптации молодых специалистов в органах внутренних дел будут являться:

Со стороны молодых специалистов после прохождения адаптации: получение полной информации, необходимой для быстрого вхождения в должность и дальнейшей эффективной работы сотрудника; снижение уровня неопределенности, тревожности и беспокойства; повышение удовлетворенности содержанием работы, ее условиями, статусом профессии и развитие позитивного отношения к государственной службе в целом; освоение основных норм организационной культуры и правил поведения; выстраивание эффективной системы взаимодействия с коллегами [1, с. 30].

Со стороны руководства подразделения с выстроенной системой адаптации: создание механизма оценки профессиональных и управленческих компетенций сотрудника и его потенциала по итогам работы в первые месяцы; выявление недостатков существующей в организации системы адаптации сотрудников [2, с. 51]; развитие профессиональных компетенций наставников; обоснование кадровых решений в отношении как молодого специалиста, так и наставников после окончания адаптационного периода.

Таким образом, предложенные направления совершенствования процесса адаптации молодых специалистов в органах внутренних дел включают: активизацию деятельности всех лиц, принимающих участие в работе с молодыми сотрудниками в период их адаптации; развитие собственной активности молодых сотрудников; системный и комплексный подход к работе с молодыми специалистами; формирование системы методики работы

с молодыми сотрудниками по видам и этапам адаптации, с учетом индивидуальных трудностей адаптационного периода.

1. Петрова А. С., Шелепова М. А. Профессиональная адаптация молодых специалистов ОВД: понятие и пути совершенствования // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 3. С. 29–33.
2. Шуклин М. С. Проблемы трудовой адаптации молодых кадров органов внутренних дел: монография. Екатеринбург: УЮИ, 2007. 104 с.
3. Шуклин М. С. Психологические особенности работы по повышению уровня адаптации молодых специалистов в подразделениях ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 1. С. 26–28.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ляхова Анжелика Ивановна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и процесса,
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет

Миронов В. Л.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ МВД РОССИИ В ЦЕЛЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ГРАЖДАНАМИ

В статье определена правовая основа функционирования официального интернет-сайта МВД России, рассматриваются основные формы электронного информационного взаимодействия МВД России с физическими и юридическими лицами.

Ключевые слова: информационное взаимодействие, обращения граждан, интернет-сайт, онлайн-сервис, государственная услуга.

В соответствии с требованиями Федерального закона Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» и Указа Президента Российской Федерации от 10 августа 2011 г. № 1060 «Об утверждении перечня информации о деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации, размещаемой в сети Интернет» МВД России был создан ряд интернет-ресурсов, основным из которых является официальный сайт министерства (<https://mvd.ru> или <https://мвд.рф>). Структура, содержание, функциональные возможности и

порядок эксплуатации данного сайта определяются приказом МВД России от 14 января 2013 г. № 15 «О вводе в эксплуатацию аппаратно-программного комплекса «Официальный интернет-сайт МВД России» и в полной мере соответствуют Требованиям к технологическим, программным и лингвистическим средствам обеспечения пользования официальными сайтами федеральных органов исполнительной власти, утвержденных приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 16 ноября 2009 г. № 470.

Реализуя положения подпункта «г» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» МВД России представляет сведения о своей деятельности в форме открытых данных, которая предполагает размещение информации в сети Интернет в виде массивов данных, организованных в формате, обеспечивающем их автоматическую обработку в целях повторного использования без предварительного изменения человеком (машиночитаемый формат), и на условиях ее свободного и бесплатного использования.

Официальный интернет-сайт МВД России состоит из следующих структурных компонентов:

- федеральный интернет-сайт МВД России и его англоязычная версия;
- интернет-сайт ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск;
- интернет-сайты территориальных органов МВД России на окружном уровне;
- интернет-сайты территориальных органов МВД России на межрегиональном уровне;
- интернет-сайты территориальных органов МВД России на региональном уровне;
- интернет-сайт Симферопольского линейного отдела Министерства внутренних дел Российской Федерации на транспорте.

Информационное взаимодействие между перечисленными сайтами осуществляется за счет использования единой программно-аппаратной платформы, обеспечивающей их функционирование.

Основными задачами сайта МВД России являются в формировании объективного представления о деятельности МВД России, взаимодействии со средствами массовой информации, оказании информационной поддержки гражданам Российской Федерации.

Основные функции сайта МВД России заключаются в следующем:

1. Публикация актуальной нормативной правовой, статистической и справочной информации по направлениям деятельности МВД России.
2. Предоставление доступа к информационным материалам, документам, аудио- и видеоконтентам о деятельности МВД России.

3. Информирование граждан об антикоррупционной работе в МВД России.

4. Прием обращений граждан Российской Федерации.

5. Информационное взаимодействие с официальным сайтом Президента Российской Федерации в части обеспечения заявителям доступа в разделе «Личный кабинет» на официальном сайте Президента Российской Федерации к результатам рассмотрения их обращений МВД России.

6. Формирование первоочередных наборов данных, подлежащих публикации в форме «Открытых данных».

7. Проведение опросов мнения граждан Российской Федерации относительно деятельности МВД России.

8. Публикация информации о разыскиваемых МВД России лицах.

МВД России активно осваивает социальные сети. Для этого созданы:

- канал на видеохостинге YouTube;
- официальные группы МВД России в социальных сетях «ВКонтакте» и Одноклассники;
- аккаунт в социальной сети Facebook;
- твиттер-лента новостей интернет-сайта МВД России;
- официальный аккаунт на сервисе Instagram.

В домене mvd.ru собственные официальные сайты имеет ряд структурных подразделений МВД России, например, Главное управление на транспорте (<https://gut.mvd.ru>), Департамент государственной службы и кадров (<https://dgsk.mvd.ru>), Департамент по материально-техническому и медицинскому обеспечению (<https://dt.mvd.ru>). Официальные сайты имеют все образовательные организации МВД России.

Важной формой электронного информационного взаимодействия МВД России с гражданами является прием обращений, направляемых последними через специальные формы на официальных сайтах территориальных органов МВД России на региональном уровне. Обращение в адрес подразделений центрального аппарата МВД России направляется через сайт mvd.ru. Обращения граждан, касающиеся деятельности ГИБДД МВД России, могут быть направлены через сайт gibdd.ru в Главное управление по обеспечению безопасности дорожного движения МВД России либо непосредственно в орган управления Госавтоинспекции по субъекту Российской Федерации. Для подачи электронного обращения требуется заполнить стандартизованный бланк, обязательно указав фамилию, имя, почтовый или электронный адрес для направления ответа, суть обращения. Обращение может содержать вложенные документы и материалы в электронной форме (приложения) в виде одного или нескольких файлов.

Обращения в форме электронного документа рассматриваются в соответствии с Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и приказом МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции

об организации рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации».

В последнее время МВД России активно создает разнообразные онлайн-сервисы, которые позволяют пользователю оперативно получить актуальную информацию:

- проверка наличия неоплаченных штрафов за правонарушения в области дорожного движения и их оплаты;
- проверка факта выдачи водительского удостоверения и наличия информации о лишении права управления;
- проверка транспортного средства (история регистрации в ГИБДД, участие в ДТП, нахождение в розыске, наличие ограничений на регистрационные действия);
- поиск информации о территориальных отделах полиции и участковых уполномоченных полиции;
- проверка удостоверения частного охранника;
- поиск лиц в базе данных наиболее опасных разыскиваемых преступников.

Отметим, что доступ к информации через онлайн-сервисы не является получением государственной услуги, так как упрощенный порядок работы с сервисом не соответствует типовым правилам предоставления госуслуг. В частности, запрос информации происходит анонимно, также не гарантируется работоспособность сервисов.

Заявки физических и юридических лиц на получение государственной услуги обрабатываются на Портале государственных услуг (<https://www.gosuslugi.ru>), который создан в рамках реализации требований Постановления Правительства Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)». Для получения государственных услуг на портале требуется предварительная регистрация, в результате которой для пользователя создается личный кабинет, в котором он может подавать заявления на получение госуслуг и контролировать результат.

В соответствии с требованиями Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» МВД России осуществляет предоставление государственных услуг и функций в упрощенном порядке, суть которого заключается в том, что для получения государственной услуги от МВД России заявителю требуется предъявить минимальное количество документов, а большая их часть запрашивается через систему межведомственного электронного взаимодействия федеральных органов исполнительной власти.

В зависимости от того, в какой форме будет представлен результат оказания услуги – электронной или бумажной – все электронные услуги можно разделить на два вида.

1. Полностью дистанционные. Как запрос на получение услуги, так и ее результаты формируются в электронном виде и посещать государственное учреждение заявителю не требуется. В данное время МВД России оказывает только одну такую услугу – информирование о наличии административных правонарушений в области дорожного движения. Для предоставления информации о наличии правонарушения заявитель должен ввести в предложенные поля электронного запроса государственный регистрационный знак автомобиля и номер свидетельства о регистрации транспортного средства. В результате обработки запроса гражданину выдаются сведения о дате, месте и виде административного правонарушения, либо сообщение об отсутствии правонарушений. В первом случае будет предоставлена возможность либо распечатать квитанцию, либо перейти к оплате в режиме онлайн.

2. Частично дистанционные. В этом случае заявка на получение госуслуги подается на портале, а за результатом необходимо прийти лично. Частично дистанционные услуги существенно экономят время заявителя. В государственный орган нужно будет прийти только один раз – за получением результата услуги. Выбор времени визита минимизирует период ожидания в очереди. Электронное заявление проверяется автоматически: если в нем будет обнаружена ошибка, то исправить ее можно в электронной форме заявления. В личном кабинете можно отслеживать статус заявки: на проверке, принято, готово.

Кроме того, лаконичное и понятное изложение порядка предоставления услуг, исчерпывающий перечень необходимых документов с пояснениями по их составлению, указание стоимости услуг и сроков их предоставления, определение оснований для отказа и разъяснение порядка обжалования, безусловно, помогает заявителям разобраться в ситуации без личного посещения соответствующих государственных органов.

МВД России оказывает большое количество частично дистанционных государственных услуг. К основным из них можно отнести следующие:

- получение и замена водительского удостоверения;
- совершение регистрационных действий с транспортными средствами;
- получение архивных справок гражданами;
- получение справки о реабилитации жертв политических репрессий;
- проведение добровольной государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации;
- проставление апостиля на официальных документах, подлежащих вывозу за пределы Российской Федерации;

- получение справки о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования;
- предоставление адресно-справочной информации;
- регистрация граждан по месту жительства или пребывания;
- выдача или замена паспорта гражданина Российской Федерации;
- выдача загранпаспорта гражданина Российской Федерации;
- оформление и выдача приглашений на въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства;
- выдача иностранным гражданам и лицам без гражданства вида на жительство в Российской Федерации;
- выдача иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на временное проживание в Российской Федерации;
- выдача заключений о соответствии объектов и помещений, в которых осуществляются деятельность, связанная с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, установленным требованиям;
- выдача заключений работникам для работы с наркотическими средствами, психотропными веществами и прекурсорами;
- выдача разрешений на право ввоза (вывоза) наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров.

С подробным перечнем государственных услуг, оказываемых МВД России, можно ознакомиться на официальном сайте министерства или на Портале государственных услуг.

Предоставление государственных услуг в электронном виде позволяет сократить сроки оказания услуг, уменьшить финансовые издержки граждан и юридических лиц, ликвидировать бюрократические проволочки вследствие внедрения электронного документооборота, снизить коррупционные риски, устранить административные барьеры и повысить доступность получения услуг.

Присутствие МВД России в сети Интернет позволяет на качественно новом уровне организовать диалог с гражданами и юридическими лицами по вопросам реализации их прав и законных интересов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Миронов Вадим Леонидович,
преподаватель кафедры деятельности ГИБДД
и информационных технологий,
Московский областной филиал
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Митина Т. В.

ПРАВО НА ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В РОССИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕСТРОСПЕКТИВЕ: ПЕРИОД РАЗВИТИЯ ДО 1864 ГОДА

В настоящее время в России прослеживается тенденция развития института права на доступ к правосудию, как одного из основных факторов, определяющих тенденции и перспективы развития российской правовой системы [1]. Объективно установлено, что правосудие является наиболее надежным и цивилизованным способом разрешения конфликтов, защиты прав и свобод граждан, интересов гражданского общества и государства. При этом право на доступ к правосудию представляет собой систему общеобязательных, формально-определенных правил поведения, обеспечивающих возможность на беспрепятственное обращение в суд каждого; беспристрастное рассмотрение и разрешение дела независимым судом в установленные законом сроки, на основе состязательности процесса, обеспечиваемого равенством сторон; гарантированных установленной государством процедурой возбуждения, расследования, рассмотрения и разрешения дела.

Между тем, в процессе становления судебной и правовой системы в России, проведенного целого ряда не всегда последовательных реформ, право на доступ к правосудию прошло огромный путь.

Исследуя зачатки права на доступ к правосудию в России в период до судебной реформы 1864 года, приходим к выводу, что, несмотря на то, что понятие «право на доступ к правосудию» не было введено в терминологию и по своей сути не имело место быть, однако, ряд элементов его определения наличествовали, хотя и были неявно выражены, а само правосудие было неравно доступно, а в зависимости от социальной принадлежности лица.

«Суд, правосудие и судебная власть – феномены не только не тождественные, но и возникли они в разное время (сначала – суд, затем – правосудие, в последнюю очередь – судебная власть)» [4, с. 3–8]. Процесс возникновения права сложен и напрямую зависит от процесса возникновения государственности [9, с. 29].

Власть в Древнерусском государстве (период времени с IX века до XII-XIII веков) осуществляли великий князь, совет при нем, князья местные, вече, княжеские съезды, должностные лица, назначаемые князем из дружинников, а также церковные иерархии в рамках своей компетенции. Систему управления возглавлял великий князь, который и был верховным судьей. Князь осуществлял правосудие на основе изданных им самим законов и при помощи участия людей князя (например, вирник, мечник, мельник, отрок, детский) [9, с. 22; 10, с. 88]. Постепенно суды утверждают-

ся на всей территории Руси. На местах судебными функциями были наделены наместники и волостели. Великий князь киевский судил подвластное ему население как суд первой (и последней) инстанции. Предположительно великий князь выступал также в качестве суда апелляционной инстанции в случае недовольства судом местных судей [10].

Судебные пошлины уже имели место быть, поскольку являлись главным источником государственной казны [9, с. 22]. Мужики княжеские, как пишет И. Е. Энгельман, смотрят на суд, главным образом, как на доходную статью, причем этот денежный интерес служил и побуждением судей к защите нарушенных прав [14, с. 42].

Государственная пошлина и сейчас является одним из видов судебных расходов и представляет собой плату за совершение действий государственным органом, в том числе, судом. В свою очередь, понимание и цели оплаты государственной пошлины до XIX-XX веков несколько различаются со сложившимися в настоящее время. В современной России, как и в советский период, государственная пошлина имела целью в некоторой степени частично возместить государству его расходы, затраченные им на осуществление правосудия. Сейчас, кроме материального характера, государственная пошлина имеет важное воспитательное значение, поскольку обязанность заинтересованного лица, обращающегося в суд, оплатить государственную пошлину предотвращает в некоторой мере обращение в суд с необоснованными требованиями. Это побуждает также к добровольному урегулированию споров, без вмешательства суда [8].

Вместе с тем, древнерусское право рождается вместе с Древнерусским государством, и его тип естественно соответствует типу этого государства. Древнерусское право, как феодальное право, было правом привилегий, то есть закон прямо предусматривал, что равенства людей, нет и быть не может. Указанное неравенство не только не скрывалось, но всячески подчеркивалось. Так жизнь челяди (несвободных мужчин и женщин) охраняется законом не как самостоятельная ценность, а лишь как имущество, принадлежащее какому-то хозяину [10, с. 18]. Субъектами имущественных отношений были все свободные, включая иностранцев. Холопы не рассматривались в качестве участников правовых отношений, они являлись объектами права [9, с. 37]. Послухами (свидетелями) также могли быть только свободные люди, лишь при незначительных делах допускались полусвободные [14, с. 43].

Отрадно отметить, что на современном этапе развития конституцией 1993 года закреплено равенство всех перед законом и равенство всех в правах, в том числе, и на доступ к правосудию.

Тогда как ст. 46 Троицкого списка Русской Правды такое бесправное положение холопов объясняет совершенно откровенно «зане суть не свободни», что означает, в связи с тем, что не свободны. Со временем, правовое положение холопов меняется в лучшую сторону, намечается тенденция

к сближению с крестьянами. Но даже Новгородская Судная грамота в XV в. рисует положение холопа как весьма бесправное: он все еще не может быть свидетелем, исключения составляют дела о холопах [10, с. 18].

Если холопы не имеют почти никаких прав, то остальное население Руси их имеет, но разные, поскольку правовое положение лица разнится в зависимости от социальной принадлежности, что наиболее заметно при анализе санкций, предусмотренных за совершение правонарушений. Однако, в отличие от Русской Правды и Новгородской Судной грамоты, Псковская Судная Грамота не знала социальной дифференциации в применении права [10, с. 19].

«Молчит» «Русская Правда» и о представительстве в суде, то есть выполнении процессуальных действий одним лицом от имени и в интересах другого лица [3, с. 615]. Первые упоминания о судебных представителях на Руси относятся к XV в., так по Псковской судной грамоте 1497 г. «пособников» разрешалось иметь лишь некоторым категориям участников судебного процесса: женщинам, малолетним, монахам или монахиням, очень престарелым, глухим. Иным лицам иметь представителя запрещалось. Новгородской судной грамотой правом иметь представителя наделялся каждый желающий [5, с. 54].

В качестве основного законодательного акта Московского государства XIV-XV веков продолжала действовать Русская Правда. Вместе с тем, Судебник 1497 г. внес единообразие в судебную практику Русского государства, в том числе, предоставив право иметь представителя любому желающему. Однако, правовое положение лица, как и прежде, зависело от социального статуса. До XVI в. судебная власть в России осуществлялась княжеским судом, юрисдикция которого по первой инстанции распространялась на территорию княжеского домена и лиц, обладавших тарханскими грамотами (т. е. имеющих привилегию на суд князя) [2]. При состязательном процессе дело начиналось по жалобе истца, называемой челобитной, которая обычно подавалась в устной форме. Но в отличие от Русской правды Судебник 1497 г. устанавливал, что теперь могли «послушествовать», то есть давать показания в качестве свидетеля (послуха), и холопы [7, с. 170]. Холоп в отличие от прежних времен считается самостоятельным отвечать за свои поступки [11, с. 27].

Судебник 1497 г. начинает новый порядок в истории законодательства, в свою очередь И. Д. Бердяев характеризует этот порядок как попытку установить равный, без привилегий кому-либо, суд для всех жителей государства [11, с. 38]. Однако обращение в суд было весьма дорогим, поскольку стороны облагались пошлинами [6].

После принятия Судебника 1550 г. как отмечал иностранный дипломат Ричард Ченслер, находившийся при Московском дворе в 1553–1554 годах, устанавливается право каждого обиженного на непосредственное обращение в суд, в котором великий князь выносит решения по всем во-

просам права [11, с. 46]. Иски начинались письменной или устной жалобой, на основании которой ответчик вызывался в суд [14, с. 45]. Нововведением Судебника 1550 г. является установление ответственности наместников и волостелей за взяточничество и волокиту, установление санкций за нарушение порядка судебного рассмотрения [11, с. 52]. Тем не менее, Судебник 1550 г. стоял на страже интересов отдельных групп: он усиливает защиту прав служилого дворянства и детей боярских, в том числе, вводятся льготы для учинения исков служилыми людьми, освобождает дворянство от подсудности бояр-наместников, предоставляя ему право судиться непосредственно царем.

С принятием Соборного Уложения 1649 г. расследование большинства уголовных дел начинается по усмотрению государственных органов, доносам (особенно это касалось политических дел), жалобам потерпевших (разбой, кражи и др.), что, обоснованно свидетельствует, об отсутствии равенства доступа к правосудию. Вместе с тем, суд начинается по письменной жалобе истца, но «государевы пошлины должны быть уплочены». Сохранялось право сторон или их представителей на участие в процессе [14, с. 46].

Имеет место быть точка зрения, согласно которой при Петре I вследствие разных мер, судопроизводство ухудшилось [14, с. 48]. Масса жалоб – челобитий – на высочайшее имя вызвала ряд указов, возбращающих это делать. За обращение к царю, минуя соответствующие инстанции, устанавливалось суровое наказание. Причиной постоянных челобитных были, прежде всего, беспорядки и неправосудие судебных мест [12, с. 155].

С принятием Жалованной грамоты дворянству 1785 г. классовый характер доступности правосудия обострился. Согласно ст. 12 Жалованной грамоты дворянству 1785 г. «Да не судится благородный, кроме своими равными» – благородные судятся дворянским судом [13, с. 28]. Вместе с тем, важно, что меняется понимание судебной власти, которая была бы способна не только осуществлять карательную к нарушителям закона функцию государства, но и способствовать восстановлению нарушенных и охране установленных прав и свобод субъектов.

Первые крупные перемены в области права на доступ к правосудию произошли в России в период судебной реформы 1864 г. Система классовых судов была заменена новой судебной структурой, доступной всем гражданам, включая бывших крепостных.

Детальное рассмотрение правовых основ и самого процесса отправления правосудия, позволяет с полной достоверностью отметить, что в рассматриваемый период становления государства Российского (до 1864 года) нельзя говорить о полном отсутствии права на обращение за защитой нарушенных прав к правосудию, как и не нельзя говорить о самой доступности правосудия, что объясняется сословной правовой системой, сложившейся на Руси, характеризующейся регулированием отношений

внутри каждого социального слоя по-разному и обеспечивающей взаимодействие с членов разных слоев общества между собой не на равных условиях, с отличными друг от друга наборами прав и обязанностей.

Вышеизложенное, в свою очередь свидетельствует, о том, что признание всеобщего равенства и создание системы гарантий его обеспечения можно отнести к числу основных показателей реальности наличия права на доступ к правосудию.

1. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 20 сентября 2012 г. № 1735-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 40, ст. 5474.
2. Артемова С. Т. Конституционно-правовые основы судебной защиты прав человека и гражданина: дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2005. 171 с.
3. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Изд. 6-е. СПб.; Киев: Издание книгопродавца Н. Я. Оглоблина, 1909. 699 с.
4. Григорьев О. В. Судебная власть, гражданское общество, судебные реформы: алгоритм взаимообусловленности // История государства и права. 2014. № 9. С. 3–8.
5. Докшукин А. Х. Правовые основы организации и деятельности институтов судебного представительства и правозаступничества в истории отечественного государства и права и специфика их функционирования в области Войска Донского: XIV–начало XX вв.: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 182 с.
6. Исаев И. А. Топос и номос: пространства правопорядков [Электронный ресурс]. М.: Норма, 2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. История отечественного государства и права: учебник. Ч. 1 / под ред. О. И. Чистякова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2004. 430 с.
8. Пушкар Е. Г. Право на обращение в суд за судебной защитой: дис. ... д-ра юрид. наук. Львов, 1983. С. 266.
9. Новицкая Т. Е. Древнерусское государство и право: учебное пособие / под ред. Т. Е. Новицкой. М.: Издательство «Зерцало», 1998. 96 с.
10. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с.
11. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.
12. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 4. Акты Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1986. 512 с.

13. Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 5. Акты Законодательство периода расцвета абсолютизма / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1987. 528 с.
14. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. 646 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Митина Татьяна Владимировна,
аспирант,
Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева

Пенионжек Е. В.

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ С НАСЕЛЕНИЕМ СОТРУДНИКАМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ДОЗНАНИЯ

Аннотация: в статье представлены аспекты осуществления правовоспитательной работы с гражданами сотрудников подразделений дознания. Охарактеризовано педагогическое сопровождение процессуальной деятельности. Раскрыта значимость осведомленности дознавателя о социально-педагогических факторах среды жизни граждан.

Ключевые слова: воспитание в органах внутренних дел, правовоспитательная работа, педагогические меры, социально-педагогические факторы, правовая воспитанность граждан.

Воспитательная работа в органах внутренних дел – это основной вид морально-психологического обеспечения деятельности личного состава, заключающийся в целенаправленной деятельности по формированию у сотрудников комплекса гражданских, профессиональных и нравственных качеств, обусловленных потребностями служебной деятельности. Воспитательная работа в органах внутренних дел должна отвечать насущным потребностям личного состава, быть связана с проблемами, которые необходимо разрешить. Именно тогда нормы и принципы отношений, прививаемых воспитательной работой, войдут в жизнь подразделений и коллектива, станут образом жизни каждого сотрудника на основании соответствия его склонностям и личностным интересам – а значит, воспитательная работа станет все более действенной в формировании личностного потенциала качеств специалиста-профессионала, гражданина-патриота и высоконравственной личности [1].

Специфика воспитательной работы в органах внутренних дел состоит в том, что это сложный и многогранный процесс профессиональной подготовки кадров, имеющий две четко выраженные стороны: обучение и воспитание – целью чего является специальная подготовленность и развитие личности. Хорошо организованные и методически грамотно построенные занятия с личным составом в системе воспитательной работы позволяют честно и добросовестно трудиться, вносить свой вклад в решение поставленных задач, а также повысить понимание сотрудниками ответственности перед обществом, государством, своего долга. Формы воспитательной работы в органах внутренних дел многообразны по сути выполняемых задач. Для того чтобы увидеть результативность воспитания в этом плане, нужно рассмотреть действенность процессов самовоспитания сотрудников применительно к решению педагогических задач в той или иной сфере деятельности. Такими сферами деятельности являются многообразные контакты сотрудников с людьми, связанные с осуществлением правовоспитательной работы с населением.

Педагогические знания, используемые в деятельности дознавателя, способствуют гармонизации отношений в современном российском обществе. В настоящее время востребованы креативно мыслящие сотрудники органов внутренних дел, умеющие творчески решать профессиональные задачи в сфере правоприменительной деятельности. Это возможно во многом на основе четких и системных знаний о воспитании и о педагогике в целом, умения и навыков реализовывать эти знания в практической действительности. В процессе профессионального развития формируется целостное мышление посредством категорий и понятий, что расширяет мировоззренческие основания его культуры, способствуя полноценной практической деятельности дознавателя. Способность понимать социальную значимость своей профессии невозможна для сотрудника органов внутренних дел без актуализации вопросов, связанных с педагогическим знанием. При решении социальных и профессиональных задач в потенциально противоречивых ситуациях знание аспектов педагогической науки позволит сформировать критическое отношение к существующей практике, а значит, найти подходы к решению и, тем самым, усовершенствовать качество своей работы.

Использование методов, приемов и средств правового воспитания, базирующегося на педагогическом знании, позволяет улучшить взаимодействие дознавателя с представителями различных социальных групп на основании способности ориентироваться в протекании процессов общественных отношений. Изучение аспектов реализации воспитательной работы позволяет включиться в решение таких методологических вопросов, как проблемы идентичности личности, особенности ее становления в рамках социальных институтов, специфика познания социокультурной практики. Соблюдая и защищая права и свободы человека и гражданина, не до-

пуская и пресекая любые проявления произвола, принимая необходимые меры к восстановлению нарушенных прав, дознаватель действует в направлении формирования законопослушной личности. Тогда гражданин самостоятельно осуществляет превентивные меры по отношению к преступному поведению, видя социальные условия, которые могут способствовать совершению правонарушений. Такие меры реализации правового воспитания в профессиональной деятельности дознавателя могут быть осуществлены исключительно на основе развитой правовой культуры, что способствует компетентному осуществлению педагогической деятельности в сферах как публичной, так и частной жизни. Ситуация разъяснения аспектов правового поля деятельности требует проявления инициативности, принятия оптимальных организационно-управленческих решений при осознании ответственности за порученное дело формирования граждан, откликающихся на сотрудничество с органами внутренних дел.

Воспитательная работа, проводимая в отношении сотрудников органов внутренних дел, способствует овладению дознавателем анализом социальных процессов, многообразия ситуаций, педагогических явлений, человеческих поступков, что позволит отработать профессиональные навыки и умения, научит формулировать и решать задачи, интегративно воспринимать практику социальных связей. Способности разъяснять аспекты действия гражданина в правовом поле на основании педагогических знаний дознавателя способствуют не только пониманию мировоззренческих, социальных и личностных проблем человека, но и позволяют сформировать ценностно-мотивационную ориентацию человека на основании гуманистических ценностей, привить гражданину толерантное восприятие социально-культурных различий в социальном взаимодействии. Поэтому верная в педагогическом смысле работа дознавателя с гражданином позволит предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации.

Правовоспитательная работа с гражданами осуществляется на основании алгоритмизации применения правовых норм. Однако граждане часто не поддаются правовому воспитанию, будучи не в полной мере информированы деятельности органов внутренних дел, не доверяя правоохранительным органам в стремлении разрешить ситуацию вне правовой области. Некоторые граждане принципиально не идут на сотрудничество с органами внутренних дел, пытаясь манипулировать сотрудниками, например, провоцируя на определенные действия, дискредитирующие органы внутренних дел. Можно утверждать, что любое взаимодействие дознавателя с гражданами имеет педагогический аспект правовоспитательной работы, связанный с правовым просвещением граждан, коррекцией их сознания и поведения, налаживанием с ними контактов для сотрудничества.

Дознаватель должен понимать, что в своей деятельности он осуществляет педагогические меры, имеющие социально-педагогическое, управленческое, воспитательное и обучающее назначение в работе с граж-

данами. Важно сформировать у граждан объективно-понимающее отношение к деятельности правоохранительных органов. Также важной стороной правовоспитательной работы с гражданами является умение дознавателя действовать в нестандартных ситуациях. Сотрудник должен уметь правомерно и грамотно вести себя в ситуациях попыток манипулирования собой другими лицами, провокаций, склонения к даче взятки, шантажа. Решение конкретных педагогических задач в работе дознавателя с гражданами способствует укреплению контактов органов внутренних дел с населением, общественными организациями для совершенствования работы правоохранительных органов, так как противодействие преступности и правопорядок являются утверждением законности, что одобряется и поддерживается гражданами, а значит, необходимо активно привлекать их к участию в этой работе. Каждый человек имеет определенный уровень правовоспитанности. Построение правового общества необходимо основывается на правовой культуре населения, которая в настоящее время нуждается в повышении ее уровня. Правомерное поведение граждан невозможно без правовоспитанности граждан. Правовая воспитанность граждан выражается в уважении к законности, отношении к ней как высшей социальной ценности, норме жизни. Правовая воспитанность формирует правовой идеал жизни, социально-правовой идентифицированности личности с законопослушными гражданами. Правовая воспитанность граждан позволяет активно взаимодействовать с правоохранительными органами в устранении причин и условий совершения правонарушений, реализации принципа неотвратимости наказания.

Социально-педагогическое влияние дознавателя не должно быть стихийным. Сотрудник должен осуществлять свою деятельность целесобразно правовоспитательной работе с гражданами: осознавать и самостоятельно ставить правовоспитательные цели и задачи, осмысливать содержательные этапы правовоспитательной работы, избирая обоснованные педагогические формы, методы. Контакты сотрудника не должны иметь деформирующий или негативный характер. Необходимо помнить, что правовоспитательное влияние сотрудника на гражданина должно завершаться правовым самовоспитанием гражданина.

Осуществляя правовоспитательную работу, дознаватель должен четко различать социально-педагогические факторы среды жизни граждан того региона, где он осуществляет свои полномочия: что способствует достижению результата и что противостоит результату правовоспитательной работы. Также необходимо понимать, что ответственность за результаты правовоспитательной работы является общей социальной ответственностью: законодателя, представителей исполнительной власти, родителей, образовательных организаций, самих граждан. Так социально-педагогическими факторами правовоспитательной работы могут быть собственно педагогические, связанные с особенностями функционирования различных

педагогических систем, и педагогически значимые, которые, не являясь собственно педагогическими, появляются в правовоспитанности граждан.

Так можно выделить общественные, правовые, криминогенные и криминальные факторы, которые могут проявляться на федеральном, региональном, локальном и групповом уровнях – о чем должен быть осведомлен дознаватель. К общественным можно отнести состояние экономики, уровень жизни населения, исторические, культурные, этнические, национальные, религиозные и иные особенности населения, отношение населения к происходящему в государстве, уровень социальной справедливости в обществе, моральные ориентации в обществе, социальная ориентированность деятельности органов федеральной и местной власти, общественные мнения, настроения, представления о перспективах жизни, социальные устремления, социальный оптимизм, система оказания медицинской помощи, социальная дифференциация населения, деятельность средств массовой информации, способы проведения досуга, гендерные отношения, система образования. К правовым – относятся состояние законодательства, его соответствие реальному уровню законности, уровень преступности в стране, развитие новых видов преступлений, уровень правовой культуры в обществе, реальная обеспеченность прав граждан, реальная защищенность граждан от преступных посягательств, обеспечение правосудия, общественное мнение граждан по вопросам совершенства законодательства и справедливости уголовных наказаний, степень организованности и успешности деятельности правоохранительных органов по укреплению правопорядка, законности, защите прав, свобод и имущества граждан, по реализации принципа неотвратимости наказания, правовая грамотность населения, развитость и эффективность связей правоохранительных органов с общественностью, общественное мнение об эффективности деятельности правоохранительных органов, имидж и авторитет профессии сотрудника органов внутренних дел, активность граждан и общественных формирований в содействии правоохранительным органам [2].

От степени учитывания этих социально-педагогических факторов зависит направленность и эффективность правовоспитательной работы дознавателя с населением при решении профессиональных задач. Педагогическая подготовленность, уровень воспитанности, профессионального мастерства, образованности и развитости сотрудников полиции позволят внести в жизнь общества правовую составляющую. В нашем государстве постепенно реализуются государственно-законодательные, образовательные, массово-информационные, общественно-правозащитные меры правового воспитания граждан. И важное значение имеют правоохранительно-воспитывающие меры, связанные с вовлечением граждан в правотворческую деятельность, с формированием устойчивых представлений о ведущей роли правоохранительных органов в организации правовоспитательной работы, с обеспечением целенаправленного и педагогически компетентного ис-

пользования каждым сотрудником правовоспитательных ресурсов профессиональных действий.

1. Пенионжек Е. В. Педагогические основы воспитательной работы в органах внутренних дел: учебное пособие. М.: Юстиция, 2016. 228 с.
2. Юридическая педагогика: учебник / под ред. В. Я. Кикотя, А. М. Столяренко. М.: Юнити-Дана, 2004. 895 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пенионжек Евгения Владимировна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры общей психологии,
гуманитарных и социальных дисциплин,
Уральский юридический институт МВД России

Перов А. Н.

К ВОПРОСУ ОБ ИМИДЖЕ РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКА ОВД

В статье исследуется вопрос личностных и профессиональных компетенций, которыми должен обладать сотрудник ОВД для утверждения и поддержания высокого имиджа полиции среди населения, а также меры повышения правовой культуры сотрудника ОВД.

Ключевые слова: ОВД, полиция, правовая культура, имидж, репутация, правосознание.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 ФЗ «О полиции» полиция при осуществлении своей деятельности стремится обеспечивать общественное доверие к себе и поддержку граждан [1].

Таким образом, именно доверие граждан и позитивное общественное мнение является важнейшим критерием определения эффективности деятельности полиции.

Полиция представляет собой довольно сложную систему территориальных и структурных подразделений, поэтому имидж и репутация полиции, являющаяся, как мы ранее отметили, важным фактором оценки ее деятельности, можно считать некой средней оценкой всех подразделений полиции.

Однако на самом деле гражданин наиболее часто сталкивается лишь с отдельными представителями полиции. Из всех структурных отделов полиции, многие являются внутренними (штаб, организационно-штатное

управление, главное управление собственной безопасности и т. д.) и вообще никоим образом не контактируют с гражданами. Точно также очень редко граждане общаются с представителями следствия (следователями), так как, в соответствии с правилами подследственности расследования преступлений, установленными УПК РФ, в процессуальные и профессиональные обязанности следователя входит, в соответствии со статьей 151 УПК РФ, расследование, по большей части, тяжких и особо тяжких преступлений, с которыми рядовой гражданин сталкивается достаточно редко. Точно также простые граждане, оценивающие работу национальной полиции крайне редко встречаются с сотрудниками центрального аппарата или главных управлений ОВД на уровне субъекта федерации.

Таким образом, оценка работы полиции у населения складывается, в первую очередь, из работы управлений, ответственных за поддержание общественной безопасности на уровне района. Поэтому, для выполнения требования ст. 9 ФЗ «О полиции», принципиальной задачей является повышение общечеловеческой и правовой культуры именно сотрудников ОВД и, в особенности, тех из них, в функциональные задачи которых постоянное общение с гражданами.

Правовая культура, сама по себе, являет собой довольно сложный феномен. Как отмечает А. А. Жигулин, правовую культуру можно рассматривать с разных сторон. Согласно деятельностному подходу, правовая культура представляет собой специфический способ человеческого бытия в сфере права, созданный людьми метод социального управления, заключающийся в целенаправленном воздействии на поведение индивидов с целью достижения порядка и стабильности в обществе.

С позиций качественного подхода правовая культура трактуется как обусловленное социально-экономическим и политическим строем состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития законодательной техники, правовой деятельности и правосознания субъектов. Она считается определенным качеством функционирования правовой системы в целом и ее отдельных элементов [5, с. 45].

С точки зрения аксиологии, правовую культуру можно характеризовать как совокупность всех компонентов правовой действительности в их реальном функционировании в качестве эталонов деятельности правовых субъектов: права, правосознания, правовых отношений, законности и правопорядка, правомерной деятельности субъектов.

Однако, практически все исследователи феномена правовой культуры [8, с. 122] сходятся на том, что правовая культура включает в себя следующие элементы:

1. Знание и понимание законов.
2. Уровень правосознания, то есть критерий того, какими внутренними установками мотивируется гражданин или должностное лицо при осуществлении того или иного деяния.

3. Качество законодательства и выдаваемых нормативно-правовых актов.

4. Законопослушность граждан и должностных лиц.

5. Правовые традиции.

Рассмотрим каждую из вышеизложенных характеристик подробнее, в применении к сотрудникам ОВД.

Т. А. Титаренко утверждает, что применительно к будущему сотруднику ОВД главенствующим фактором формирования правовой культуры является получение им образования в юридическом вузе [7, с. 51].

Однако с данным утверждением согласиться сложно. Во-первых, необходимо отметить, что далеко не все сотрудники ОВД (в частности – сержантский состав, а также гражданские служащие ОВД) имеют высшее юридическое образование. Во-вторых, по нашему глубокому убеждению, основная проблема достаточно низкого уровня доверия населения состоит не в недостаточном знании сотрудниками норм действующего законодательства, а в отсутствии должного уровня законопослушности и правового сознания. Сотрудник ОВД в своей ежедневной деятельности использует лишь несколько базовых актов законодательства (УПК РФ, КоАП РФ, ФЗ «О полиции», некоторые ведомственные инструкции). Даже человек без высшего образования, не говоря уже о профессиональных юристах, легко усваивает нормы и порядок их применения, если не идеально, то довольно неплохо зная и умея применять действующее законодательство.

Куда большую проблему представляет низкий уровень правосознания и законопослушности должностных лиц – сотрудников ОВД. Первопричиной такого низкого уровня является преобладание нигилистических правовых традиций в обществе [4, с. 353]. Настроения в обществе, вполне естественно, передаются и на сотрудников ОВД. Это, в свою очередь, запускает обратную отрицательную связь: несоблюдение законодательства и случаи волюнтаризма со стороны правоохранителей еще больше снижают общий уровень правовой культуры в обществе, вследствие чего создается атмосфера произвола правоохранительных органов и беззакония.

Необходимо понимать, что приведенное выше утверждение никоим образом не касается большинства сотрудников ОВД, честно и профессионально выполняющих свою работу, однако гражданин сформирует имидж полиции не по 9 законным действиям сотрудникам ОВД, а по одному случаю откровенного произвола, свидетелем которого он стал.

Качество законодательства и издаваемых ведомственных нормативно-правовых актов также представляет определенное беспокойство. Очевидной проблемой является отсутствие систематизации правовых норм в сфере организации деятельности ОВД. Кроме того, ряд нормативных актов подзаконного уровня прямо касаются прав и обязанностей граждан (например, Приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 (ред. от 19 июня 2014 г.) «Об утверждении Наставления о порядке исполнения обя-

занностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан» [2]). Принятие подобных нормативно-правовых актов должно быть согласовано с представителями общественности после проведения широкой дискуссии.

Законопослушность должностных лиц также является серьезной проблемой. Официальная статистика свидетельствует о более чем 3500 преступлений, совершенных сотрудниками МВД в год, однако такая статистика представляется во многом заниженной, так как далеко не все преступления, совершенные сотрудниками МВД фиксируются и надлежащим образом расследуются. Руководством ОВД должна бескомпромиссно искореняться преступность в рядах полиции, а такое позорное явление как «защита чести мундира» вместо наказания виновных должно быть искоренено.

Правовые, точнее, как мы ранее выяснили, нигилистические традиции, также являются существенной проблемой на пути к формированию позитивного имиджа сотрудников ОВД. Важнейшей правовой традицией России является коррупция, воспринимаемая гражданами и многими сотрудниками ОВД, как, хоть и негативное, но допустимое явление. Изменение правовых традиций – долгий и сложный процесс, но именно сотрудники ОВД должны находиться на передовой борьбы за правовое общество и государство.

Какие способы повышения правовой культуры и правосознания сотрудников полиции можно предложить в такой ситуации для того, чтобы улучшить имидж ОВД?

1. Изменение принципов набора на работу и повышения в должности сотрудников ОВД. Прием на работу сотрудников полиции их повышение должен осуществляться независимыми конкурсными комиссиями с широким привлечением представителей общественности. Оценивание профессиональных и личностных компетенций каждого кандидата должно быть максимально гласным, что позволит увеличить доверие граждан, как к самой процедуре оценивания, так и к полиции в целом.

2. Проведение регулярного и систематического оценивания текущей деятельности каждого сотрудника полиции. Такое оценивание должно осуществляться специальной комиссией, с обязательным привлечением представителей общественности. Очевидно, что к сотрудникам полиции, действия которых регулярно вызывают нарекания со стороны общественности, других органов власти и местного самоуправления, должны приниматься меры дисциплинарного взыскания.

3. Широкое участие органов местного самоуправления в деятельности ОВД. Хотя Россия и является федерацией, наше государство излишне централизовано. Именно поэтому сотрудники ОВД назначаются из федерального центра или центра субъекта федерации. Вполне здоровой идеей является создание муниципальной полиции, ответственной перед органом

местного самоуправления, который, за счет близости к своим избирателям (особенно в поселках и небольших городах) позволит существенно увеличить уровень доверия к такой полиции и позитивно повлиять на правовую культуру сотрудников ОВД, находящихся в подчинении органов местного самоуправления. Муниципальная полиция весьма успешно функционирует во Франции [3, с. 81], США [6, с. 104], других ведущих государствах с довольно высоким уровнем доверия к полиции.

Очевидно, что улучшение правовой культуры – задача не только сотрудников ОВД или, в общем, государственных органов, но и всего общества. В то же время, именно полиция, являясь важнейшим государственным органом, задачей которого, в соответствии со статьей 1 ФЗ «О полиции», является защита прав и свобод граждан, должна стоять в авангарде этого процесса. Совместные усилия законодательной и исполнительной власти, призванные создать и внедрить такую систему ОВД, при которой удастся, в том числе и за счет вышеизложенных предложений, завоевать доверие и поддержку населения, станут еще одним важным фактором в развитии правового российского государства.

-
1. О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 2. Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389: ред. от 19 июня 2014 г. URL: <https://63.xn--b1aew.xn--p1ai/document/2586356>.
 3. Болотина Е. В. Муниципальная полиция Франции: проблемы определения правового статуса и места в государственной полицейской системе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 2. С. 75–81.
 4. Бугаенко Ю. Ю. Правовой нигилизм как деформированный тип правовой культуры // ИСОМ. 2014. № 5. С. 353–357.
 5. Жигулин А. А. Понятие правовой культуры и ее сущностные характеристики // JSRP. 2013. № 2. С. 44–74.
 6. Курлович П. Н. Полиция в правоохранительной системе США // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 12. С. 104–110.
 7. Титаренко Т. А. Формирование правовой культуры сотрудников ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2011. № 3. С. 48–52.
 8. Тугуз С. Б. Понятие правовой культуры и ее сущностные характеристики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2009. № 2. С. 122–125.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Перов Алексей Николаевич,
кандидат юридических наук,
начальник цикла – преподаватель цикла
специальных дисциплин и физической подготовки,
Астраханское суворовское военное училище
МВД России

Сидорова Е. И.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Правовую основу государственного и общественного контроля за деятельностью органов внутренних дел в Российской Федерации составляет конституция, федеральное и региональное законодательство. Нормы Конституции Российской Федерации имеют прямое и непосредственное действие, что позволяет всем органам власти, общественным объединениям и гражданам требовать не только защиты своих прав, но и обеспечения их в соответствии с этими нормами.

Конституция России – Основной закон Российской Федерации, принятый непосредственно гражданами России, устанавливающий единство государственной системы, основы деятельности государственной власти, разграничение предметов ведения и полномочий органов власти с учетом принципов федерализма, разделения властей, суверенитета и характерных черт гражданского общества.

Правовое регулирование государственного и общественного контроля, в том числе и за деятельностью органов внутренних дел, осуществляется путем разработки и практической реализации комплекса законодательных и подзаконных актов. Данные акты определяют схему целенаправленного и систематического действия субъекта, отвечающего текущим и перспективным потребностям государства и общества в целом. Многие правоведы законодательные и подзаконные акты подразделяют на: а) непосредственно регулирующие деятельность государственных органов; б) регулирующие определенные сферы общественных отношений или деятельность органов внутренних дел.

Как было сказано выше, это в первую очередь Конституция Российской Федерации. Глава четвертая Основного закона посвящена компетенции Президента Российской Федерации, целью и задачами которого является обеспечение исполнения всеми органами государственной власти законов и иных нормативных актов по защите прав и свобод человека и

гражданина, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти. Статья 114 Конституции Российской Федерации определяет основополагающие предметы ведения Правительства Российской Федерации: обеспечение проведения единой финансовой, кредитной и денежной политики, осуществление мер по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, законности, прав и свобод граждан, охрана собственности и общественного порядка, борьба с преступностью и т. д.

Так или иначе, но многие статьи Конституции Российской Федерации содержат косвенное указание на контроль со стороны государства над одним из субъектов государственной власти – органами внутренних дел.

«Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» – об этом гласит статья 21. А в части 2 устанавливается запрет пыток, а также запрет на проведение медицинских или иных опытов без согласия человека. Достоинство личности определяется не только самооценкой субъекта, но и совокупностью объективных качеств, характеризующих его репутацию в обществе [1]. Каждый гражданин вправе защищать свое достоинство в порядке ст. 11, 152 Гражданского кодекса Российской Федерации. Эти положения позволяют гражданину требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности, либо в порядке уголовного преследования (ст. 129, 130 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В своей работе сотрудники полиции должны относиться к гражданам с уважением, не умалять их достоинство. Это в равной мере касается и лиц, подозреваемых, обвиняемых по уголовным делам или осужденных. Требования такого рода закреплены в статье ст. 5 закона Российской Федерации «О полиции» и др. Это относится как к гражданам, так и к государственным органам, ведущим дознание и следствие, осуществляющим уголовное наказание. Выше изложенное косвенно закрепляется и в ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации: «при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона». Если у суда возникнут сомнения относительно получения доказательств, они не принимаются к рассмотрению.

Статьи 22, 23, 25 Конституции Российской Федерации устанавливают пределы вмешательства в личную жизнь граждан, предоставляя последним право на свободу и личную неприкосновенность; неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, защиту своей чести и доброго имени, неприкосновенность жилища. Указанные права охраняются сотрудниками органов внутренних дел от посягательств, как со стороны государственных органов, так и иных лиц. Запрещается вмешательство

государства и его органов в сферу личностных отношений. В уголовно-процессуальной литературе существует слишком узкое толкование принципа неприкосновенности личности, понимаемое как свобода от произвольного ареста. Согласно Конституции Российской Федерации арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускается только по судебному решению, которое необходимо принять с участием обвиняемого, его адвоката и представителя обвинения.

Также одним из главных субъектов государства по активному взаимодействию всех его органов власти с институтами гражданского общества можно назвать общественный контроль, осуществляемый за соблюдением и выполнением государственными органами своих обязанностей перед народом, исключением злоупотребления властью, защитой прав и свобод человека и гражданина, а так же согласованием общественно значимых интересов общества, его граждан и государства. В современных условиях его роль и значение многократно возрастают в связи с потребностями модернизации государственного управления, борьбой с коррупцией, повышением качества реализации государственных функций и оказанием государственных услуг.

Общественный контроль за деятельностью органов внутренних дел реализуется на основании ст. 33 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право граждан обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные жалобы в государственные органы, в том числе и в органы внутренних дел.

Повышение авторитета органов внутренних дел в глазах населения нашей страны должно быть первостепенным и возможно лишь при информированности граждан о работе органов правопорядка в целом и в частности, то есть наличия своего рода подотчетности правоохранительных органов населению.

Из выше изложенного можно сделать вывод:

Государственный контроль за деятельностью органов внутренних дел – это деятельность по проведению ведомственной или вневедомственной проверки выполнения структурными подразделениями своих функций, например, полиции. Ее основными функциями являются предупреждение, пресечение, выявление и раскрытие преступлений и других правонарушений, охрана общественного порядка, обеспечение безопасности дорожного движения и широкий спектр других обязательных требований.

Общественный контроль за деятельностью органов внутренних дел – это разработка механизмов взаимодействия со средствами массовой информации, общественными объединениями, выработка активной гражданской позиции по оказанию содействия в раскрытии преступлений и правонарушений, распространение достоверной информации о деятельности правоохранительных органов, повышение уровня взаимного доверия и партнерства между населением и органами внутренних дел.

1. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: «Проспект», 2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сидорова Екатерина Игоревна,
адъюнкт кафедры конституционного
и муниципального права,
Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя

Ситдикова Г. З.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В СВЕТЕ ТРЕБОВАНИЙ СОВРЕМЕННЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ

В статье рассматриваются актуальные проблемы совершенствования следственной деятельности и подготовки кадров в связи с принятым профессиональным стандартом «Следователь-криминалист», утвержденным Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 23 марта 2015 г. № 183н.

Ключевые слова: профессиональный стандарт, следственная деятельность, интеллектуальное моделирование, конвергентное мышление.

Актуальным направлением научных исследований, имеющих прикладное значение, является адаптация современных научных и технических достижений естественных и гуманитарных наук к насущным проблемам теории и практики раскрытия и расследования преступлений.

Способствует этому повышение требований, предъявляемых к профессиональной компетентности должностных лиц, осуществляющих расследование преступлений. Следственная деятельность представляет собой разноплановый, сложный вид человеческой деятельности. Значимым для регулирования этого вида деятельности является разработка и принятие профессиональных стандартов.

22 января 2013 года Постановлением Правительства РФ № 23 утверждены «Правила разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов», в соответствии с которыми на Министерство труда и социальной защиты РФ возложена обязанность по координации разработки профессиональных стандартов.

22 марта 2015 года Приказом Министерства труда и социальной защиты РФ № 183н утвержден первый в сфере уголовного судопроизводства профессиональный стандарт «Следователь-криминалист». Стандарт предусматривает: трудовые функции (функциональная карта профессиональной деятельности), требования к образованию, трудовые действия и значительный объем необходимых умений. Очевидно, что в ближайшей перспективе, аналогичные стандарты будут разработаны и введены в действие для следователей и дознавателей всех правоохранительных органов.

Среди необходимых умений, которыми должен владеть выпускник учебного заведения высшего образования по направлению подготовки «специалитет» и «магистратура», предусмотрены умения:

- расследовать (организовывать расследование) уголовного дела,
- ориентироваться в политических, социальных и экономических процессах, использовать знания и методы гуманитарных, экономических и социальных наук при решении профессиональных задач,
- осуществлять профессиональную деятельность на основе развитого правосознания, правового мышления и правовой культуры,
- проводить все виды следственных и процессуальных действий [1].

Следственная деятельность это система познавательных, организационно-распорядительных, тактических, процессуальных и иных действий и решений следователя, направленных на раскрытие преступления и расследование уголовного дела [2, с. 216].

Специфика следственной деятельности состоит в совмещении следователем в своей повседневной профессиональной деятельности различных функций, например, реконструктивной, организационной, исполнительной, процессуальной, криминалистической, коммуникативной, психологической, прогностической и многих других функций.

Цель следственной деятельности – правовая охрана основных социальных ценностей, установление истины при расследовании уголовного дела, установление обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Следственной деятельности присущи следующие свойства: предписанная законом социально-ролевая функция следователя; наличие властных полномочий следователя и его персональная ответственность; вместе с тем, ограниченность сроков и процессуальной самостоятельности следователя; значительный объем процессуальных способов, криминалистических средств и методов расследования; познавательно-поисковая и достоверительная направленность и др.

Основным содержанием следственной деятельности является практическая поисково-познавательная ориентированность: на собирание и исследование сведений и фактов, на основании которых реконструируется преступное событие, произошедшее в прошлом; установление закономерностей формирования причинно-следственных связей с событием преступления и лицом, его совершившим; обнаружение, фиксацию, изъятие и ис-

следование доказательств; установление лиц, причастных к преступлению, и выявление их взаимоотношений и роли каждого; изучение личности виновного в совершении преступления, а также целого ряда иных обстоятельств, имеющих значение для выдвижения версий, планирования и расследования уголовного дела.

Правовая сущность следственной деятельности заключается в полном, объективном и всестороннем установлении всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, применительно к составу расследуемого преступления, с целью установления истины по уголовному делу и исполнения назначения уголовного судопроизводства.

Эффективному осуществлению следственной деятельности способствует сочетание таких факторов, как:

- достаточный объем теоретических и правовых знаний, а также практических навыков следователя по организации расследования и производству процессуальных, в том числе следственных действий;
- соблюдение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства;
- грамотная организация следователем действий участников следственно-оперативной группы, а также участников производства отдельных следственных действий;
- соблюдение процессуальных правил и условий производства следственных действий, выполнение тактических приемов, применение тактических рекомендаций;
- своевременная и всесторонняя аналитическая работа с поступающей информацией от участников уголовного судопроизводства и иных лиц;
- наряду с этим, наиболее существенным фактором является наличие у следователя интеллектуально-моделирующей способности мышления, т. е. умения, на основе собранных данных, формировать и обосновывать интеллектуальную модель механизма преступления и поведения преступника, которая и является истиной.

При интеллектуальном моделировании механизма преступления следователь, находясь на значительном временном и пространственном интервале от события и места преступления, произошедшего с участием других лиц, мысленно восстанавливает, реконструирует модель расследуемого события, т. е. осуществляет конвергентное мышление.

Конвергентное мышление – это интеллектуальная форма нахождения единственно верного ответа при данных обстоятельствах. Дивергентное мышление приводит к нескольким вариантам ответов на поставленную задачу. В следственной деятельности – приоритет конвергентного мышления, так как приобретенный объем профессиональных знаний, опыта, аналитических способностей позволяет следователю найти истину уже на

начальном этапе расследования, затем собирать лишь подтверждающие ее доказательства.

От способности конвергентного мышления зависит правильное интеллектуальное моделирование события преступления, на основе которого происходит выдвижение верной версии, планирование эффективного расследования в разумные сроки. Это, в свою очередь, ведет к быстрому обнаружению и привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, пресечению совершения ими новых преступлений, изъятию похищенного имущества до его безвозвратного уничтожения или повреждения, в целом, к осуществлению уголовного судопроизводства в разумные сроки [3, с. 262].

Одним из условий грамотного интеллектуального моделирования следователем механизма преступления и поведения преступников является тщательное и тактически выверенное производство следственных действий. Особое внимание следует уделять производству первоначального следственного действия – осмотра места происшествия, результаты которого позволяют смоделировать поведение преступника, начиная с этапов формирования преступного умысла и приготовления к совершению преступления. Наличие и применение способности интеллектуального моделирования предоставляет следователю возможность организовать и спланировать эффективное и своевременное расследование уголовного дела.

Подводя итог изложенному, следует обратить внимание, что специфика следственной деятельности состоит в совмещении следователем в своей повседневной профессиональной деятельности различных функций, например, реконструктивной, организационной, исполнительной, процессуальной, криминалистической, коммуникативной, психологической, прогностической и многих других функций. Совмещение разноплановых функций имеет конструктивное значение лишь при условии обладания следователем профессиональными умениями и навыками, предусмотренными профессиональными стандартами.

1. Профессиональный стандарт «Следователь-криминалист» [Электронный ресурс]: утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты Рос. Федерации от 23 марта 2015 г. № 183н. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

2. Ситдинов И. М. Дознание в советском уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2015. № 7-4.

3. Адигамова Г. З. Правовые, организационные и интеллектуально-моделирующие аспекты следственной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ситдикова Гузель Зуфаровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики,
Уфимский юридический институт
МВД России

Тарасова И. А.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

В статье изучается деятельность структурных подразделений Министерства внутренних дел Российской империи по управлению медициной в первой половине XIX века.

Ключевые слова: министерство, государство, медицина, здоровье, деятельность, департамент.

С момента своего создания в 1802 г. Министерство внутренних дел (МВД) Российской империи начинает играть ведущую роль в реализации социальной политики государства. Помимо основных функций обеспечения правопорядка и благосостояния населения, к ведению этого огромного и многофункционального государственного органа были отнесены и социокультурные вопросы: обеспечение «народного здоровья», народного продовольствия, общественного призрения и др. [13, с. 21].

С учреждением министерств была упразднена Медицинская коллегия, созданная еще в 1763 г. Екатериной II (1762–1796 гг.) для осуществления «государственного контроля над врачеванием народа» [2, с. 632], а ее полномочия были распределены между различными ведомствами. Министерство внутренних дел (Медицинский департамент и Медицинский совет) осуществляли руководство обеспечением здравоохранения гражданского населения, Министерство народного просвещения занималось подготовкой медицинских кадров, а в военные ведомства было передано управление военной и морской медициной [2, с. 632].

Правовой основой деятельности подразделений МВД в сфере обеспечения здравоохранения стал Свод учреждений и уставов врачебных по гражданской части, который вошел в Свод законов Российской империи 1832 г. В нем законодатель разделил сосредоточенные в МВД функции управления «врачебной частью Империи» между Медицинским департа-

ментом, Медицинским советом и генерал-штаб-доктором по гражданской части [10, с. 42].

Медицинский департамент МВД Российской империи, созданный в январе 1804 г., состоял из двух отделений и семи столов, которые занимались вопросами организации работы госпиталей и больниц, открытия новых больниц и аптек, а также утверждением аптекарской таксы, привитием оспы по губерниям, профилактикой эпидемических и других заболеваний. В их ведении находилось проведение карантинных мероприятий, оказание медицинской помощи государственным крестьянам, проведение судебно-медицинской экспертизы, сбор отчетов врачебных отделений губернских правлений, составление общих отчетов медицинского департамента и иные вопросы [9, л. 1–24].

Главными задачами созданного в 1803 г. Медицинского Совета были рассмотрение и популяризация новых сочинений и открытий в области медицинской науки, оказание помощи в организации врачебного дела в виде заключений по вопросам санитарии и в сложных случаях медицинской практики, учреждение медицинских школ и хирургических училищ, экзамены лекарей и защита диссертаций, открытие больниц и аптек, утверждение инструкций уездным врачам и врачебным управам, установление карантинных, исследование минеральных вод, судебная медицинская экспертиза, допуск женщин к высшему медицинскому образованию и др. Помимо этого Медицинский совет должен был рассматривать меры борьбы с эпидемиями и эпизоотиями в России, вопросы о замене иностранных лекарей русскими, об изучении минеральных вод, о пересмотре аптекарской таксы, о составлении списка ядовитых веществ и вопросы судебной медицины [8, л. 1-3].

Для осуществления контроля над медицинскими чинами гражданского ведомства 14 марта 1812 г. было высочайше утверждено Положение о должности генерал-штаб-доктора гражданской части, в котором законодатель регламентировал его деятельность [5, с. 230]. К функциям генерал-штаб-доктора по положению относилось: сбор сведений о больных и видах болезней, составление общих ведомостей по данным вопросам; сбор сведений об эпидемиях и падежах скота, принятие мер к их отвращению; руководство медико-физическим описанием губерний и разработка мер по «предохранению от вредных влияний на здоровье народа» климатических и иных местных условий; руководство делами судебной и полицейской медицины, надзор за врачебной практикой; проведение освидетельствования «вольных аптек»; проведение химических и практических испытаний минеральных вод и новых медицинских препаратов и способов лечения. Кроме этого, он должен был осуществлять надзор за правильностью лечения в больницах и госпиталях и за их содержанием [16, с. 217]. Генерал-штаб-доктор являлся также главным инспектором практической, судебной и полицейской медицины [15, с. 76].

Таким образом, управление здравоохранением в Российской империи в первой четверти XIX в. было сосредоточено в Министерстве внутренних дел и осуществлялось посредством разделения функций между Медицинским департаментом, Медицинским советом и генерал-штаб-доктором по гражданской части.

С целью создания более эффективной структуры управления медициной за счет разделения собственно медицинской и хозяйственной части в ходе преобразования Медицинского департамента в июле 1836 г. из него был выделен Департамент казенных заготовлений, созданный для «заготовления, хранения и распределения нужных для армии и флота, а отчасти и гражданского ведомства, лекарств и др.». Канцелярия генерал-штаб-доктора была включена в состав Медицинского департамента в качестве 2-го отделения, а сам он был назначен директором этого департамента. Как верно заметил К. Л. Яковлев, «в ходе реформы произошло объединение в одном лице чиновника, отвечающего за организацию деятельности медицинских учреждений и осуществляющего контроль над ними... генерал-штаб-доктор гражданской части сосредоточил в своих руках административную и надзорную функцию в сфере медицинского управления всей Российской империи» [16, с. 220].

С этого времени Медицинский департамент, основным направлением деятельности которого становится врачебный и санитарный контроль, начинает играть ведущую роль в управлении всей медицинской частью в Российской империи.

Между тем в рассматриваемый период уровень развития медицины в России был низким. Большая часть населения проживала в антисанитарных условиях, что не могло не способствовать распространению массовых заболеваний и даже эпидемий. В России наиболее часто повторялись такие «повальные» болезни, как холера, чума, грипп, тифы, дифтерия, скарлатина, натуральная оспа, малярия. В рассматриваемый период натуральная оспа была практически постоянным явлением народной жизни. Значительно распространение имели и разные детские инфекции. В XIX в. считалось, что корь, коклюш, скарлатина и дифтерия (дифтерит), наряду с оспой, являются обязательными почти для всех детей. Периодически в каждой губернии возникали те или иные эпидемии, приводившие к смерти большого количества детей [4, с. 179]. Как представляется, высокий уровень детской смертности является одним из ярких показателей экономической отсталости и неудовлетворительного санитарного состояния Российской империи.

Из всех эпидемических болезней, имевших место в рассматриваемый период, следует особенно выделить холеру. В первой половине XIX в. холера появлялась в Российской империи пять раз: в 1823, 1829, 1830, 1837, 1847 гг. [6, с. 37]. Первые случаи этого заболевания в Российской империи были зафиксированы в 20-х гг. XIX в. Причем российские врачи вначале

не могли определить тип заболевания и в своих донесениях обозначали его как особый вид горячки со своеобразными симптомами [11, с. 181]. В 1823 г. холера появилась в Грузии и Астрахани. Однако большинство медицинских чиновников не считали эту болезнь заразной, и поэтому никаких мероприятий по предотвращению ее распространения не проводилось. Более того, ни в Министерстве внутренних дел, ни в Медицинском совете не верили в опасность этого заболевания, в связи с чем в 20-х гг. карантинные правила не только не были ужесточены, но и наоборот значительно облегчены [1, с. 81].

Более того, Министерство внутренних дел не располагало всеми необходимыми средствами для борьбы с холерой: не хватало врачей, медицинских препаратов, помещений для содержания больных, что приводило к высокой смертности среди населения. Так, в донесении симбирского гражданского губернатора Министру внутренних дел от 18 сентября 1830 г. № 188 указывалось, что из заболевших в Самаре в период с 27 августа по 12 сентября 1830 года 538 человек умерло – 226, выздоровело – 146, находится на излечении – 226 человек [7, л. 9]. Приведенные данные свидетельствуют о том, что смертность среди заболевших от холеры превышала 50 % [12, с. 44].

Между тем врачей и больниц было мало, средств на подготовку первых и на строительство вторых не хватало, отношение к научной медицине и врачам у населения было предвзятым. При таком состоянии дел не могло быть и речи о сколько-нибудь удовлетворительной организации медицинской помощи на всем пространстве Российской империи. Указания и распоряжения со стороны правительства на недостаток врачей продолжают в течение значительного периода, вплоть до середины XIX в. Предпринимались меры по расширению медицинских академий, факультетов и школ, но молодые люди принимались охотно за медицину только в тех случаях, когда им давали казенную стипендию на все время обучения. Те же, кто проходил курс без стипендии, предпочитали после окончания оставаться вольно практикующими.

Необходимо отметить, что в этот период не хватало не только медицинского персонала, но и больниц и аптек [14, с. 115].

Посильное участие в деле оказания медицинской помощи населению принимали приказы общественного призрения, на иждивении которых находилось немалое количество больниц, богаделен, домов для умалишенных и иных заведений. Однако деятельность приказов распространялась только на городское население, тогда как устройство и содержание больниц в селах было предоставлено на усмотрение помещиков. Часто вследствие дороговизны медицинских услуг, а также собственного невежества крестьяне были вынуждены прибегать к помощи лекарей-шарлатанов, что иногда приводило к летальному исходу. В Журнале Министерства внутренних дел за август 1848 г. описан один из случаев «смерти от невежды-

оператора»: «Енисейской губернии Енисейского же округа, в деревню Таловку, пришел в дом крестьянина Гусева неизвестный человек, и вызвавшись срезать бывший у жены хозяина на спине горб, изрезал ей спину до такой степени, что бедная баба на другой же день умерла; между тем резак, после операции, неизвестно куда скрылся. (12 апреля)» [3, с. 169].

Подводя итог, следует отметить, что после создания в 1802 г. Министерства внутренних дел на протяжении первой половины XIX в. осуществлялось формирование его структурных подразделений по обеспечению здравоохранения. Нельзя не согласиться с К. Л. Яковлевым, который отметил, что «в исследуемый период стараниями министерства была несколько сокращена нехватка врачей в империи... наметились положительные сдвиги в как области подготовки и распределения медицинских работников, распространении медицинских знаний, так и в росте количества медицинских учреждений и койко-мест в них». Вместе с тем, по мнению данного исследователя, «несмотря на очевидные успехи, к концу исследуемого периода сохранялась несоразмерность лечебных учреждений численности населения...осуществление медицинской помощи основной массе крестьянского населения было вообще практически невозможно» [16, с. 245]. Созданная в первой половине XIX в. в Российской империи система обеспечения здоровья населения нуждалась в реформировании. Однако в таком виде она просуществовала вплоть до периода «Великих реформ» императора Александра II.

-
1. Андрианов С. А. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. СПб., 1901.
 2. Большая советская энциклопедия. Т. 26. М., 1954.
 3. Журнал Министерства внутренних дел. 1848. № 8.
 4. Новосельский С. А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916.
 5. Полное собрание законов (ПСЗ). Собр. I. Т. XXXII. № 25037.
 6. Ризванова Т. Р. Губернские власти и органы местного самоуправления Южного Урала в борьбе с эпидемиями и эпизоотиями в конце XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2011.
 7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1301. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.
 8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1294. Оп. 2. Д. 662. Л. 1–3.
 9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1297. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–24.
 10. Свод законов Российской Империи. СПб., 1832. Т. XIII. Ч. 3. Ст. 1.
 11. Тарасова И. А. Деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по организации противоэпидемических мероприятий в первой половине XIX в. // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5.

12. Тарасова И. А. О роли Медицинского департамента МВД Российской империи в осуществлении противоэпидемических и противоэпизоотических мероприятий в первой половине XIX века // Актуальные проблемы юридических наук: теория и практика. 2014. № 1.
13. Тарасова И. А. Роль и место структурных подразделений Министерства внутренних дел Российской империи в осуществлении социальной функции государства // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2012. № 3.
14. Тарасова И. А. Роль МВД в руководстве медициной в Российском государстве. Первая половина XIX в. // Закон и право. 2007. № 6.
15. Ханьков Я. В. Очерк истории медицинской полиции в России. СПб., 1851.
16. Яковлев К. Л. Государственно-правовой статус Министерства внутренних дел Российской империи в дореформенный период (1802–1861 гг.): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тарасова Ирина Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственных
и гражданско-правовых дисциплин,
Московский областной филиал
Московского университета МВД России
имени В. Я. Кикотя

Токарчук Р. Е.

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ ПРИ ПРЕСЕЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Статья посвящена проблемам применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции. Между тем, границы правомерного применения огнестрельного оружия и причинения вреда сотрудниками полиции не предоставляют достаточных полномочий для эффективного предупреждения и пресечения террористических актов.

Ключевые слова: применение оружия, огнестрельное оружие, полиция, террористический акт, террорист, коллизия жизней.

В соответствии с требованиями ч. 1 ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [8] сотрудники полиции имеют право применения огнестрельного оружия для пресечения преступлений террористического характера. В частности, они имеют право применения огнестрельного оружия для защиты жизни или здоровья людей от насильственных посягательств (п. 1), для пресечения попытки завладения оружием и техникой полиции (п. 2), для освобождения заложников (п. 3), для пресечения противоправных действий (вооруженного сопротивления, нападения на здания и помещения, отказа сдать оружие и другие предметы вооружения) вооруженного преступника (пп. 5, 6). Между тем, границы возможного применения огнестрельного оружия при подобных обстоятельствах не достаточны, так как ограничены: во-первых, в административно-правовом порядке – законом «О полиции»; во-вторых, допустимыми границами причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния (далее – ОИПД) Уголовного кодекса Российской Федерации.

Остановимся согласно выбранной теме на анализе некоторых недостатков административно-правового регулирования полномочий сотрудников полиции по предотвращению и пресечению преступлений террористического характера с помощью огнестрельного оружия.

1. В соответствии с требованиями закона «О полиции» сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба (ч. 3 ст. 19). В этой норме требуя от сотрудника полиции учета создавшейся обстановки законодатель не определяет границ допустимого причинения вреда для тех или иных случаев применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, но закрепляет обязанность – стремиться к минимизации любого ущерба. Данная позиция законодателя демонстрирует совершенно лишний гуманизм к правонарушителям [2, с. 64], особенно в вопросе противодействия терроризму, когда раненый террорист может оказаться опаснее здорового. При этом в ч. 8 ст. 18 закреплено, что превышение сотрудником полиции полномочий при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия влечет ответственность, установленную законодательством Российской Федерации.

На неприемлемость критерия «минимальности причинения вреда» при пресечении уголовно-наказуемых деяний уже указывали А. И. Кап-

лунов и Л. Н. Смирнова, обоснованно утверждающие, что этот критерий противоречит нормам уголовного закона об ОИПД [2, с. 64; 7, с. 16]. Действительно, эта обязанность уместна при пресечении административных правонарушений, или даже в условиях, когда допустимо применение физической силы или специальных средств. Но в условиях правовой допустимости применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия, относящегося к категории летальных средств (the fatal (lethal) weapon), эта обязанность явно не уместна, и мешает сотруднику полиции своевременно его применить, что может послужить причиной значительно большего ущерба. По своему содержанию ч. 3 ст. 19 закона «О полиции» является той самой нормой, в которой следует обозначить границы допустимого вреда при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а не ограничиваться абстрактным и неуместным во многих случаях требованием о стремлении к минимизации ущерба.

2. В соответствии с ч. 5 ст. 23 закона «О полиции» запрещается применять огнестрельное оружие с производством выстрела на поражение в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен сотруднику полиции, за исключением случаев оказания указанными лицами вооруженного сопротивления, совершения вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции.

Этот запрет предусматривает недостаточно исключений. Дело в том, что закрепленные исключения предусматривают право сотрудника полиции применить огнестрельное оружие только в стадии совершаемого сопротивления или нападения, т. е. тогда, когда имеет место покушение или оконченное вооруженное или групповое сопротивление или нападение. Между тем, террористические посягательства настоящего времени свидетельствуют о том, что дожидаться стадии покушения на сопротивление или нападение с использованием автоматического оружия, взрывчатки (пояса шахида и т. п.), бактериологического, химического или ядерного оружия, это значит допустить гибель десятков – сотен людей. О том, что террористы учитывают подобный пробел, основанный на морально-нравственных ориентирах общества [9, с. 10, 20–22], давно известно. Именно поэтому в последнее время получило серьезное распространение привлечение к совершению террористических актов женщин и детей.

Как правильно заметил С. Е. Бязров, государство само вправе определять жизненную важность взятых им под охрану (вплоть до применения в этих целях оружия) объектов, даже если наличность вредных

последствий от противоправных действий носит отложенный характер [1, с. 12]. Соответственно следует подготовку или (и) совершение террористического акта признать условием исключительного права применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия в отношении перечисленных в ч. 5 ст. 23 закона «О полиции» лиц.

3. В соответствии с ч. 6 ст. 23 закона «О полиции» сотрудник полиции не имеет права применять огнестрельное оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица.

Такое положение не может не вызывать сомнений в правомерности своих действий у сотрудника полиции, который в решающий момент не сможет принять правильного решения или упустит необходимое для его принятия время. О. Михаль и Ю. Власов считают, что при проведении контртеррористической операции экстремальные условия для сотрудников полиции возникают внезапно, проявляются стремительно и не всегда поддаются контролю. В таких условиях объективно невозможно просчитать те последствия, которые могут наступить от действий террористов, чтобы принять правильное решение и поступать в пределах правового поля. «Вероятность быть в любом случае виноватым при освобождении заложников – тяжкое бремя для тех, кто рискует своими жизнями при их освобождении. Поэтому давно существует настоятельная необходимость правовой защиты сотрудников, проводящих такие операции в состоянии постоянного риска» [4].

О том, к чему может привести нерешительность правоохранителей при проведении контртеррористической операции, свидетельствует хронология неконтролируемого развития событий по освобождению заложников в Беслане 3 сентября 2004 года, и ужасающая статистика последствий [10]. Представим себе нападение на г. Нальчик 13–14 октября 2005 г., подрыв шахида в Стамбуле 12 января 2016 г., массовое убийство в Орландо 12 июня 2016 г., теракт в Ницце 14 июня 2016 г. или другие теракты, совершенные в людных местах.

Возникают закономерные вопросы. Имеют ли право сотрудники полиции применять оружие для остановки транспортного средства или на поражение террориста в людном месте, когда могут пострадать посторонние лица, с точки зрения закона «О полиции»? Предоставлено ли сотрудникам полиции право при угрозе гибели десятков или сотен людей произвести выстрел по террористу, находящемуся в толпе или прикрываемому заложником, или сквозь заложника? Каков алгоритм действий, если у этого террориста в руках прибор приведения в действие взрывного устройства большой мощности, которое расположено в людном месте? Что делать, если террорист едет на автобусе с заложни-

ками, а в автобусе несколько тонн взрывчатки и едет он в направлении дамбы или АЭС, которые при направленном взрыве могут быть повреждены, что грозит гибелью сотен – тысяч людей? Как быть, если террористы использовали невинную женщину как «живую бомбу», повесив на нее взрывное устройство, имитирующее беременность, и направили ее в отдел полиции или административное здание, где десятки – сотни людей?

В законе «О полиции» сотрудникам не предоставлено права спасать десятки жизней за счет вероятности гибели одной, сотни – за счет вероятности гибели десятка. Государство не взяло на себя ответственность по допущению сотрудников полиции к самостоятельному решению вопроса обоснованного риска или «коллизии жизней» при применении оружия. Такой вывод можно сделать из анализа ч. 3 ст. 19, частей 5 и 6 ст. 23 закона «О полиции».

Для того, чтобы спасти сотни людей – возможно погубив десяток, десяток – возможно погубив одного невинного, руководитель контртеррористической операции или отдельный сотрудник четко понимают, что это решение не допустимо с точки зрения закона «О полиции», а принятие такого решения грозит их свободе и будущему, семейному и психическому благополучию. Это целиком и полностью их ответственность, а не государства, в административном порядке отказавшего им в праве разрешения вопроса «коллизии жизней». С другой стороны, если ответственные сотрудники полиции ничего не предпримут, то возможно погибнут сотни людей, но им за это ничего не будет, ведь права на открытие огня при скоплении людей и в других запрещенных условиях у них не было. Их могут уволить за провал операции, но не более того. Даже с точки зрения морали и современных общественных ценностей [9, с. 20–22] эти сотрудники будут чисты. Не удивительно, что бомбы продолжают взрываться, люди продолжают гибнуть, террористы чувствуют себя вольготно, захватывая заложников, прикрываясь толпой для своих действий, отбирая и воспитывая для своих террористических атак женщин и детей.

Если не принять в отношении сотрудников полиции законодательные акты, которые будут позволять без оговорок причинение при террористической угрозе вреда равного или меньшего, чем угрожаемый, включая лишение жизни террориста, заложников или посторонних лиц, то это всегда будет угрожать возможным привлечением к уголовной ответственности за обусловленную обстоятельствами гибель людей. При этом законодательство должно содержать не только охранные нормы в отношении сотрудников, борющихся с терроризмом, но оно должно позволять и использование жестких мер в отношении террористов при

проведении контртеррористических операций [4]. Решение этих задач повысит правовую защищенность и моральную готовность сотрудников полиции к предупреждению и пресечению террористических преступлений.

Закономерно, что в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [8] предусмотрено право сотрудников полиции на нарушение требований закона «О полиции» о применении оружия при наличии ОИПД. В этом пункте разъяснено, что не может признаваться преступлением причинение вреда сотрудниками правоохранительных органов и военнослужащими, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей, применили оружие, специальные средства, боевую и специальную технику или физическую силу с нарушением установленного действующим законодательством порядка их применения, если исходя из конкретной обстановки промедление в применении указанных предметов создавало непосредственную опасность для жизни людей или могло повлечь за собой иные тяжкие последствия (экологическую катастрофу, совершение диверсии и т. п.). Указанное разъяснение Верховного Суда РФ распространяется на все ограничения права сотрудников полиции по применению огнестрельного оружия, но этого явно не достаточно. Сотрудники полиции в вопросах применения оружия руководствуются не разъяснениями Верховного Суда РФ и даже не Уголовным кодексом Российской Федерации, а положениями Закона «О полиции», почему данный вопрос требует четкой и недвусмысленной регламентации в последнем нормативном акте.

Следует отметить, что военнослужащие (сотрудники) национальной гвардии Российской Федерации менее ограничены в этом вопросе. Так, последние имеют право применения оружия (в том числе огнестрельного) «в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового или вооруженного нападения на важные государственные объекты, специальные грузы, сооружения, коммуникации, охраняемые войсками национальной гвардии, и на собственные объекты войск национальной гвардии» при значительном скоплении людей, если могут пострадать случайные лица [12]. Еще шире полномочия военнослужащих федеральной службы безопасности Российской Федерации, которым, кроме этого, не запрещено применять оружие (в том числе огнестрельное) с производством выстрела на поражение в отношении женщин, лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних в случае совершения террористического акта [11].

При этом, почти 70 % задержаний лиц, подозреваемых в совершении преступлений, осуществляется сотрудниками полиции, 25 % – обычными гражданами, и только около 5 % приходится на должностных лиц, в обязанность которых входит задержание преступников (сотрудники ФСБ, егеря и др.) [5, с. 23].

Различие полномочий военнослужащих (сотрудников) национальной гвардии, ФСБ РФ и полиции: во-первых, подтверждает вывод о том, что у сотрудников полиции недостаточно прав в применении огнестрельного оружия для пресечения террористических актов; во-вторых, указывают на необходимость расширения этих прав в применении огнестрельного оружия, аналогично полномочиям военнослужащих ФСБ России; в-третьих, указывают, что для правоохранительных органов было бы правильно закрепить единые полномочия по применению оружия. Последний вывод не нов и подтвержден весьма серьезными исследованиями, в частности с этим предложением согласны 84,7 % опрошенных В. А. Мельниковым руководителей ОВД разных уровней [3, с. 256; 6, с. 18, 19].

Предусмотренных законом «О полиции» границ допустимого применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции при выполнении своих служебных обязанностей явно не достаточно для успешного противодействия терроризму, предотвращения и пресечения террористических актов. Такое положение не может не сказаться на качестве выполнения сотрудниками полиции служебных задач и обязанностей по противодействию терроризму, ведь их обязанности не обеспечены достаточным объемом прав.

Как правильно замечает А. И. Каплунов, адекватные изменения прав сотрудников полиции по применению оружия могут способствовать преодолению у многих сотрудников полиции комплекса собственной правовой незащищенности, и позволит им более решительно действовать при пресечении опасных преступлений. Он же считает, что основания (случаи) применения огнестрельного оружия целесообразно скорректировать на основе принципа соразмерности с учетом допустимости причинения посягающему любого вреда (другими словами, производства «смертельного» выстрела) [2, с. 65].

17 ноября 2015 г. на рассмотрение в Государственную Думу Российской Федерации поступил законопроект № 828616-6 «О внесении изменений в Федеральный закон "О полиции" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [8]. В этом проекте предусмотрено расширение прав полиции, в числе прочего в части увеличения исключений по применению оружия при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные ли-

ца. Предложено часть 6 после слов «случайные лица» дополнить словами «, за исключением применения огнестрельного оружия в целях предотвращения (пресечения) террористического акта, освобождения заложников, отражения группового вооруженного нападения на критически важные и потенциально опасные объекты или объекты, здания, помещения, сооружения органов государственной власти.».

Как видно из нашего исследования данное предложение обосновано требованиями адекватного реагирования сотрудников полиции на террористическую угрозу. Кроме этого считаем необходимым по примеру полномочий военнослужащих ФСБ России, предусмотреть право применения огнестрельного оружия в отношении женщин (в т. ч. беременных), лиц с явными признаками инвалидности, несовершеннолетних, когда их возраст очевиден или известен, в случаях предупреждения террористического акта. А именно, в случаях приготовления или совершения террористического акта лицами, перечисленными в ч. 5 ст. 23 закона «О полиции».

Таким образом, предлагаем в дополнение к изменениям, предложенным законопроектом № 828616-6, внести в закон «О полиции» следующие изменения:

- часть 5 ст. 23 закона после слов «сотрудника полиции» дополнить словами «, либо приготовления или совершения террористического акта.»»;

- часть 3 ст. 19 закона «О полиции» после слова «сопротивления» дополнить следующими словами «, соразмерности охраняемых благ и причиняемого вреда этим или (и) посторонним лицам.»; после слова «ущерба» дополнить словами «, за исключением случаев, при которых разрешено применение огнестрельного оружия.».

Предложенные изменения придадут сотрудникам полиции больше уверенности в правомерности своих действий при выполнении служебных задач по противодействию терроризму и повысят результативность борьбы с этим социальным явлением.

-
1. Бязров С. Е. Правомерное применение оружия военнослужащими как обстоятельство, исключаящее преступность деяния: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / ВНИИ МВД России. Москва, 2013. С. 10–11, 23.
 2. Каплунов А. И. Совершенствование правового регулирования применения милицией физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия // Полицейское право. 2006. № 3.
 3. Мельников В. А. Административно-правовое ограничение прав граждан и механизм его реализации органами внутренних дел: монография / под ред. В. В. Денисенко. Волгоград: ВА МВД России, 2013. С. 256.

4. Михаль О., Власов Ю. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния // Уголовное право. 2011. № 2.
5. Никуленко А. В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Балтийский фед-й ун-т. Калининград, 2011. С. 23.
6. Опарин В. Н. Правовое регулирование применения мер непосредственного принуждения должностными лицами правоохранительных органов Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Омский гос. ун-т. Омск, 1998. С. 18, 19.
7. Смирнова Л. Н. Теория и практика задержания лица, совершившего преступление, с причинением ему вреда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2003.
8. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ»..
9. Степанов Н. В. «Коллизия жизней» как социально-философская проблема: автореф. дис. ... канд. филос. наук / Мос. гос. техн. ун-т «СТАНКИН». Москва, 2011. С. 20–22.
10. Террористический акт в Беслане (1–3 сентября 2004 года) [Электронный ресурс] // Кавказский узел. URL: http://www.kavkaz-uzel.eu/articles/211997/#note_16 (дата обращения: 12 сентября 2016 г.); Бесланская школа: как это было [Электронный ресурс] // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/articles/2004/09/07/beslan> (дата обращения: 12 сентября 2016 г.).
11. О федеральной службе безопасности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ: в ред. от 30 декабря 2015 г. № 468-ФЗ. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
12. О войсках национальной гвардии Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Токарчук Роман Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки,
Крымский филиал
Краснодарского университета МВД России

ЧЕСТЬ, ДОСТОИНСТВО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ПРАВОВЫЕ КАТЕГОРИИ

Проводится анализ понятий «честь», «достоинство» и «справедливость», как основных правовых категорий. Излагаются мнения различных ученых-правоведов в контексте динамики развития данных понятий. Прослеживается тонкая грань между различиями этих дефиниций, а также их взаимосвязь между собой. То есть, честь, достоинство и справедливость являются морально-этическими стандартами, возведенными в ранг закона. В работе сделан акцент на том, что данные постулаты составляют ценность, охраняемую государством и правовыми регуляторами.

Ключевые слова: честь, достоинство, справедливость, государство, общество, личность, право, правовые категории, дефиниции, ценность, репутация, мораль, воспитание, объективность, субъективность, нормативный правовой акт.

Вопрос рассмотрения чести и достоинства как самостоятельных теоретико-правовых понятий, отражающих глубокую взаимосвязь личности, общества и государства, а также проблема наиболее эффективной защиты чести и достоинства, не только не утратили своего значения в современном мире, но и приобрели особое звучание и смысл в свете происходящих событий и процессов.

С одной стороны, на современном этапе общество располагает развитыми юридическими приемами и способами обеспечения эффективной правовой защиты личности, ее чести и достоинства. Это гарантировано положениями международных нормативных правовых актов и национального законодательства. Конституция Российской Федерации предусматривает право каждого на защиту своей чести и доброго имени (часть 1 статьи 23). Согласно части 1 статьи 21 Конституции Российской Федерации, достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления. В развитие конституционных норм Гражданский кодекс Российской Федерации относит к числу наиболее значимых нематериальных благ достоинство личности, ее честь, доброе имя, деловую репутацию и справедливость.

С другой стороны, история XX–начала XXI века, показали, насколько многообразны пути и способы ущемления чести и достоинства личности. На настоящий момент наметилась тенденция роста количества исков о защите чести и достоинства личности.

Актуальными и значимыми для рассмотрения вопроса о развитии понятий чести и достоинства являются произведения мыслителей Нового времени, а также работы представителей европейской юриспруденции

XVIII–XIX вв.: И. Бентама, Ф. М. А. Вольтера, Г. Гегеля, Т. Гоббса, Л. Дюги, И. Канта, Б. Констана, Дж. Локка, К. Маркса, Ш. Монтескье, Ф. Ницше, Р. Паунда, С. Пуфендорфа, Ж.-Ж. Руссо, Г. Спенсера, Б. Спинозы, А. Токвиля, И. Г. Фихте, Ф. Энгельса, Е. Эрлиха.

Проблема правовой защиты чести и достоинства личности не может быть разрешена без анализа новейших тенденций, как в теоретическом правоведении, так и в отраслевых науках.

Диалектичность данных понятий позволяют вновь возвращаться к их исследованию на каждом новом историческом этапе, с учетом изменения общественных отношений, историко-правовых условий, повышения значения ряда правовых ценностей, развития методологии юридической науки.

Понятия чести и достоинства тесно связаны с другими правовыми ценностями, в частности, со свободой и справедливостью. Взаимосвязь свободы и справедливости с честью и достоинством четко прослеживается на современном этапе, когда уважение права на неприкосновенность частной и семейной жизни и сохранение ее тайны являются неотъемлемыми составляющими индивидуальной свободы, а правовое закрепление личных (гражданских) прав и свобод создает юридическую основу взаимоотношений личности, общества и государства в сфере личной свободы.

Для обеспечения высокого уровня защиты прав и свобод человека и справедливости необходима эффективная организация защиты не только имущественных прав, но и благ, имеющих нематериальное содержание. С развитием рыночных отношений, происходящими преобразованиями во всех сферах жизнедеятельности общества, идеи правового государства, демократии и гражданского общества тесно связаны с проблемой защиты нематериальных прав и благ, которые приобретают особую актуальность. Научный анализ данной работы имеет большое значение для науки, развития законодательства и практики, а также для более полной охраны прав человека, создания условий для развития его индивидуальности.

Одно из главных мест в системе нематериальных благ принадлежит чести, достоинству и справедливости в обществе и государстве. Их защита гарантирована положениями международных нормативных правовых актов и национального законодательства.

Становление личности невозможно без признания человека высшей социальной ценностью, которая и определяет необходимость сохранения его чести и достоинства. В числе важнейших признаков и принципов демократии является уважение к правам, чести и достоинству личности. Развитие человека, строящего свою жизнь на основе высших нравственных ценностей – добра, справедливости, чести, совести, достоинства, возможно лишь в условиях подлинного уважения самой личности, т.е. уважения ее прав, чести, достоинства.

Сохранение личностью чести и достоинства носит характер отношений, основанных на нормах права и морали, на принципах свободы и взаимной ответственности между государством, обществом и личностью, между различными личностями и социальными группами.

Дефиниции чести и достоинства личности были неоднократно сформулированы в юридической науке. Анализируя определения, предложенные в теории, с правовой точки зрения можно заключить, что между авторами нет существенных разногласий в том, что понимать под честью и достоинством. Некоторые ученые-правоведы считают, что для правоприменителей намного важнее закрепить систему действий, которые запрещается совершать во избежание унижения чести и достоинства личности, чем «закрытие проблемы» легального определения исследуемых моральных категорий [1]. Ю. А. Агешин пишет: «толкование столь сложных понятий следует предоставить судам, правоохранительным органам, а также ученым» [2].

Верно, что юридически точно раскрыть содержание этих абстрактных понятий сложно. «Честь и достоинство» необходимо рассматривать через призму понятия нематериального блага, которое выступает по отношению к ним в качестве родового понятия [3]. Однако статья 150 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) также не предлагает легального определения понятия нематериальных благ, лишь перечисляя их, не раскрывая их содержания. В связи с этим целесообразно обратиться к толковому словарю.

Словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой предлагает собственные определения: «Достоинство – совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе. Честь – достойные уважения и гордости моральные качества человека, его соответствующие принципы» [4].

В словаре В. И. Даля приведено следующее определение понятия: «Честь – внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть» [5].

Следовательно, семантические компоненты: «мораль», «нравственность», «достоинство» человека в русском языке являются существенными признаками данных понятий. Согласно этому можно заключить, что данные понятия – категории исключительно морально-нравственной сферы. Но они играют очень важную роль в жизни человека и нуждаются в правовой защите, в особенности в современный период, когда личность все более индивидуализируется, становится более тонкой в психологическом смысле и требует к себе внимания и уважения.

Если провести анализ текстов законов, то можно прийти к выводу, что ни в одном нормативном правовом акте нет легального определения понятий чести и достоинства личности. Как считаю многие авторы, это связано с тем, что моральное пространство гораздо шире правового. В пра-

вой науке эти понятия определены как морально-правовые категории с присущими им специфическими свойствами. Различия между ними лишь в субъективном или объективном подходе при оценке этих качеств. При формулировании этих понятий различные авторы дают не тождественные, но и не противоречащие друг другу определения.

Честь понимается как общественная оценка личности, мера социальных, духовных качеств гражданина как члена общества, которая во многом зависит от него самого, от его поведения, отношения к другим людям, коллективу, государству [6]. Достоинство рассматривается указанным автором как внутренняя самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего общественного значения. По его словам, эти понятия отражают определенные социальные отношения между гражданином и обществом, а потому имеют общественное значение и охраняются, в том числе и правом [7].

Честь – объективная оценка личности, определяющая отношение общества к гражданину или юридическому лицу, это социальная оценка моральных и иных качеств личности [8].

Как нам показывает А. А. Власов, понятие чести имеет два аспекта – внешний (объективный) и внутренний (субъективный). Объективная сторона чести заключается в признании и уважении заслуг личности со стороны общества и является ее репутацией, добрым именем, нашедшим выражение в высоком мнении окружающих. Субъективная сторона чести заключается в способности человека самому оценивать свои действия и поступки, осознавать свою честь, репутацию, чувствовать о себе мнение в определенной общественной среде, и выступает как внутренний мотив деятельности и поведения личности. Следовательно, честь – это положительная оценка отражений духовных качеств лица в сознании окружающего общества [9].

Чувство чести, так как через посредство этого ее свойства общественное мнение оказывает моральное воздействие на человека. От степени развития чувства чести зависит восприимчивость человека к моральному воздействию общества. Честь – это морально-правовая категория позитивно-объективного характера, определяющая общественную оценку личности.

А. Л. Анисимова отмечает, что с точки зрения философско-правовых воззрений честь представляет собой могучую власть, крупнейшую из сил, проявляемых в истории отношений людей и народов в целом [10]. Честь – это общественная оценка личности, определенная мера духовных, социальных качеств гражданина. Категория чести является таким же благом человека, как его жизнь, здоровье и свобода. Человек, дорожащий своей честью, соизмеряет ее со своим добрым именем и совестью.

Также она считает, что понятие чести имеет три аспекта. Во-первых, это характеристика самой личности («качества лица»). Эта сторона поня-

тия чести наиболее ярко выступает в словарных определениях, особенно в приведенном выше «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля («внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть»). Во-вторых, это общественная оценка личности («отражение качеств лица в общественном сознании»). Понятие чести изначально предполагает, что эта оценка положительная. В-третьих, это общественная оценка, принятая самой личностью, «способность человека оценивать свои поступки... действовать в нравственной жизни в соответствии с принятыми в... обществе моральными нормами, правилами и требованиями» [11].

Таким образом, по приведенным суждениям понятие «честь» рассматривается как категория оценки другими людьми и как самооценка. Следовательно, демонстрируется противопоставление двух подходов. Тем не менее их объединение возможно, исходя из того что честь – это и общественная оценка личности и в то же время осмысление самой личностью такой оценки, т. е. самооценка. Значит, понятие чести имеет два аспекта: внешний (объективный) и внутренний (субъективный).

Внешняя сторона понятия чести объективна по содержанию, так как не зависит от оценки конкретного человека, а отражает обобщенные в данном понятии ценности конкретного общества, социальной группы. Она есть также морально-политическая оценка деятельности и поведения конкретной личности другими людьми, обществом, носящая устойчивый характер и касающаяся личности в целом либо отдельных ее сторон. Базовая оценка чести тесно связана с понятиями «репутация», «доброе имя», «престиж». И если репутация означает общее устойчивое мнение об оценке личности и ее деятельности, преобладающее в определенной группе людей, то престиж является такой же оценкой, но ограниченной пределом более узкого круга.

Вследствие этого, объективная сторона чести по своему содержанию носит конкретно-исторический характер и выражает представление о месте и роли человека в сложной системе общественных отношений, о требованиях, предъявляемых к человеку со стороны общества, о личных и общественных оценках его деятельности, т. е. отражает общие для конкретного общества нравственные явления.

Таким образом, объективная и зримовидная сторона чести заключается в признании и уважении заслуг личности, справедливости со стороны общества и является ее репутацией, добрым именем, моральным значением, нашедшим выражение в высоком мнении окружающих. Честь представляет собой и этическое благо, поскольку направляет деятельность личности на достижение положительной оценки со стороны общества и, доставляет ей моральное удовлетворение.

Внутренняя же сторона чести по форме субъективна и неразрывно связана со способностью человека самостоятельно оценивать свои дей-

ствия и поступки с осознанием своей чести, репутации, с его чувствительностью к тому, какое мнение будет о нем существовать в определенной общественной среде. Сознание чести – важное свойство личности, так как от степени его развития зависит восприимчивость личности к моральному воздействию общественного мнения. Таким образом, честь в субъективном, внутреннем своем аспекте, выступает как внутренний мотив деятельности и поведения личности.

Касаемо понятия достоинства, то оно нашло широкое употребление и применение сравнительно недавно.

А. Л. Анисимов определяет достоинство как «самооценка собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего поведения, общественного значения» [12]. Категории чести и достоинства, согласно его точке зрения, определяют отношение к человеку как высшей общественной ценности.

В юридической литературе приведены и другие определения анализируемых понятий.

Достоинство определяется А. М. Эрделевским как «сопровождающееся положительной оценки лица отражение его качеств в собственном сознании» [13].

Достоинство – самооценка личности, осознание ею своих личных качеств, способностей, мировоззрения, выполненного долга и своего общественного значения. Самооценка должна основываться на социально значимых критериях оценки моральных и иных качеств личности. Достоинство определяет субъективную оценку личности [14]. Встречаются и другие определения достоинства, такие как «осознание лицом своих качеств, способностей, стремлений и своего общественного значения. Это самооценка личности, но основанная на оценке обществом» или «самооценка лицом своих моральных, профессиональных и иных качеств» [15].

Как отмечает Ю. И. Стрецовский, в понятие «достоинство личности» включается обладание и минимальный набор социальных благ, необходимых для достойной жизни [16].

Справедливость – справедливое отношение к кому-нибудь, бесстрашие, соответствующее истине; осуществление каких-либо действий на законных и честных основаниях.

Под справедливостью также понимается наличие у субъектов права баланса прав и обязанностей.

Категории чести, достоинства и справедливости имеют и определенную направленность. Их объектом является, прежде всего, человек, или группа людей, или коллектив, или, в более широком плане – честь нации, класса.

У человека сознание и чувство чести и достоинства как бы органически слиты воедино, но их нельзя отождествить.

Достоинство и справедливость того или иного человека заключается в духовных и физических качествах, ценных с точки зрения потребностей общества. Эти личные качества и составляют то, что принято называть личным достоинством.

Являясь нравственными категориями, честь, достоинство и справедливость носят общеправовой характер. Они тесно связаны между собой и чаще всего рассматриваются как единое целое категорий в этике и праве. Понятия чести, достоинства и справедливости определяют отношение к человеку как высшей общественной ценности.

Положения чести, достоинства и справедливости имеют и определенную общественную направленность. Их объектом являются, прежде всего, человек или группа людей, или коллектив, или, в более широком плане, говорят о чести и достоинстве нации.

Между собой эти категории имеют неразрывную связь в силу того, что в их основе лежит единый критерий нравственности. Данные чувства не только переживаются, но и осознаются, поэтому при толковании понятия чести разграничивают чувство чести от сознания собственного достоинства. У человека сознание и чувство чести, достоинства и справедливости вытекают одно из другого, как бы органически слиты воедино. Вместе с тем тесное взаимодействие этих категорий, отражающее реальность, не исключает их различия и наличия у каждой из них специфических, самостоятельных черт и особенностей. Основное различие этих понятий, на наш взгляд, заключается в том, что если честь определяет степень признания, уважения личности со стороны общества как результат выполнения ею общепринятых нравственных и правовых норм, то достоинство предполагает равные возможности всех людей достигнуть такого признания, уважения. Таким образом, категория достоинства связана с идеей нравственного самоутверждения личности, а категория чести – с идеей общественного признания человека. Достоинство находится в определенной зависимости от воспитания человека, его внутреннего духовного мира, особенностей психического склада.

Честь, достоинство и справедливость, в частности, граждан не одинаковы, поскольку не одинаковы их заслуги перед обществом. Содержание чести, достоинства и справедливости любого человека постоянно обогащается, меняется по мере развития его общественной деятельности.

Итак, можно заключить, что честь, достоинство, справедливость – понятия достаточно широкие, богатые по содержанию и глубоко диалектические по своей природе.

Следует также сказать о перспективах развития чести, достоинства и справедливости. Учитывая существующее на сегодняшний день множество мнений о тождестве или различии таких понятий, как «честь», «достоинство», «доброе имя», «репутация», «деловая репутация», «социальный престиж» и др.

А. М. Эрделевский предлагает ввести универсальное понятие – «репутация». Именно такой единый термин успешно применяется в англосаксонском праве.

Также С. А. Авакьян говорит о закреплении достоинства личности как конституционно-правовой категории [16]. В свою очередь А. Л. Анисимов относит честь и достоинство к социально-правовым категориям, о чем свидетельствует название одного из параграфов его работы, посвященной защите чести и достоинства личности, а именно «Честь, достоинство и деловая репутация как социально-правовые категории» [17]. Будучи включенными в состав нормативного правового акта, т. е. став категориями права, указанные понятия, во-первых, превращаются в общеобязательные государственные установления, во-вторых, не только проявляются как атрибуты абстрактного мышления, но и выступают как средство регулирования общественных отношений, как государственный масштаб оценки поведения людей, в-третьих, приобретают способность переводить общие абстрактные требования на уровень практических действий участников правового общения.

Итак, можно заключить, что употребление словосочетания «правовые категории» в отношении чести и достоинства объясняется объективацией их в праве (т. е. моментом закрепления чести и достоинства в нормативных правовых актах). Такая объективизация выступает как момент перехода правовых категорий в категории права, что делает возможным употребление в отношении чести и достоинства и словосочетания «категории права».

Таким образом, честь и достоинство личности неразрывно связаны с правом, поскольку их ущемление или утрата влекут за собой потерю нормальных общественных связей, а, значит, и утрату определенного статуса в правоотношениях с другими субъектами и государством. Теоретико-правовое толкование данных понятий основано на анализе правовых норм, защищающих эти блага. С точки зрения ценностного подхода к анализу правовых явлений, понятия чести, достоинства и справедливости являются важнейшими правовыми ценностями, занимают значимое положение в системе прав человека и нуждаются в соответствующей защите со стороны государства и общества.

Категории «честь», «достоинство» и «справедливость» тесно связаны между собой, но имеют отличия. Достоинство основывается на принципе равенства всех людей в моральном и правовом отношении и не зависит от общественной значимости личности. Содержание понятия «честь» включает оценку социальной значимости личности со стороны общества в зависимости от рода ее деятельности, моральных качеств и т. д. Указанные понятия отражают субъективное (достоинство) и объективное (честь) представления о положении, занимаемом личностью в системе общественных связей. Государство и право обеспечивают применение действенного ме-

ханизма защиты или восстановления данного положения в случаях возможных нарушений. Таким образом, оба понятия в своем диалектическом единстве отражают глубокую взаимосвязь личности, общества и государства, баланса интересов каждой из составляющих этой системы на началах соблюдения прав и свобод личности.

1. Телегина И. В. Честь и достоинство как правовые категории // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право. 2007. Вып. 12. № 28(100). С. 75–77.
2. Агешин Ю. А. Во имя высших интересов России: Десять особенностей проекта закона «Об обеспечении права гражданина Российской Федерации на честь и достоинство» // Журнал российского права. 1999. № 10. С. 13–14.
3. Марченко С. В. Базовые понятия чести, достоинства и деловой репутации как объектов гражданских прав // Юрист. 2004. № 8. С. 29–33.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: «А ТЕМП». 2004. С. 177, 882.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 томах. М.: Русский язык-Медиа, 2006. С. 599–600.
6. Леванов В. Защита чести, достоинства и деловой репутации // Бизнес: организация, стратегия, системы. 1997. № 2. С. 44–45.
7. Гражданское право. М.: ТК Велби; Проспект, 2004. С. 383.
8. Власов А. А. Особенности судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации // Юрист. 2005. № 1. С. 54–55.
9. Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М.: Юристъ, 1994. С. 6.
10. Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации: учеб. пособие. М.: ВЛАДОС-ПРЕСС, 2001. С. 9.
11. Эрделевский А. М. Защита чести, достоинства и деловой репутации в судебной практике. М.: ВолотерсКувер, 2006. С. 133–137.
12. Гражданское право: учебник. В 3 т. Т. 1. 6-е изд., перераб. и доп. / Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев и др.; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. М.: ТК Велби; Проспект, 2004. С. 383.
13. Гражданское право России. Часть первая. М.: Юристъ, 1998. С. 169.
14. Гражданское право. М.: БЕК, 2002. С. 733.
15. Стецовский Ю. И. Право на свободу и личную неприкосновенность: нормы и действительность. М.: Дело, 2000. С. 274.
16. Авакьян С. А. Конституционное право России. М., 2007. С. 579.
17. Анисимов А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации. М., 2001. С. 9.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Юнусов Самур Абдулжабарович,
кандидат юридических наук,
Академия ФСИН России

Сборник статей

**ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 1516 от 11.11.2015 г.
Подписано в печать 27.04.2017 г. Формат 60х90^{1/16}.
Усл. печ. л. 11,06. Тираж 29 экз. Заказ № 946.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Орел, Игнатова, 2